

Націоналізмъ
и національное воспитаніе.

МН
К 56

Проф. П. И. Ковалевскій.

НАЦІОНАЛІЗМЪ

и

НАЦІОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ

ВЪ РОССІИ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе третье,
дополненное.

С.-Петербургъ.
1912.

НАЦИОНАЛИЗМЪ

НАЦИОНАЛИЗМЪ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛ. БИБЛИОТ. Я
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТ. РСФСР
№ 7001 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАЦИОНАЛИЗМЪ.

7001. ✓
Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

Историческій очеркъ русскаго націонализма.

«Русскіе націоналисты—людоѣды»... такъ говорятъ инородцы, ненавидящіе Россію и желающіе ей зла. Такъ говорятъ и нѣкоторые коренные русскіе, или продавшіе свою душу врагамъ отечества, или люди необразованные, или люди глупые.

«Русскіе націоналисты»—люди, въ дѣйствительности всей душой любящіе свою родину и свою націю, уважающіе ея прошлое и желающіе ей славы, мощи и величія въ будущемъ. Таковы русскіе были, есть и будутъ во вѣки вѣковъ. Таковыми были чисто русскіе и русскіе изъ инородцевъ, какъ Циціановъ, Чавчавадзе и многіе другіе. Они отдавали всецѣло свою жизнь на служеніе родинѣ и безраздѣльно принадлежать только ей. Но за то только такіе русскіе и имѣютъ право называться русскими, сынами Великой Россіи и пользоваться всѣми правами русскихъ гражданъ.

Тѣ изъ русскихъ, кои осмѣливаются злословить свою мать Россію, кои желаютъ ей зла, кои рѣшаются, живя въ ней, дѣйствовать во вредъ ей,—это уже не русскіе. Это—враги Россіи, а потому пускай не прогнѣваются, если и мы имъ ска-

жемъ, что они не имѣютъ права на пользование благами русскаго гражданина.

Россія—для русскихъ—въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но гдѣ то государство, гдѣ та нація, которыя смотрѣли бы иначе? Президентъ свободной республики Рузвельтъ заявилъ прямо и открыто: американскій гражданинъ только тотъ, кто всей душой преданъ Америкѣ. Почему въ Россіи должны думать иначе?!

Вѣковъ 12—14 назадъ въ области Карпатъ скопилось огромное множество славянства. Это было славянское человѣческое море. И вотъ его ручьи потекли на сѣверъ и поселилось это племя по Эльбѣ, Нѣману, Вислѣ и Двинѣ до береговъ Балтійскаго моря. Потекли ручьи славянства и на югъ, давъ начало славянскимъ народамъ: болгарамъ, сербамъ, черногорцамъ и т. д. Потекли они и на востокъ, давъ начало славянамъ руссійскимъ или русскимъ.

На долю послѣднихъ выпала особенно счастливая участь: они заняли обширнѣйшую, плодороднѣйшую и многоводную восточную равнину Европы. На лицо было и богатство природы и пути сообщенія. Встрѣтившіеся здѣсь финскія племена не только не оказали имъ противодѣйствія, а сами подчинились и ассимилировались славянами.

Пришельцы въ какую либо страну въ своемъ новомъ отечествѣ любятъ давать названія мѣстъ, рѣкъ и поселеній прежняго своего отечества. То же было съ славянами. На Карпатахъ было въ

ходу названіе рѣкъ: Рось, Россейка, Русь и т. д. Поселившись на востокѣ, славяне и здѣсь стали называть свои рѣки тѣми же именами. Значительное число славянъ поселилось у Чернаго моря, почему и самое море тогда называлось Русскимъ моремъ и только нынѣ оно переименовано въ „Черное“ море.

Охотно селились славяне и по Днѣпру и первому справа притоку Днѣпра дали названіе Рось. Отсюда и поселенцы стали зваться Россійскими славянами, Русскими и т. д. И это названіе восточныхъ славянъ встрѣчается въ греческихъ и арабскихъ источникахъ за долго до призванія въ Россію новгородскихъ князей. Постепенное ознаменіе съ мѣстностію подвинуло юго-восточныхъ славянъ отъ Русскаго моря и Роси дальше на сѣверъ, гдѣ образовался весьма видный промышленный и стратегическій пунктъ Кіевъ. Кіевъ занималъ наиболѣе сильный пунктъ на пути «отъ варягъ въ греки», т. е. отъ Балтійскихъ славянъ и главнаго славянскаго сѣвернаго пункта Новгорода и до Русскаго моря и Константинополя. Это былъ главный путь, гдѣ поселились восточные славяне. Кромѣ того, на побережьи Русскаго и Азовскаго морей жили также наши братья славяне съ главнымъ городомъ Тмутараканью. Такимъ образомъ на великой Восточной Европейской равнинѣ поселились славяне и образовали три главныхъ пункта: на сѣверѣ, вблизи Балтійскаго моря, Новгородъ, по срединѣ, на Днѣпрѣ, Кіевъ—и на югѣ, на бе-

регу Чернаго или Русскаго и Азовскаго моря, Тмутаракань. Соединительнымъ путемъ между этимъ пунктомъ былъ путь «отъ варягъ въ Греки».

Особенностью славянскихъ, между прочимъ и восточныхъ племенъ было то, что они проявляли крайнюю рознь и едва ли не враждебныя отношенія другъ къ другу ¹⁾. Этой розни много способствовало и то, что племена жили не вкупѣ, а разбросанными по всему лицу великой восточной равнины. Поэтому, не смотря на храбрость и воинственность, они не представляли собою цѣлой, грозной, могучей силы. Некому было ихъ объединить. При недовѣрїи другъ къ другу, такимъ объединителемъ не могъ явиться человѣкъ, вышедшій изъ ихней же среды. Объединителемъ явился варягъ, князь Рюрикъ.

Говорятъ, Варяги происходятъ отъ норманъ. Это совершенно не вѣрно. Варягами назывались кочующіе военные отряды, составленные какъ изъ норманъ, такъ и изъ другихъ прибалтійскихъ народностей, жившихъ по Балтійскому побережью. Скорѣе всего Рюрикъ и его дружина вышли изъ славянскаго племени Вендовъ. Это доказывается тѣмъ, что весь пришлый владѣтельный элементъ варяговъ не далъ нашимъ предкамъ ничего своего ни въ языкѣ, ни въ религїи, ни въ учрежденїяхъ, ни въ правахъ и обычаяхъ. Не дали они ничего новаго нашимъ предкамъ потому, что они

¹⁾ Проф. П. И. Ковалевскій. Исторія Россїи съ національной точки зрѣнїя.

сами были славяне и всецѣло слились съ призванными ихъ славянами.

Призванные русскіе князья явились первыми объединителями восточныхъ славянъ. И дѣйствительно, уже Олегъ объединилъ славянъ трехъ важнѣйшихъ пунктовъ славянскихъ поселеній. *Святославъ, первый національный русскій вождь*, князь—богатырь, закончивъ это объединеніе, захватилъ къ сему и многія финскія племена. При Святославѣ уже Россія стала единымъ сильнымъ и мощнымъ государствомъ. Россія Святослава была грозою и для грековъ и для западныхъ народовъ. Этотъ князь явился цементомъ русскаго племени и доказалъ великую силу и мощь *самодержавїя* въ славянскомъ племени. Самодержавіе первыхъ князей это есть органическая основа бытїя, величїя и мощи послѣдующей Россїи. Это не есть ничто искусственное, а національная особенность русскаго народа и нашего государства. Почему русскіе націоналисты въ числѣ основъ своего національнаго символа вѣры кладутъ *самодержавїе*. Вторымъ объединительнымъ элементомъ на ряду съ самодержавїемъ, націоналисты ставятъ *православїе*.

Для разьединеннаго и живущаго въ рознь народа требовалась опека и руководство. Такими опекунами и были князья и духовенство. Но всякая медаль имѣетъ лицевую и обратную сторону. Съ вокняженїемъ князей, Россія стала мощною и великою. Но для поддержанїя силы и мощи

даннаго общества требовалась дружина. Эта дружина прежде всего являлась минусомъ для работы и экономического производства общества. Кроме того, вся эта дружина требовала содержанія. Народъ долженъ былъ работать и на себя и на дружину. Точнѣе говоря, народъ обращался въ рабовъ и лишался той воли, той свободы, которою онъ пользовался до вокняженія. Это была первая основа закрѣпощенія. Въ данномъ состояніи Россіи народу присуще было національное чувство — князю же и правящему классу — національное самосознаніе. Национальное чувство, какъ и всякое чувство, будетъ тѣмъ ярче и тѣмъ напряженнѣй, чѣмъ люди свободнѣй и привольнѣй. Рабство угнетаетъ человѣка и подавляетъ его чувства, — а потому и національное чувство русскаго народа въ періодъ появленія элемента рабства, должно было тускнѣть и меркнуть. Но то была только часть русской невзгоды.

Русь, центръ которой теперь перешелъ на югъ, въ Кіевъ, подверглась серьезной бѣдѣ — нападению печенѣговъ, торковъ, черныхъ клубуковъ, половцевъ и проч. Всѣ эти хищники, нападая на государство, — людей рѣзали и брали въ полонъ, а имущество грабили и жгли. Кто страдалъ? Народъ.

Россія считалась владѣніемъ не князя, а княжескаго рода. Такая система породила удѣльное княженіе, а послѣднее борьбу за удѣлы, междоусобицу и самоистребленіе. По обычаю того вре-

мени, междоусобица сопровождалась разбоемъ, пожарами, полономъ и убійствами. Кто страдалъ? Народъ. Особенно же страдалъ народъ южной части Россіи, на которую всѣ накидывались, какъ на житницу. Разореніе же народа вело къ усиленію рабства, а усиленіе рабства, еще больше подавляло національное чувство.

Татарское иго доканало все.

Югъ Россіи сталъ пустѣть. Все, что не было вырѣзано, то стремилось бѣжать. Многіе изъ русскихъ южанъ бѣжали во Владиміро-Суздальскую землю, гдѣ подчинили себѣ финскія племена и ассимилировали ихъ, создавъ наибольшую вѣтвь русскаго племени — *великорусскую*. Другая часть бѣжала въ Польшу и Венгрію, а часть устремилась къ Литвѣ.

Южная Русь опустѣла.

Тамъ бродили остатки недорѣзаннаго русскаго племени, — туда устремились разбросанные остатки торковъ, черныхъ клубуковъ и половцевъ, — тамъ селились отдѣльные роды татарской орды.

Вскорѣ, однако, стало не въ моготу южнымъ бѣженцамъ въ Польшѣ и Венгріи. Религіозное насиліе папѣжства заставило русскихъ бѣженцевъ вспомнить о своей матери, южной Россіи. Они вернулись туда, смѣшались съ бродячими остатками и составили особую вѣтвь русскаго племени *малорусскую вѣтвь*, какъ бѣженцы въ Литву, подъ вліяніемъ смѣшенія съ послѣднею, составили вѣтвь *бѣлорусскую*. Но всѣ эти три вѣтви: вели-

корусская, малорусская и бѣлорусская представляли собой одно единое, нераздѣльное *русское племя*.

Въ періодъ удѣльнаго княженія Россія разбилась не только на отдѣльныя вѣтви, но на мелкіе до безконечности удѣлы, постоянно враждовавшіе между собою и истреблявшіе другъ друга. Такая рознь, естественно вела къ ослабленію государства и его безсилію.

Все, что только могло, ополчилось на Россію и бросилось ее грабить. Тутъ были и татары, и поляки, и венгры, и шведы, и нѣмцы и кто угодно. А больше всѣхъ простираетъ свою захватную руку на Россію Римскій папа, которому очень хотѣлось окатоличить Россію. Россія распадалась. Россія была раздираема. Россія была какъ бы на краю гибели. Невозможно, чтобы не нашлось мощнаго человѣка, который бы не понялъ причины гибели Россіи въ ея удѣльномъ спорѣ и не постарался бы ее спасти. Такіе люди нашлись и такими людьми оказались московскіе князья.

Уже Андрей Боголюбскій понялъ смыслъ и значеніе житія одного княжества и объединеніе удѣловъ въ однихъ рукахъ. Онъ первый, получивъ великокняжескій престолъ въ кievѣ, не бросилъ своего удѣла и не передалъ въ удѣлъ кому другому,—а, оставшись княжить на мѣстѣ, поставилъ въ зависимость отъ себя самый Кіевъ. Съ этихъ поръ мало по малу, частица по частицѣ, къ Суздали стали прилипать мѣстечки, города и

цѣлые удѣлы. Тутъ были пущены въ ходъ и родство, и купля и насиліе. Потомки Андрея перенесли центръ средоточія западнѣе, въ Москву, подальше отъ орды.

Іоаннъ Калита проявилъ особую заботливость къ увеличенію своей области, а Димитрій Донской называлъ себя «великимъ княземъ всея Россіи».

Домовитости и хозяйственному смыслу московскихъ князей Россія обязана тѣмъ, что русское государство стало вновь крѣпнуть, увеличиваться и получать значеніе и мощь. Ко времени Іоанна Грознаго Московская Русь не только объединила всѣ отдѣльныя части, но стала присоединять и прежде не принадлежавшія ей земли. Такъ присоединились всѣ земли по Волгѣ и Каспійское море,—а затѣмъ и Сибирь. Все это стоило Россіи и крови и средствъ.

Благодаря Московскому собиранію, объединенію Руси, Россія стала такъ сильна и велика, что даже смутное время не погубило ее. Всѣ сословія Руси, особенно же среднее, духовенство и казачество во чтобы то ни стало пожелали имѣть царя православнаго и самодержавнаго. Въ этихъ двухъ элементахъ вся изстрадавшаяся Россія видѣла себѣ спасеніе, а въ будущемъ счастье, величіе и мощь государства. Ни папа, ни Жигмонтъ, ни шведы не смотря на полную смуту въ Россіи, ничего не могли съ нею сдѣлать. Россія опять стала самодержавною и осталась православною. Нельзя не отмѣтить въ этомъ періодѣ особенной заслуги ду-

ховенства и церковныхъ учреждений. Когда все гибло все колебалось, Троице-Сергіева лавра явилась опорой и защитой Руси православной. Это была великая сила, дѣйствительно объединившая Россію и спасшая ее и нравственно и политически.

Национальное чувство, не смотря на страшный пережитый гнетъ и тяжелое рабство, еще было сильно въ народѣ.

При избраніи царя на русскій престолъ были сторонники и королевича Владислава и Жигмонта, но эти сторонники стояли на одномъ, чтобы ихъ избранники были самодержавными и непремѣнно православными.

Цари изъ дома Романовыхъ неукоснительно стремились къ усилю русскаго государства и расширенію его границъ. Много было пролито крови, много затрачено средствъ государствомъ, но строительство государственное шло крѣпко и прочно. Эти великіе строители и намъ завѣщали стоять твердо въ защиту пролитою нашими предками крови и затраченныхъ средствъ. Это составляетъ третій основной принципъ націоналистовъ *нераздельность имперіи или единодержавіе*. Нѣтъ слова, Монгольское иго причинило Россіи много зла. Сотни тысячъ людей погибли въ бою, истязаніяхъ и мученіяхъ,—еще больше отведено было русскимъ въ полонъ. Земля была разорена и сожжена.

Но была для русскихъ и своя выгода въ татарскомъ порабощеніи. Изъ всѣхъ славянъ одни

только русскіе славяне сохранили свою національную самобытность и свою національную личность. Всѣ прочіе подверглись не менѣе губительному нравственному игу католичества и западничества, потерявъ свои основныя черты. Но сохранивъ свою національную самобытность, русскіе надолго отстали отъ остальной Европы въ знаніяхъ и просвѣщеніи. Замкнутые и отдѣленные Китайской стѣной націонализма, русскіе отбились отъ папизма и западнаго воздѣйствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишены были возможности пользоваться плодами науки и просвѣщенія.

Не смотря на всѣ перечисленныя невзгоды, русскій народъ до петровскаго времени былъ необыкновенно националенъ. Это былъ націонализмъ животный, инстинктивный, біологическій, по онъ спасъ Россію ея самобытностью. Россія не имѣла Китайской стѣны физически, но такая стѣна существовала морально, какъ она существуетъ тысячелѣтія и до сего дня у евреевъ... Сохраняя только замкнутостью свою самобытность, свою національную чистоту, русскіе, въ силу своей строгой отчужденности, много отстали отъ просвѣщеннаго Запада. Много тому помогъ и гнетъ татарскаго ига. По освобожденіи отъ ига, русскимъ нужно было собраться, объединиться и укрѣпиться. Когда это свершилось, оказалось: Россія была выше, но темнѣе.

И вотъ Великій Петръ рѣшилъ дать своей род-

ной землѣ тѣ знанія, тѣ науки, то просвѣщеніе, какихъ ей не доставало.

Въ стѣнѣ, отдѣляющей Россію отъ Западной Европы, императоръ Петръ прорубилъ окно. Черезъ то окно онъ внесъ въ свою родину свѣтъ знанія, просвѣщеніе и науку. Онъ пригласилъ ученыхъ и опытныхъ людей. Онъ послалъ въ Европу учиться русскую молодежь. Онъ самъ поѣхалъ туда учиться. Какъ, великій націоналистъ, онъ выписалъ людей свѣдущихъ учить уму разуму своихъ темныхъ подданныхъ; но эти учителя ясно, точно и опредѣленно знали, что они призваны *только учить, но не господствовать*. Они были учителя, но не начальство. Обучили и долой. Русскіе въ Россіи были и народъ и власть,—а иностранцы наемники. Не стало Петра Великаго и дѣло приняло другой оборотъ. Всѣ эти шведы, нѣмцы, французы и пр. забрали Россію въ свои цѣпкія руки и стали повелѣвать ею, какъ своею собственностью... Теперь вся Россія поступила въ рабство, припомните Бирона, Миниха, Остермана... Каково же было положеніе нашихъ князей, бояръ и дворянъ?.. Какой тутъ могъ быть русскій націонализмъ...

Правда, скоро много побили спѣси у этихъ проходимцевъ, тѣмъ не менѣе эти выходцы сохранили свое *особенное* положеніе даже и до дня сего... Очень часто они окружали царей непроницаемымъ кольцомъ и никого изъ русскихъ къ престолу не допускали...

Русскіе князья, бояре и почетные служилые люди были если не отгѣснены, то часто далеко не въ томъ почетѣ, какой имъ подобалъ. Имъ приходилось быть сдержаннѣе и осторожнѣе въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, ибо впереди ихъ стояли гордые, властолюбивые, самоувѣренные, если не нахальные инородцы. Русскій націонализмъ, самое большое, только былъ терпимъ. Къ нему инородцы относились свысока, пренебрежительно, если не презрительно.

Такимъ образомъ первое доброе начинаніе Великаго Петра при его слабыхъ пріемникахъ дало горькій плодъ.

Были и другія благія начинанія Петра, которыя при его пріемникахъ превратились во зло для русскаго національнаго быта. Великій Петръ создалъ Великую Россію. Но для того, чтобы Россія оставалась великою требовалось войско,—требовались деньги. Собрать и то и другое въ столь большомъ государствѣ было въ то время крайне трудно. Для лучшаго успѣха въ томъ дѣлѣ создавались помѣстья и являлись тамъ помѣщики. Помѣщики доставляли войско изъ подвластныхъ имъ крестьянъ и платили подати трудами и заработками ихъ крестьянъ. Въ свѣтлые годы, крестьяне работали на помѣщика,—въ годъ недорода и голода, помѣщики кормили своихъ подвластныхъ. Разумѣется, это не нравилось крестьянамъ и они переходили съ мѣста на мѣсто, и отъ помѣщика къ помѣщику. Тогда то, во избѣжаніе такихъ не-

доразумѣній, крестьяне были закрѣпощены. Явилось крѣпостное положеніе. Явилось крѣпостное право.

Какъ Франція, такъ и Германія не остается безъ послѣдователей. Націонализмъ вспыхиваетъ и въ сосѣднихъ государствахъ. Націонализмъ охватываетъ Италію, охватываетъ Испанію и наноситъ эгимъ великій вредъ самой наполеоновской Франціи.

Первое явное и рѣзкое проявленіе націонализма встрѣчается въ лицѣ Императора Петра I. Вся его жизнь, всѣ его труды, всѣ его старанія направлены на величіе, славу и честь Россіи. Онъ весь, вся его жизнь—только для Россіи. Очень стоитъ вспомнить знаменитый рескриптъ Петра I сенату изъ Прутской арміи. Военныя дѣла Петра стояли плохо. Всей арміи и ему самому грозилъ плѣнъ. И вотъ онъ пишетъ сенату:

«Господа сенаторы: увѣдомляю васъ черезъ сіе, что я со всѣмъ моимъ войскомъ, безъ нашей вины и ошибки, но только чрезъ ложно полученное извѣстіе, окруженъ въ четверо сильнѣйшимъ турецкимъ войскомъ, такимъ образомъ и столько, что всѣ дороги къ провозу провіанта пересѣчены, и я безъ особенной божеской помощи ничего, какъ совершенное наше истребленіе или турецкій плѣнъ, предусматриваю. Если случится послѣднее, то *не должны вы меня почитать царемъ, вашимъ государемъ, и ничего исполнять, чтобы до вашихъ рукъ ни дошло, хотя бы то было своеручное мое повелѣніе, покамѣстъ не увидите*

меня самолично. Если я погибну и вы получите вѣрное извѣстіе о моей смерти, то изберите между собою достойнѣйшаго моимъ преемникомъ. Петръ».

Можно ли ожидать большаго великодушія и самопожертвованія во славу, честь и величіе своей родины, какъ только что высказанное Петромъ...

Вторымъ великимъ націоналистомъ русской земли является достойный ученикъ Петра, народный гений—Ломоносовъ. Всю свою славную жизнь онъ отдалъ родинѣ и шелъ открыто въ борьбѣ за русскіе интересы въ Академіи Наукъ. Послѣ Великаго Петра Петербургская Академія наукъ наполнилась нѣмецкими бездарностями, замѣщавшими не рѣдко мѣста въ видѣ приданого за дочерьми академикомъ. Эти трутни доходили до явнаго безчинства, выдавая наглая сочиненія умышленно позорящія Россію и русскихъ. И вотъ Ломоносовъ повелъ энергичную борьбу противъ этихъ наглецовъ и тунеядцевъ, которые не перевелись и доселе. Особенно же знаменита его баталія противъ проходимца Мюллера, который хотѣлъ произнести безстыдную рѣчь въ открытомъ засѣданіи Академіи Наукъ относительно происхожденія предковъ Рюрика и его рода. Тутъ Ломоносовъ дошелъ до императрицы и достигъ своего. Рѣчь не была произнесена.

«Какъ при Петрѣ I, такъ и Екатеринѣ II, когда въ Россіи исключительно господствовала національно-патріотическая, Русская политика,—

тогда и духовное настроеніе Русскаго общества и вся культурная его жизнь, а также и школы, отличались твердымъ патріотическимъ направлениемъ» (И. П. Корниловъ ¹⁾). Императрица Екатерина II, нѣмка по происхожденію, вскорѣ сознала свое положеніе—матери Великой Россіи и всю свою жизнь отдала на познаніе силы, величія и мощи Россіи. Высоко образованная, она смущалась положеніемъ ея подданныхъ крестьянъ и указомъ приказала снять званіе «рабовъ». Это, однако, не мѣшало А. С. Пушкину сказать: «Екатерина уничтожила званіе рабства, но раздарила около милліона государственныхъ крестьянъ и закрѣпостила вольную Малороссію и польскія провинціи» (614). Съ кончиною Екатерины II и съ воцареніемъ Павла I, рѣзко и круто измѣнился весь строй и направленіе государственной политики и Русская исключительно-національная политика замѣнилась разорительною для Россіи политикою вмѣшательства въ посторонніе интересы. Съ конца 1796 г. русская политика имѣла въ виду не одни русскіе интересы, но также интересы чуждыхъ намъ государствъ и народовъ, которые, какъ извѣстно, нерѣдко платили Россіи, за ея великодушную и безкорыстную помощь, черною неблагодарностью». Такъ было въ царствованіе императоровъ Павла I, Александра I, и II, Николая I—и только Александръ III отступился отъ этого ложнаго пути. «При вступленіи на пре-

¹⁾ И. П. Корниловъ. Задача русскаго просвѣщенія.

столь Павла I, и Александра I, издревле установившаяся система была нарушена. Означенные государи стали отступать отъ вѣками укоренившейся государственной, строго національной и патріотической системы управления подчиняться различнымъ случайностямъ и чуждымъ внушеніямъ... Съ этого времени иностранцы получили широкій доступъ не только на низшія, но и на высшія государственныя должности» (И. П. Корниловъ). При всѣхъ вышеназванныхъ императорахъ Русскіе интересы были какъ бы на второмъ планѣ. Верховная власть въ міровой политикѣ слишкомъ много жертвовала русскими интересами для интересовъ другихъ націй. Эту политику едва ли можно было назвать строго національной. И только Императоръ Александръ III твердо установилъ принципъ «Россія для русскихъ».

Много сдѣлано было вреда для Россіи въ царствованіе Александра I, когда русскій народный національный духъ спасъ Россію отъ нашествія двадцати языкъ и возвысилъ ее въ Европѣ до небывалой высоты даже при Петрѣ I и Екатеринѣ II.

Особенно много вреда русской націи и русскимъ интересамъ въ царствованіе Александра I было сдѣлано въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Литва, Бѣлоруссія и часть Малороссіи были присоединены въ царствованіе Екатерины II. Тогда же приняты были и серьезныя мѣры къ тому, чтобы укрѣпить и поддержать русскій народъ и русское направ-

леніе въ этихъ губерніяхъ. Наибольше цѣлесообразными мѣрами для этого признаны были русскій языкъ и русская школа.

И вотъ въ царствованіе Александра I враги Россіи употребили самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы не только уничтожить все то, что сдѣлано было Екатериною, но и вовсе изгладить всякое русское воздѣйствіе и ополычить какъ литвиновъ и бѣлоруссовъ, такъ и находящихся тамъ русскихъ людей. Средствами для этого были опять таки языкъ и школа, а въ придачу къ этому и церковь,—только не русскія, а польскія. И нужно сознаться, польскіе патріоты достигли своей цѣли въ совершенствѣ.

«На коренной русской землѣ снова стали открываться въ значительномъ числѣ, при латинскихъ и униатскихъ монастыряхъ и въ костелахъ, политическія, враждебныя намъ, польскія школы... Космополитизмъ Александра I замедлилъ культурное и экономическое развитіе Россіи и неблагоприятно повліялъ на всю систему русскаго общественнаго воспитанія и обученія».

«Въ январѣ 1803 г. Россія была раздѣлена на шесть учебныхъ округовъ, изъ которыхъ только Петербургскій и Московскій ввѣрены были русскимъ сановникамъ Новосильцеву и Муравьеву,—Виленскій же и Харьковскій округа полякамъ—Адаму Чарторійскому и Потоцкому,—а Дерптскій и Казанскій пѣмцамъ Клингеру и Мантейфелю».

Всѣ учебныя заведенія, вся культурная жизнь

и дѣятельность въ Западныхъ Русско-литовскихъ губерніяхъ были отданы въ полное распоряженіе и управленіе злѣйшимъ врагамъ русскаго государства, православія и русской культуры—кн. Чарторійскаго и его сообщниковъ: Оаддея Чацкаго, Гуго Коллонтая, Яна Снидецкаго и др., а также въ руки польскихъ іезуитовъ и различныхъ латинскихъ монастырскихъ орденовъ... Типичнымъ представителемъ русскаго космополитизма того времени былъ первый министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, который при Екатеринѣ II усердно служилъ русской національной политикѣ»...

О результатахъ дѣятельности этихъ господъ вотъ что пишетъ кн. Хованскій въ 1824 г. «Въ Бѣлоруссіи, со времени присоединенія ея къ русской державѣ, воспитаніе юношества находилось въ рукахъ католическаго и униатскаго духовенства, образованіе онаго заключалось въ школахъ, учрежденныхъ при кляшторахъ іезуитскихъ, піарскихъ и другихъ монашескихъ орденовъ... Науки преподаются на польскомъ или латинскомъ языкахъ,—словесность заключается въ обученіи польскому, латинскому, нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ, а русскій остается въ совершенномъ небреженіи... Существенная система наставниковъ въ сихъ училищахъ состоитъ въ томъ, чтобы въ учащихся поселить духъ чистаго полонизма, въ чемъ они и достигли своей цѣли... Бѣлоруссы, не смотря

1) Архивъ Министерства Народ. Просвѣщ., № 26265.

на давность присоединения края, питають какое-то равнодушие и неприязнь къ кореннымъ русскимъ и ко всему русскому».

Самъ Императоръ не только не склоненъ былъ укрѣпить русскій элементъ въ западномъ краѣ и обрусить не русскія народности, но даже хотѣлъ создать изъ Польши самостоятельное государство и выдѣлить къ нему литовскія и бѣлорусскія губерніи. Я позволю себѣ привести здѣсь выдержки изъ письма нашего знаменитаго историка Н. М. Карамзина, къ императору Александру I отъ 17 октября 1819 г.

«Государь! Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ.. «Царство Мое нѣсть отъ міра сего» сказалъ Христось, а *граждане и государство* въ семь мірѣ. Христось велить любить враговъ, но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ войскамъ оборонять государство. Вы христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи... Вы исполняете законъ государственный.. естественной обороны необходимой для существованія гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ, любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность *исключительно заниматься благомъ онаю* .. Если мы захотимъ быть христіанами—политиками, то впадемъ въ противорѣчія, въ несообразности. Меня ударятъ въ ланигу, я, какъ христіанинъ, долженъ подставить другую; непріятель

сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепель?.. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца... Вы думаете возстановить древнее королевство польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и съ самою справедливостію? Во первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ священнаго союза, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ австрійскимъ. Во вторыхъ, можете ли Вы съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Вольнію, Подолію, утвержденныя въ собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Бѣлоруссія, Вольнь, Подолія вмѣстѣ съ Галиціей были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ требуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ... Уподобите ли Россію бездушшой, безсловесной собственности? будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудится? Россія, Государь, безмолвна предъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже

храни!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества—доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперъ говорить Ваши поляки. Извиняемъ ихъ; но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы, для ихъ рукоплесканій, свергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душою къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ, унизились бы не только передъ другими, но и передъ собою... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ свою кровію землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу. Нѣтъ, Государь, никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками»...

Таково было правдивое и открытое слово истиннаго сына своей родины Россіи, своему Государю.

Имѣя постояннымъ сподвижникомъ юношескихъ и зрѣлыхъ лѣтъ поляка Адама Чарторійскаго, императоръ Александръ I невольно поддался ему

и тѣмъ возбудилъ неудовольствіе людей, любившихъ Россію и знавшихъ объ этомъ его намѣреніи. Декабристы, исторія которыхъ разыгралась по смерти Александра I, народилась именно при Александрѣ. Въ основу ихъ кружка легли идеи французскихъ и нѣмецкихъ націоналистовъ того времени.

Еще Michlé проводилъ настойчиво ту идею, что національность служитъ къ единенію и укрѣпленію государства. И дѣйствительно, величіе Франціи шло рядомъ и соотвѣтственно напряженно съ напряженіемъ французскаго націонализма. Баронъ Монтескье въ его «L'esprit de lois», въ IV книгѣ настойчиво требуетъ воспитанія юношества въ духѣ націонализма, полагая въ этомъ силу, славу и величіе Франціи. Символь монархіи—честь, символъ республики — добродѣтель, символъ деспотіи—страхъ. Это исповѣданіе стало проповѣдью французскихъ революціонеровъ. Не тотъ символъ вѣры, къ сожалѣнію, былъ вожакомъ нашихъ революціонеровъ 1905 г., во главѣ которыхъ стояли жестокосердые и челоуѣконенавистные жидаы, грубые и невѣжественные армяне и проч. Наши революціонеры проповѣдывали не любовь, равенство и братство, а страхъ и жестокою деспотію. Позорными памятниками ихъ подвиговъ служатъ тысячи искалѣченныхъ ими заводскихъ лошадей и сотни тысячъ лучшихъ кровныхъ овецъ... Равенство французскихъ республиканцевъ состояло въ стремленіи превзойти другъ друга въ услугахъ отече-

ству. Французская республика имѣла главнѣйшею задачею также *единство и не раздѣльность государства*. Государство являлось непреодолимымъ, когда оно было національно.

Въ 1806 г. Фихте въ Германіи является великимъ націоналистомъ и всѣми силами проповѣдуетъ національное воспитаніе. Тоже, между прочимъ, проповѣдуетъ и нашъ революціонеръ Бакунинъ. Онъ требуетъ, чтобы воспитаніе юншества было національнымъ на языкѣ родины и съ глубокой любовью и преданностью родинѣ. При Фихте въ Германіи организуется горячо національный кружокъ «Союзъ добродѣтели» (Tugendbund), который такъ настойчиво проводитъ искренній націонализмъ.

Въ царствованіе Александра I, на ряду съ его намѣреніемъ возстановить Польшу, съ надѣленіемъ ее русскими владѣніями, вспыхиваетъ очень острый и яркій націонализмъ. Во главѣ русской національной партіи стоитъ А. С. Шишковъ. Въ царствованіе явнаго космополита мечтателя Александра I пишутся удивительно національно зажитательные манифесты, какъ напр. къ русскому народу по окончаніи войны 12 года, смоленскому дворянству, войску Донскому и проч. Эти манифесты какъ бы писаны кровію и огненными буквами. Нельзя читать ихъ безъ волненія и увлеченія... И всѣ эти манифесты писаны рукою А. С. Шишкова ¹⁾. Въ это время въ

¹⁾ Высочайшіе манифесты и указы, относящіеся къ войнѣ 1892 г. Изд. Всероссийскаго Национальнаго клуба, 1912 г.

Россіи было двѣ интеллигентныхъ партіи: партія горячихъ націоналистовъ съ А. С. Шишковымъ во главѣ и партія космополитовъ съ Н. М. Карамзинымъ во главѣ. Изъ писемъ Карамзина видно, что это былъ за космополитъ...

Но какъ бы подъ тѣнью всего этого, совершенно отдѣльно, независимо и само собою возникло новое теченіе, теченіе въ самомъ обществѣ, въ его молодежи и особенно въ войскѣ. Въ теченіи многолѣтнихъ войнъ въ Европѣ русская военная молодежь успѣла ознакомиться и увлечься и національнымъ увлеченіемъ французовъ и особенно національнымъ теченіемъ Германіи. Интеллигенція всѣхъ странъ того времени была весьма національна. Весьма естественно, что и русская военная интеллигенція увлеклась націонализмомъ. Германскій Tugendbund былъ перенесенъ почти цѣлкомъ въ «Общество добродѣтели» нашей русской молодежи и послужилъ ядромъ общества будущихъ декабристовъ. Тутъ разрабатывалась идея освобожденія крестьянъ и реформа самоуправленія; тутъ же зрѣлъ рѣзкій отпоръ и идеѣ выдѣленія части Россіи въ пополненіе свободной Польшѣ. Этотъ протестъ выливался въ весьма рѣзкую и рѣшительную форму. Виднѣйшими дѣятелями въ этомъ направленіи являлись И. Д. Якуничковъ, П. И. Пестель и др.

Такимъ образомъ въ царствованіе Александра I ярко и одновременно существуютъ въ Россіи рѣзкій космополитизмъ со склонностью поддержанія дру-

гихъ націй въ ущербъ коренной державной націи,—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкій націонализмъ въ администраціи, научныхъ сферахъ и интеллигенціи.

Въ царствованіе Николая I вмѣшательство въ чужія государственныя дѣла за счетъ русской коренной націи продолжаются. Мы дѣлали Венгерскую компанію, мы заступались за грековъ и проч., а русскій народъ является только вѣрнымъ подданнымъ. Въ воспитательномъ отношеніи мы стоимъ не лучше. «Космополитизмъ, укоренившись въ министерствѣ народнаго просвѣщенія съ самаго его основанія, произвелъ въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ величайшее зло: онъ внесъ въ Россію школы и въ наше общественное воспитаніе національное и нравственное безразличіе и подорвалъ основы патріотическаго православнаго воспитанія старой Русской школы» (И. П. Корниловъ).

Особенно жалкое положеніе национализма было въ царствованіе Александра II. Малѣйшіе намеки Каткова, славянофиловъ и проч. на русскій патріотизмъ,—слово націонализмъ даже не употреблялось,—вызвали глупую и пошлую, но весьма ядовитую фразу «о квасномъ патріотизмѣ». Нужно было посмотрѣть, съ какимъ презрѣніемъ произносилась эта фраза.

Самъ Императоръ Александръ II всею душою любилъ Россію и Русскій народъ. Первою его заботою было, по вошествованію на престолъ, освободить народъ отъ крѣпостной зависимости и уничтожить рабство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ широко

космополитически либеральнаго направленія. Принявъ отъ своего родителя конецъ Крымской войны, которая преслѣдовала не русскія, а общечеловѣчскіе интересы, Александръ II не закончилъ на этомъ, а предпринялъ освобожденіе отъ турецкаго ига и сербовъ и болгаръ. Такимъ образомъ русская кровь лилась и народный трудъ тратился не на Россію, а опять только на славянскіе общечеловѣчскіе интересы.

У престола стояли нѣмцы, шведы, поляки и другіе инородцы. Отъ нихъ можно ли было ожидать Россіи національнаго направленія... Были въ небольшомъ числѣ и истинно русскіе люди, славные бояре прежняго времени: княжескія фамиліи, родовитыя дворянскія фамиліи. Всѣ эти люди были преданные вѣрноподанные своего государя, достойные сыны своей родины, въ большинствѣ высокообразованные и искренно желавшіе добра тому несчастному рабу, о которомъ всею душой заботился юный государь. Перечитывая исторію разработки вопроса освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нельзя не поражаться тѣмъ искреннимъ единодушіемъ, съ которымъ лучшіе люди государства, русскіе магнаты старались помочь юному государю облегчить участь дѣйствительно несчастныхъ рабовъ.

Да и было о чемъ позаботиться. Положеніе крѣпостныхъ во многихъ случаяхъ было болѣе, чѣмъ ужасно. Въ губерніяхъ сѣверныхъ и среднихъ, особенно, гдѣ владѣльцами были русскіе крупные

помѣщики, родовитые дворяне, положеніе крестьянъ зачастую было не только сносное, но прямо достаточное. Многіе крестьяне графовъ Шереметевыхъ вышли въ именитое купечество,—другіе если были и меньше счастливы, то во всякомъ случаѣ жили безбѣдно.

Иное положеніе было крестьянъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, особенно вдали отъ центровъ, —а также и въ тѣхъ крупныхъ хозяйствахъ, гдѣ помѣщики годами жилали за границей, въ имѣнія нагѣдывались и поручали все хозяйство на руки управляющихъ изъ нѣмцевъ, чеховъ, поляковъ и проч. Не мало тоже въ Новороссіи появилось помѣщиковъ изъ инородцевъ, сербовъ и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ положеніе крестьянъ было очень тяжелое. Крестьяне стояли въ полной зависимости отъ управляющихъ. Управляющіе не брезгали возможностью добрую часть помѣщичьихъ доходовъ класть себѣ въ карманъ,—но это не мѣшало имъ вытягивать всѣ соки изъ крестьянъ.

Слухи о «волѣ» ходили по землѣ давно и въ царствованіе Александра I, и въ царствованіе Николая I и въ царствованіе Александра II. Мелкіе помѣщики приходили въ ужасъ отъ мысли остаться безъ рабовъ и въ ожесточеніи старались возможно полнѣе выколотить свое обезпеченіе. Трудно себѣ представить, что нибудь ужаснѣе положенія этого крестьянства. Я лично засталъ крѣпостничество въ послѣдніе годы его существо-

ванія. Особенно ужасно было оно вдали отъ центровъ въ Малороссіи и Новороссіи. Крестьянское положеніе южныхъ губерній было нѣсколько иное, чѣмъ въ центрѣ Россіи, или на востокѣ и сѣверѣ. На югъ былъ занесенъ слѣдъ еще польскаго крѣпостного права, гдѣ на «быдло» смотрѣли хуже чѣмъ на скотъ и гдѣ помѣщикъ надъ крестьянами имѣлъ право жизни и смерти.

Да и то правда, крестьяне зачастую теряли образъ человѣческой. Это были существа, очень похожія на человѣческія,—мелкія, худыя, блѣдныя съ косматою головою и съ такой же бородой. Одѣвались они въ тряпки изъ холста, или въ овечью шкуру,—на ногахъ опорки или тряпки. Жили они или въ землянкахъ, или въ жалкихъ хаткахъ. Дальше своей деревни—мало кто зналъ другой свѣтъ. Эти крестьяне главнымъ образомъ обрабатывали землю, добывали хлѣбъ и составляли изъ него деньги, которые за тѣмъ должны были перейти въ карманъ помѣщиковъ и управляющихъ. Правда, часть хлѣба давали и крестьянамъ для ѣды, но этотъ хлѣбъ часто бывалъ съ примѣсью мякины... Личность такихъ несчастныхъ, какъ люлей, была ничѣмъ не обезпечена. Я лично видѣлъ случаи, когда отца семьи продавали въ одну сторону, мать—въ другую, а дѣтей въ третью. Крѣпостные съ легкой душой смѣнялись на собакъ, лошадей и др. предметы. Управляющіе и помѣщики проявляли свои права не только на женскій трудъ, но и на личность женщины.

Крестьяне были не только безсильны, но и безправны...

Можно ли было отъ жалкихъ полуживотныхъ, полулюдей (питекантроповъ) ожидать націонализма?.. Да, былъ онъ и у нихъ,—но какъ туманъ и туманенъ. Былъ онъ и у нихъ, ибо и они были кое-какіе люди.. Былъ онъ у нихъ хоть и въ слабой степени, хоть и туманенъ, а все-таки не меньше, чѣмъ у людей и просвѣщенныхъ, по сѣ атрофированному національному чувству...

Возьмемъ хотя бы администрацію. Высшія должности занимались преимущественно иностранцами, или инородцами, относившимися къ Россіи по меньшей мѣрѣ презрительно,—а болѣе низшія административныя должности занимались хотя и русскими, но либералами, космополитами, съ презрѣніемъ относившимися къ «квасному патриотизму»... Оффиціальныя сферы выработали «человѣка» и презрительно относились къ «русскому человѣку».

Многіе русскіе ѣздили за-границу и почти на всѣхъ изъ нихъ «заграница» вліяла пагубно въ національномъ отношеніи. Болѣе глупые, видя за-границей культуру, роскошь и удобства, возвращались домой съ презрѣніемъ и омерзеніемъ ко всему русскому. Они пріѣзжали домой только затѣмъ, чтобы собрать крохи деньжонокъ изъ тѣхъ же питекантроповъ и опять вернуться за-границу. Другіе понимали науку и просвѣщеніе запада, цѣнили его, ставили его идеаломъ для родины,—

но къ родинѣ и къ родному относились или безразлично и безучастно, или съ намѣреніемъ искорененія всего русскаго и насажденія заграничныхъ началъ. Если тѣ и другіе люди поступали на службу, т. е. помощниками и исполнителями вѣдѣній инородныхъ высшихъ административныхъ властей, то едва ли русскій націонализмъ могъ найти въ нихъ своихъ вѣрныхъ слугъ.

Дворянство и общество въ большинствѣ относилось къ народу сочувственно и благожелательно,—но во всемъ этомъ говорило не родное русское чувство, а космополитическій либерализмъ, заставляющій трактовать и стремиться къ свободѣ личности и правахъ «человѣка». Интеллигенція—люди, стоящіе у науки, литературы, образованія—безусловно были на сторонѣ страдающаго народа,—безусловно добивались его свободы и человѣческаго существованія. Къ тому стремились и западники и славянофилы,—но тѣ и другіе печалились о спасеніи «человѣка», а не «русскаго человѣка». Развѣ славянофилы нѣсколько думали и заботились о Россіи и русскихъ интересахъ, да и то относительно. Катковъ, Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ, Киреевскій, Пушкинъ и др., вотъ немногія дорогія имена, для которыхъ слова «Россія» и «Русскій» были не пустые звуки.

Нужно добавить, что въ это время въ общество «русское» и «русскую интеллигенцію» уже пробиваются инородцы: поляки, жида крещеные, армяне, нѣмцы и ловко стараются воспользовать-

ся общественнымъ либерализмомъ послѣ Крымской войны въ пользу угнетаемыхъ поляковъ, нѣмцевъ, армянъ и жидовъ.

Либеральная бюрократія нисколько не стѣснялась давить и угнетать русскій народъ,—но она была особенно жалостлива къ инородцу.

Въ силу ложнаго фарисейскаго либерализма теперь всѣ возопили объ угнетеніи поляковъ, евреевъ, финновъ, армянъ и пр. Всѣмъ этимъ инородцамъ дали просторъ, дали свободу, приняли въ интеллигенцію. Ряды русской интеллигенціи пополнились поляками, евреями, армянами и проч. Въ силу необыкновенной наглости однихъ и патологической скромности другихъ, вышло такъ, что инородческій элементъ взялъ верхъ въ интеллигентномъ слоѣ и открылъ безстыдную ругань на все русское, на все народное. Стало возможнымъ позорить свое родное. А русскіе интеллигенты или позорно молчали, или подло поддакивали,—это называлось либеральными направленіями... Не то же ли мы видѣли и теперь въ нѣкоторыхъ партияхъ нашей Думы... Естественно, что наше правительство, говоритъ лидеръ національной партіи П. Н. Балашовъ, занятое всестороннимъ оздоровленіемъ русскаго населенія посредствомъ испытанія всего русскаго, мало обращало вниманія на окраины, предоставляя имъ права и преимущества, въ большинствѣ случаевъ, значительно превышающія права кореннаго населенія. Вскорѣ правительство пошло дальше и рѣшило этихъ пасынковъ

перевести въ «истинныхъ сыновъ Россіи», что-бы они всѣ стали родными сыновьями...

Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что либеральная бюрократія, одобренная значительнымъ числомъ инородцевъ, систематически подавляла все національное и способствовала подъему инородческому въ ущербъ державной націи...

Вотъ что говоритъ объ этой эпохѣ нашъ націоналистъ-публицистъ М. О. Меньшиковъ ¹⁾. Съ конца восемнадцатаго столѣтія интеллигенція наша увлечена въ общеевропейскій революціонный потокъ, въ отрицаніе дѣйствительности, коль она есть, въ попыткѣ создать что-то новое, совсѣмъ не похожее на природу общества. Первымъ слѣдствіемъ этого революціоннаго движенія въ Россіи былъ упадокъ національнаго чувства. Вторымъ слѣдствіемъ революціонной проповѣди было то, что образованные наши классы отошли отъ практическаго труда и погрязли въ безбрежной метафизикѣ, въ самомъ дѣлѣ, усомнившись въ древнихъ профессіяхъ, составлявшихъ ткань общества, усомнившись въ военномъ дѣлѣ, въ административномъ, въ церковномъ, въ дворянско-помѣстномъ и проч., образованные люди во всякій личный трудъ свой внесли невольное пренебреженіе къ нему, нравственное отрицаніе... Подтачиваемый со всѣхъ сторонъ древній органическій трудъ, слагавшійся естественно, какъ вся природа, дѣй-

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Молодая Россія.

ствительно одряхлѣлъ, ткани его, подмѣненные ненастоящими людьми, ослабѣли, культурный трудъ—особенно въ формѣ государственной—упалъ въ своемъ качествѣ. Все это разстроило и разслабило натуральное стремленіе общества и подготовило почву для виждренія инородческаго паразитизма. Эти разслабленные народные проповѣдники прививали извѣженные и разслабленные чувства, выражали отвращеніе къ народному мужеству, виждряли страхъ къ борьбѣ. Въ то время, какъ эти либералы мечтали о всечеловѣчествѣ, о вселенской правдѣ, о вселенскомъ единеніи, о призваніи русскаго народа всѣмъ служить и всѣмъ уступать, народъ дичалъ, покинутый безъ всякаго культурнаго руководства. Буржуазія дичала. Бюрократія обильно разбавленная инородчиной, мертвѣла. Аристократія втягивалась въ либеральное безстрастіе и въ полный для своей родины нейтралитетъ, скорѣе враждебный, чѣмъ сочувственный ¹⁾. Націонализмъ маниловской Московской школы клонитъ непремѣнно къ самоуниженію, къ самоопороченію, къ низведенію племени нашего на ступень подстилки для народовъ, т. е. то, что говорятъ нѣмцы относительно славянъ... Мы, русскіе, почему-то обязаны поражать весь свѣтъ своимъ великодушіемъ, должны, какъ пеликаны дѣтей, кормить свою кровью всѣхъ,—даже не собственныхъ дѣтей. Не кто иной, а мы должны отвое-

1) М. О. Меньшиковъ. Новый и старый націонализмъ.

вывать права для чужихъ народовъ,—мы обязаны освобождать угнетенныхъ славянъ, мы же должны награждать ихъ конституціями,—мы же обязаны давать имъ полный доступъ въ свое тѣло паразитнымъ племенамъ и устраивать для нихъ государство въ своемъ государствѣ...

Состоящее изъ такихъ мягкотѣлыхъ либераловъ наше правительство ¹⁾ и въ теоріи и на практикѣ держалось взгляда, что государство должно безразлично относиться ко всѣмъ національностямъ, какія есть въ Россіи и отнюдь не отдавать особеннаго предпочтенія — русской. Правительство, какъ исполнительный органъ *всего* государства, полагало, что оно обязано держать нейтралитетъ въ борьбѣ мелкихъ инородческихъ націонализмовъ съ народомъ русскимъ.

Вотъ та атмосфера, въ которой культивировался русскій націонализмъ начала царствованія Александра II.

Но вотъ эмансипація совершилась. Крестьяне были освобождены. Милліоны людей получили званіе челоуѣка и избавлены отъ рабства. Государство претерпѣло громадный переворотъ. Помѣщики спѣшили воспользоваться выкупными деньгами и безумно ихъ тратили. Управляющіе реализировали припрятанные ими капиталы покупкою опустѣвшихъ помѣщичьихъ имѣній. Крестьяне, освободившись отъ вѣковой опеки, не знали, что съ

1) М. О. Меньшиковъ. Успѣхи націонализма.

собою дѣлать и какъ приняться за дѣло. Они приблизились къ человѣку, но не стали еще людьми. Это были антропоморфы, — существа, стоящіе близко къ человѣку.

Дѣло эмансипаціи не ограничилось освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Эти существа получили равноправіе со всѣми людьми. Они стали равными со всѣми не только передъ Богомъ, но и передъ закономъ. Все это ставило въ необычное положеніе и крестьянина и въ особенно опасливое положеніе бывшихъ помѣщиковъ.

Это «пагубное» направленіе равноправія передъ судомъ, а еще болѣе пагубное пробивающееся кое-какое самосознаніе мужика не могло не возбудить ужаса въ душахъ «благонамѣренныхъ» людей.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не могло не отразиться и дѣйствительно отразилось на отношеніи къ ней интеллигенція— это самая дорогая и самая важная часть любого общества. Это мыслящая часть общества. Это глава его, мысль его, жизнь его. Сюда относятся: ученые, писатели, журналисты, студенты и т. д. Какъ самая чуткая, мыслящая и наиболѣе реагирующая часть, интеллигенція не можетъ не быть національной. Наибольшая часть націи, ея тѣло, ея главные соки, ея трудъ и кровь — это простой народъ. Во всѣхъ государствахъ этой части націи павхуже всего живетъ. Поэтому интеллигенція по своему уму, не можетъ не интересоваться тѣмъ, что составляетъ главную

основу жизни націи—ея народомъ,—а по своей порядочности и чистотѣ она не можетъ не интересоваться народомъ потому, что это самая страдательная часть націи. Въ силу этого интеллигенція всегда должна быть національна. И въ большинствѣ такъ это и бываетъ.

Такъ было и у насъ, въ Россіи. «Мы не станемъ отрицать того,—говоритъ проф. Локоть¹⁾, что центральной идеей, окрашивавшей мировоззрѣніе русской интеллигенціи съ самаго появленія ея на общественной сценѣ, была идея освобожденія крестьянъ, т. е. идея, самымъ тѣснымъ образомъ связанная съ жизнью великаго коллектива—многомилліонной массой крестьянства, воплотивъ справедливо присвоивать болѣе широкій общественный титулъ — народа... Идея освобожденія крестьянъ давала основное содержаніе духовному облику русской интеллигенціи вплоть до 1861 г. И эта идея покоряла, подчиняла себѣ интеллигенцію, выходящую не только съ низовъ населенія, но и изъ самыхъ верховъ имущей аристократіи». «Эта различная интеллигенція, по самому своему социальному характеру и происхожденію не могла не быть демократичной. Получилась картина полного сплошного демократизма всей русской интеллигенціи».

Съ наступленіемъ эмансипаціи крестьянъ, положеніе интеллигенціи нѣсколько измѣняется. Стра-

¹⁾ Проф. Локоть. Оправданіе націонализма, 4.

данія народа не являются уже столь тяжкими, какъ прежде. Цѣнь рабства снята. Народу дана свобода. Національныя качества народа космополитическую интеллигенцію мало интересовали. Русскій народъ не являлся для интеллигенціи острымъ, жгучимъ вопросомъ дня. Въ силу космополитизма, его стали интересовать вопросы побочные—судьбы челоѡвѣчества. На сцену выходятъ національныя вопросы поляковъ, малороссовъ, евреевъ. Интеллигенція выбираетъ своимъ кумиромъ свободу челоѡвѣка,—а ловкіе инородцы успѣваютъ создать въ ней симпатіи къ автономизму и сепаратизму тѣхъ именно націй, за завоеваніе которыхъ ея предки проливали море крови.

Космополитизмъ еще болѣе одоѡвваетъ интеллигенцію и увлекаетъ ее отъ націй и своего народа. Космополитическая и совершенно безнаціональная бюрократія была еще и того хуже.

Между тѣмъ освобожденный народъ сталъ сознавать себя и понимать свои права.

Являлась великая опасность для государства. Нужно было придумать мудрую, цѣлесообразную и рѣшительную опеку надъ своевольными крестьянами. Для этого былъ вышущенъ на этихъ, не съумѣвшихъ еще осмотрѣться и устроиться, людей цѣлый институтъ полиціи: исправники, становые, окружные, урядники и т. д. и т. д.,—напущена была цѣлая туча чиновниковъ, придуманы были особыя мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія и т. п. Въ это-то время народились и утвердились

особенно извѣстные термины внутренней политики, какъ «Кузькина мать»; «ежевыя рукавицы», «Сидорова коза», «Маковъ цѣвѣтъ», «страна, куда Макаръ телятъ гоняетъ»,—«палестины, гдѣ и Макаръ телятъ не гоняетъ» и проч.

Между тѣмъ, какъ ни опекали народъ, какъ его ни обезличивали и не давили,—народъ самъ по себѣ способный и даровитый давалъ много послѣдй, которые пробирались въ среднія школы, достигали высшихъ школъ и завоевали себѣ мѣсто на пиру жизни интеллигенціи.

Правда, шествіе его по жизненному пути давалось ему съ большимъ трудомъ. Вверху, въ университетѣ и проч. все было занято, все было наполнено. Тамъ царили разночинцы. Тамъ были остатки интернаціональныя и офранцузенныхъ помѣщиковъ, поповичи, купецкіе сыновья, инородцы, поляки, нѣмцы, крещеные и некрещеные евреи и т. п. Сюда-то и попалъ «кухаркинъ сынгъ».

Близилось время, время, когда антропотитекъ превратится въ настоящаго челоѡвѣка и властно скажетъ: теперь и я челоѡвѣкъ,—позвольте и мнѣ воспользоваться моимъ правомъ челоѡвѣка и трудами моей плоти и крови, моего пота и моихъ рукъ...

Это былъ моментъ ужасный. Почти 1905 г... Бюрократы купались въ холодномъ поту, въ ожиданіи этого момента. Полиція и чиновники изъ всѣхъ силъ выбивались, чтобы подавить и отгѣснить этотъ натискъ. Министерство Просвѣщенія не отстало... Кузькина мать постоянно была обезпо-

каевама. Макаркины палестины усердно заселялись... а беспокойству и конца не видно было. Понадобился даже Лорисъ-Меликовъ.

Но вотъ явился императоръ Александръ III и все затихло, все успокоилось. Этотъ царь всю свою жизнь отдалъ своей родинѣ и своему народу. Онъ поднялъ его просвѣщеніе. Позаботился объ уменьшеніи обложенія. Обратилъ вниманіе на его жизнь и всѣ мѣры принялъ къ тому, чтобы поднять его благосостояніе, просвѣщеніе и нравственность. Послѣ Императора Петра I и Екатерины II, это былъ виднѣйшій царь своего народа, *царь національный*. При немъ возгласъ *Россия для русскихъ* громогласно раздался по всей Руси.

И эту мысль онъ исповѣдывалъ не только на словахъ, но проводилъ ее и на дѣлѣ. И многіе, многіе вздрогнули отъ этого клича и внутри Россіи и внѣ ея. Невольно у враговъ Россіи дрогнуло сердце при мысли, неужели проснулся колоссъ... Екнуло сердце и у любящихъ свою родину при мысли: и мы будемъ жить... Нѣтъ, успокойтесь... Колоссъ не проснулся. Онъ открылъ только одинъ глазъ и опять заснулъ.

Почему такая неудача? Почему Россія не встрепенулась при этомъ призывѣ? Почему этотъ кличъ даже изъ устъ всеильнаго и всемогущаго монарха не пробудилъ Илью Муромца. Не приспѣ время.

Для проявленія національнаго самосознанія требуется прежде всего сознание своего личнаго собственнаго достоинства, сознание человѣческаго

достоинства. Нужно, чтобы человекъ прежде созналъ, что онъ человекъ, и призналъ въ другомъ человекъ такую же человека. Уважая самого себя въ себѣ, человекъ и въ другомъ человекѣ уважаетъ самого себя, и только уважая другого, онъ можетъ требовать уваженія къ себѣ. Только на этомъ самосознаніи и на признаніи въ ближнемъ человека зиждется долгъ по отношенію къ Богу, родинѣ и т. д. Безсознательное богопочитаніе есть обрядность и идолопоклонство, и только сознательное богопочитаніе есть молитва. «Познай самого себя»—это изреченіе должно быть первымъ лозунгомъ каждаго образованнаго человека,—вслѣдъ за которымъ и въ тѣсной связи съ нимъ долженъ идти второй лозунгъ: «Познай свою родину» (Стриндбергъ).

Россія въ царствованіе Императора Александра III состояла изъ массы темнаго народа, чиновниковъ и небольшой группы интеллигенціи.

Масса народа—это были еще рабы. Они родились рабами и воспитывались рабами. Они не только не были осмысленными русскими, но не были еще и людьми. Если у нихъ и просыпалась любовь къ родинѣ, то эта любовь была любовь темная, прирожденная, инстинктивная, не освѣщенная сознаниемъ.

Высшіе чиновники государства были преимущественно инородцы, нѣмцы, шведы, поляки и проч. Въ самомъ лучшемъ случаѣ они могли быть патріотами,—но вмѣстѣ съ тѣмъ они были націо-

наристами, но націоналистами своего народа, а не русскими, къ которымъ они относились свысока, если не пренебрежительно и презрительно. Были славные русскіе вельможи, великаго ума и безпредѣльной любви къ родинѣ,—но ихъ было мало. Остальные чиповники были людьми въ футлярѣ, безъ націи, обезличенные, что однозначно съ рабомъ, только полувцилизированнымъ.

Интеллигенція состояла изъ инородцевъ, или если и изъ русскихъ, то, въ силу естественной тогда реакціи на прежнее рабство, изъ интернаціоналовъ.

Могли ли эти люди поддерживать идею Александра III?

Неудачѣ этой идеи Императора-націоналиста много способствовала и другая причина.

Призывъ Императора Александра III палъ на каменистую почву и на почву, заросшую терніями и волчцами. Національная идея до этого времени была систематически и весьма плодотворно вытраиваема трудами въ дѣлѣ воспитанія народа графа Д. Толстого, графа Деянова, а главное его безсмертныхъ сотрудниковъ.

Графъ Д. Толстой царствовалъ въ 70—80 годахъ. Въ это время изъ слоевъ низшаго народонаселенія въ просвѣщенную среду пробивался кухаркинъ сынъ. Онъ успѣвалъ пройти Сциллу и Харибду Кузькиной матери и Макаркиныхъ палестинъ и благополучно добирался до университета. Въ это же время явился изъ Женевы инородче-

скій *нигилизмъ*. Этотъ нигилизмъ нашелъ необыкновенно плодотворную почву въ тогдашнемъ юношествѣ. Это былъ періодъ реакціи на вѣковые устои русской государственности. Нигилизмъ отрицалъ Бога, отрицалъ царя, государство, родину, семью, отца, мать и т. д.,—и взамѣнъ этого не давалъ ничего... Nihil.

Если въ тогдашней молодежи не было ничего національнаго, то и лучшее общество тогдашнее не могло послужить національнымъ примѣромъ для молодежи. «Только недавно передовые русскіе перестали стыдиться говорить между собою по-русски. Я еще хорошо помню время, когда степень образованія измѣрялась свободностью французскаго изложенія мысли», говоритъ Д. И. Менделѣевъ... Да прошло ли то время совсѣмъ и теперь.

И вотъ графъ Толстой, тогда министръ народнаго просвѣщенія, человекъ безспорно умный, рѣшилъ задержать этотъ умственный развратъ и направить нигилистическую пляску въ русло челоувѣчества и истиннаго гражданства. Образцами античной Греціи и славнаго Рима онъ захотѣлъ воспитать русское юношество и дать Россіи гражданъ столь же сильныхъ, столь же мощныхъ и столь же славныхъ, каковы были великіе герои Спарты и Рима. Наилучшимъ способомъ для этого онъ призналъ за благо введеніе изученія классицизма въ его оригинальныхъ произведеніяхъ. Образцами героевъ Греціи и Рима онъ хотѣлъ воспитать въ

русскихъ юношахъ—сознаніе собственного достоинства, уваженіе къ другому человѣку, сознаніе долга, любви и преданности къ родинѣ и т. д. Только ли такими соображеніями руководствовался графъ Толстой—трудно сказать. Многіе утверждаютъ, что въ основѣ его начинаній лежали гораздо болѣе низменные поводы и побужденія. Если таковыя побужденія, можетъ быть, и были у графа Толстого, то во всякомъ случаѣ они не были извѣстны всѣмъ его сподвижникамъ, за что говорить имя попечителя московскаго учебнаго округа, князя Н. П. Мещерскаго, который, какъ мнѣ лично извѣстно, былъ идеально честнаго ума и сердца и безпредѣльной любви, преданности и самопожертвованія къ родинѣ. Этотъ человѣкъ немедленно вышелъ въ отставку съ водвореніемъ Деянова въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Сподвижники графа Толстого были классики глубокихъ убѣжденій, какъ А. И. Георгіевскій, Н. А. Любимовъ и др.

Задумано и сдѣлано. Машина была заведена и пущена въ ходъ. Но машиниста перевели въ другое мѣсто, а другой машинистъ, особенно его прислужники, поняли его идею совсѣмъ иначе и артистически провели ее въ жизнь съ своимъ духъ.

Для проведенія въ жизнь идей Толстого нужно было, чтобы и сами воспитатели въ первую голову были примѣрными греческими и римскими гражданами въ Россіи и послужили образцомъ для юношества, а также, чтобы и лица министерства

на дѣлѣ исповѣдывали эту мысль. Требовались умѣнье, терпѣнье, любовь къ родинѣ, любовь къ юношеству и безграничная преданность, какъ въ воспитателяхъ, такъ и въ министерствѣ. Но ничего подобнаго не было ни въ воспитателяхъ, ни въ министерствѣ. вмѣсто того тамъ царилъ безстыдный карьеризмъ, протекціонизмъ и быть можетъ сознательное противодѣйствіе націонализму, а главное безпардонное и безграничное указаніе Кузькиной матери, «гдѣ раки зимуютъ» и Макарыныхъ палестинъ.

Идею графа Толстого графъ Деяновъ и его присные поняли съ другой стороны. Молодежь пытлива, молодежь увлекающаяся, молодежь безпокойна, бурна и стремительна.

Чтобы ею управлять, нужно имѣть терпѣнье, выносливость, правдивость и любовь. А до того ли карьеристамъ... И вотъ они классическіе идеалы и истинный классицизмъ превратили въ школьный или классный классицизмъ, т. е. въ систему, въ силу которой совершенно подавлялась человѣческая личность, человѣческая душа, человѣческая инициатива.

Вмѣсто пониманія возведено было въ идеаль зазубриваніе и вмѣсто духа классическихъ героевъ—форма классическихъ языковъ. Географія, исторія родины, русская литература были отгѣснены на самый задній планъ, впереди же всего шли латинскій и греческій языки.

Довольно будетъ сказать: гимназисты свободно

переводили съ латинскаго на греческій языкъ и съ греческаго на латинскій и не умѣли грамотно писать порусски. Чего же дальше...

Но главная цѣль была достигнута. Знаніе и любовь къ работѣ были убиты. Очень-очень крѣпко была вѣдрена ненависть ко всему, что имѣло видъ русской власти, русскаго направленія, русской вѣры. На смѣну явились невѣріе, отрицаніе, ненависть и презрѣніе ко всему существующему вокругъ,—реальный и активный нигилизмъ и отрицаніе.

Всякая умственная инициатива была подавлена въ корнѣ. Сознаніе собственнаго достоинства было въ душѣ глубоко вытравлено. Умственная и душевная нивелировка была совершеннѣйшая, всѣ приведены были къ одному знаменателю. Людей не было. Были манекены. Получились бездушные, бессмысленные, тупые подавленные и разбитые люди, годные на одно—безпрекословно подчиняться, подчиняться первому попавшемуся коноводу, но скорѣе, въ силу духа отрицанія, коноводу анархисту. Это было Панургово стадо, во главѣ котораго стояли даже не козлы, а бараны и ослы. Школа убила бога, убила національность, убила государственность, убила общественность, убила семью, убила челоѣка.

Не легко далось это графу Делянову. Иродъ царь Іудейскій избилъ 30,000 младенцевъ мужского пола, а графъ Деляновъ сдѣлалъ это сторицею. Стопъ стоялъ въ Россіи отъ вошей родителей

лей и просвѣщаемыхъ и безбожно изгоняемыхъ изъ школы дѣтей. Поступало въ школы 100 мальчиковъ, а оканчивало 10. Гдѣ же остальные дѣвались?

На улицѣ. Въ кадрахъ хулигановъ. Въ объятіяхъ революціи...

Да гдѣ же имъ и быть... Не получивши образованія, безъ всякихъ знаній, безъ диплома, безъ надежды получить гдѣ бы то ни было кусокъ хлѣба, озлобленные, безъ вѣры, безъ національности... куда имъ?.. Проклятыя остались памятникомъ этому министерству...

На эту-то почву, вспаханную и политую кровью и ненавистью ко всему въ мірѣ—паль призывъ Александра III.

Диво ли, что онъ вызвалъ малую реакцію...

Но если даже мы оставимъ въ сторонѣ то подавляющее, то обезличивающее, то нивелирующее воздѣйствіе школьнаго классицизма, которое такъ энергично вѣдрялось Деляновымъ въ средней школѣ, то и помимо этого пагубное вліяніе для государства заключалось въ вытравленіи въ дѣтяхъ всего національнаго и въ созиданіи изъ нихъ *челоѣка, космополита*. Вотъ почему наши классическія не національныя гимназій готовили не борцовъ, не людей мощныхъ, а слизняковъ и слюняевъ, неграмотныхъ, безъязычныхъ, воспитанныхъ на мертвыхъ языкахъ и пригодныхъ только для вымиранія.

Помимо всѣхъ прочихъ недостатковъ нашего

школьного классицизма, нужно указать и на то, что онъ *не подходилъ къ духу и времени нашей народа*. Изъ насъ, русскихъ, хотѣли сдѣлать грековъ и римлянъ. Это тоже, что цыпленка заставить быть утенкомъ и плавать по водѣ, а утенка превратить въ цыпленка. Мы, русскіе, люди сѣвера, холодной и однообразной природы, которая требуетъ изученія, знанія и великаго труда. Такова и натура русскаго. «Приноровиться, приглядѣться къ дѣлу, обнять его понемногу, упорнымъ трудомъ—составляетъ истинный приѣмъ реализма, говоритъ Д. И. Мендѣевъ,—и это дѣло истиннаго гражданина русской земли. Не даромъ между русскими учеными больше всѣхъ успѣли выдвинуться реалисты». Классицизмъ же ведетъ къ раціонализму, порождаетъ эгоизмъ и карьеризмъ, «который дали, даютъ и будутъ давать среднія школы классическаго типа... Тамъ, гдѣ основаніе народной исторіи идетъ прямо отъ латынянъ, классическое образованіе прекрасно отвѣчаетъ цѣлямъ государства, но у насъ и въ наше время, когда надо отвоевать отъ природы, а не отъ людей, главныя условія роста народнаго и когда раціоналистическія попытки и красныя слова потеряли во всемъ свѣтѣ свой прежній вѣсъ, средневѣковая система образованія—сущее зло... Англичане, у которыхъ до сихъ поръ классическое образованіе довольно распространено, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все таки въ цѣломъ обладаютъ многими жестокими и несимпатичными

сторонами... Это приписываютъ обыкновенно характеру народа, а, по мнѣ, это плоды классическаго образованія Англии» (Д. И. Мендѣевъ).

Нужно ли насиловать русскую натуру классицизмомъ, — натуру, отличающуюся добротою, мягкостью, благодушіемъ и склонностью къ самопожертвованію, доказательствомъ чему служить цѣлый рядъ войнъ за освобожденіе славянъ...

При всѣхъ вышеуказанныхъ условіяхъ, кто же могъ въ Россіи поддержать высокую идею Александра III?

Теперь, когда Верховная власть 17 октября 1905 г. признала самосознаніе русскаго народа настолько установившимся, что призвала гражданъ къ принятію участія въ устройствѣ и управленіи государствомъ, *сознательный русскій націонализмъ* долженъ вспыхнуть въ той мѣрѣ, въ какой онъ и можетъ вспыхнуть въ народной массѣ, начинающей жить сознательной національной жизнью. Теперь дѣйствительно настало время его мощнаго господства и вліянія въ теченіи государственной жизни.

Въ настоящій моментъ мы вступаемъ въ *младенческой періодъ національнаго самосознанія и сознательнаго русскаго націонализма*.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ столь юной гражданской странѣ, въ странѣ, можно сказать, гдѣ гражданственность еще въ младенческомъ состояніи, проявленіе національнаго духа выражается несмѣло, отдѣльными вспышками, враздробъ и не-

достаточно настойчиво. И это весьма естественно. Русские еще не успели столкнуться и сплотиться, — а очень многие изъ активных общественных дѣятелей состоятъ изъ инородцевъ, сепаратистовъ и продажныхъ русскихъ либераловъ, въ интересахъ коихъ стоитъ не содѣйствіе развитію народнаго духа, а противодѣйствіе ему. Пресса тоже въ огромномъ большинствѣ инородческая и всѣми способами помогаетъ этому противодѣйствію. Даже между настоящими русскими нашлись предатели и іуды, которые не считаютъ за позоръ и безчестіе клеймить свою мать—родину... А мы, русскіе, еще такъ рабски запуганы, такъ малодушны, такъ не привычны высказывать свое личное мнѣніе, что не рѣшаемся достойно и по заслугамъ оцѣнить и заклеить дѣянія и тѣхъ и другихъ. Сознавая такую слабость нашего націонализма, въ этотъ моментъ инородцы постарались такъ поднять свой мелкій инородческій націонализмъ, что открыто заговорили объ автономіи, сепаратизмѣ и даже разрушеніи господствующей націи на благо ихъ, инородцевъ...

Весьма понятны озлобленіе и даже ярость русскихъ инородцевъ по отношенію къ русскому нарождающемуся націонализму. Это естественная попытка убить нарождающійся націонализмъ въ моментъ его рожденія, *in statu nascendi*. Теперь онъ еще слабъ, юнъ, хилъ и теперь его легче подавить и съ нимъ справиться. Горе, если онъ разовьется. Тогда придется ему подчиниться.

Понятна и наша слабость въ моментъ возникновенія націонализма. Многие изъ насъ современники, а другіе дѣти рабовъ или рабовладѣльцевъ; а потому у насъ нѣтъ еще той силы духа, той духовной мощи, той національной храбрости, какова у настоящихъ, спокойно развивающихся, гражданъ. Отстаивать свою національность далеко не легко. Примѣромъ тому служатъ евреи. Тысячелѣтія они защищаютъ и открыто охраняютъ себя отъ всѣхъ, — а и имъ стыдно бываетъ иногда открыто признаться, что они евреи. И какъ часто они прячутся за то русское имя, которое они такъ ненавидятъ. Изъ стыда за свою націю, за свою народность, г. Бродскій отказался отъ своего еврейскаго имени и принялъ русское, христіанское. Вѣроятно, ему было чего стыдиться... Но наша нація чиста и безупречна и безчестно стѣсняться ее открыто исповѣдывать, а еще подлѣе хулить.

Мнѣ мало понятна та душевная низость, то предательство, та подлая безсердечность, съ которыми сыны, или, точнѣе, выродки Россіи позволяютъ себѣ грязнить и чернить свою мать, Россію, самую мерзкою и гнусною клеветою, — или обкрадывать ея государственныя и народныя средства. Единственнымъ объясненіемъ можетъ быть то, что во всѣ времена были Хамы и Іуды и кадеты и интенданты.

Въ то время, какъ наше національное русское чувство спало и было подавлено, націонализмъ

других народностей Россіи вспыхнулъ съ наибольшою силою и сталъ настолько мощный, что раздались голоса объ автономіи народностей, населяющихъ Россію, о сепаратизмѣ, о возсозданіи новыхъ государствъ на развалинахъ Россіи... Не рано ли начался дѣлежъ?!.. И не преждевременны ли похороны...

«Русская интеллигенція эпохи до и послѣ освобожденія крестьянъ, говоритъ проф. Локоть, съ правомъ можетъ быть названа не только прогрессивной, но и демократической... И западническое и славянофильское теченія русской интеллигенціи—въ эпоху 40—60 годовъ въ сущности шли по одному общему руслу и ихъ *рѣзкое, непримиримое расхожденіе начинается только послѣ освобожденія крестьянъ, съ выступленіемъ «инородческаго» вопроса*, встрѣтившаго такого сильнаго противоборника въ лицѣ бывшаго защитника Каткова, рѣзко раздѣлившаго достаточно единую до тѣхъ поръ русскую прогрессивно-демократическую интеллигенцію на два уже почти непримиримыхъ теченія: космополитически-прогрессивное и національно-консервативное, изъ которыхъ первое оспаривало для себя исключительную честь считаться демократическимъ, а второе совершенно напрасно и даже мало основательно стало отказываться отъ этой чести».

Въ настоящее время большинство русской интеллигенціи не только анаціонально, но прямо антинаціонально. Оно порабощено социальнымъ

космополитизмомъ и сепаратизмомъ и съ этой точки зрѣнія является явнымъ и рѣзкимъ противникомъ и врагомъ своей націи и своей родины.

Общественная драма русской радикальной интеллигенціи усилилась именно съ того момента, когда въ ея мировоззрѣніи стали господствовать принципы и идеалы космополитизма и социализма, какъ воплощенія безконечно отдаленнаго будущаго социальнаго строя».

«Только *національная интеллигенція*, т. е. интеллигенція, проникнутая живымъ чувствомъ кровной своей связи съ данной національной группой, найдетъ въ себѣ животворящее ощущение прочной связи съ общественнымъ коллективомъ; только она будетъ активно и чутко относиться къ интересамъ рѣдкой общественной группы; только она будетъ имѣть дѣйствительное право на интеллектуальное и общественное представительство своей группы, только она будетъ имѣть нравственное право на вліяніе, на видоизмѣненіе всего уклада моральнаго и общественнаго мировоззрѣнія массъ того коллектива, съ которымъ она кровью связана. *Безъ національнаго живого чувства и сознанія интеллигенція* это—отбросъ общественныхъ группъ, налипъ на нихъ, годная только въ качествѣ механической служебной силы для господствующихъ группъ и отчасти для государства, поскольку государство является подчиненнымъ болѣе сильнымъ, государственнымъ группамъ».

«Национально - демократическое мировоззрѣніе не можетъ не быть консервативнымъ въ государственномъ смыслѣ: для національной демократіи, какъ представительницы главнымъ образомъ мелкихъ и среднихъ массъ, политическій прогрессъ страны мыслимъ только въ формѣ эволюціоннаго процесса, медленно созидательнаго, но не разрушительнаго, всегда связаннаго съ тормазомъ въ производительномъ трудѣ, съ уничтоженіемъ накопленнаго труда, накопленной общественной энергіи».

«Въ основѣ національно - демократической партіи—національное начало». Оно является естественной и могущественной объединяющей силой для общественныхъ группъ не только независимо, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ и вопреки социально-экономическимъ ихъ интересамъ. Вотъ почему національное единство націи—вѣрнѣйшій залогъ внутренней ея сплоченности, вѣрнѣйшій залогъ болѣе равнаго, эволюціоннаго ея политическаго развитія... Ясное національное самосознаніе облегчитъ общественную борьбу группы за ея интересы, будетъ способствовать росту ея общественной силы. Особенно неоградиво это національное самосознаніе для мелко и средне имущихъ массъ буржуазіи, которыя мы съ полнымъ правомъ можемъ называть мелко и средней имущей демократіей. И тотъ взрывъ націонализма, который мы въ настоящій моментъ наблюдаемъ въ политическомъ сознаніи русскихъ народныхъ массъ,

который мы, конечно, не можемъ считать какимъ-либо искусственнымъ, политическимъ продуктомъ, такъ какъ онъ органически вытекаетъ изъ необходимости политическаго самосознанія и самоопредѣленія общественныхъ группъ, уже призываемыхъ къ планомѣрной и закономѣрной политической жизни,—этотъ взрывъ націонализма Россіи какъ нельзя болѣе убѣдительно говоритъ о его необходимости. Мелко и средне имущественная демократія въ Россіи должна быть національной и она будетъ національной, какъ бы ни шла въ разрѣзъ съ этимъ даже вся русская интеллигенція... *Народныя массы, народныя демократическія группы въ концѣ концовъ подчинятъ себя интеллигентныя группы и общественно-политическое мировоззрѣніе интеллигенціи неизбежно должно будетъ включить элементъ націонализма...* Само государство, вѣрнѣе сама исполнительная государственная машина неизбежно должна будетъ, въ извѣстные моменты и при извѣстныхъ условіяхъ, становиться національной не только въ смыслѣ отраженія націи, какъ сборнаго и въ національномъ отношеніи цѣлаго, но даже и въ смыслѣ отраженія одной опредѣленной національности, интересы которой въ данный моментъ получаютъ доминирующее положеніе»...

Когда преобладающая въ государствѣ русская—всѣхъ трехъ вѣтвей—национальность въ критическій періодъ зарожденія и укрѣпленія новаго политическаго фактора—народнаго предста-

вительства—чувствует и видит самый рѣшительный и жадный натискъ другихъ, болѣе сильныхъ экономически и культурно-національныхъ группъ въ цѣляхъ захвата соотвѣтственно уже сильныхъ позицій и въ этомъ новомъ политическомъ факторѣ,—тогда *коренная, но болѣе слабая культурно, національная группа не только вправѣ, но и обязана предъявлять своему правительству, своей государственной власти требованіе быть національными, т. е. оберегать политическіе интересы коренной національности по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока коренная національность не сплотится политически настолько, чтобы собственными групповыми силами оберегать свои политическіе интересы отъ излишне неуступчивыхъ притязаній другихъ національныхъ группъ.*

Однако, не пренебрегая помощью государственной власти, коренныя національныя группы должны и сами по себѣ энергично развивать и ускорять свое политическое самосознаніе и объединеніе. Они должны организоваться въ національныя политическія партіи. Должны это дѣлать не только крупно имущіе верхи національныхъ группъ, но и ихъ демократическія массы»...

Общественно-политическое міровоззрѣніе національной демократіи проникнуто прежде всего реализмомъ; оно чуждо всякаго общественно-политическаго утопизма, оно стоитъ за здоровый консерватизмъ въ социальныхъ устояхъ, за разумный и твердый порядокъ въ государственной ма-

шинѣ, за хозяйственность и строгую отчетность въ экономической политикѣ государства, а слѣдовательно и за нормальное, планомѣрное эволюціонное развитіе началъ народнаго представительства и за дѣйствительный контроль народнаго представительства надъ дѣятельностью исполнительныхъ органовъ государственной власти».

«Національно-демократическое міровоззрѣніе, какъ реалистическое, эволюціонное, не мирится съ утопическимъ требованіемъ—«все сразу» и «все, или ничего»... Оно считается съ реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ и политическихъ силъ; оно борется за интересы демократическихъ группъ, не забывая, что въ борьбѣ необходимы взаимныя уступки въ интересахъ цѣлаго, въ интересахъ конечнаго, реальнаго, общественнаго коллектива государства. Національно-демократическое міровоззрѣніе—государственное міровоззрѣніе, — и національно-демократическая партія будетъ партіей государственной, а не разрушительной. Національно-демократическая партія будетъ солидарна съ тѣми партіями и группами, которыя прежде всего признаютъ и оберегаютъ права коренныхъ національныхъ группъ, создавшихъ силу государства и которыя не противятся росту, экономическому, культурному и политическому развитію демократическихъ массъ этихъ группъ. Наконецъ, какъ партія реалистическая, національно-демократическая партія будетъ чужда шовинизма и нетерпимости, но въ то же время будетъ крѣпко стоять за инте-

ресы демократіи съ тѣми партіями и группами, которыя—подъ какимъ бы то ни было флагомъ посягаютъ на нихъ. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ соціально-политическая конструкція и характеристика той партіи, которая должна будетъ объединить русское хозяйственное крестьянство, вообще—мелкое и среднее землевладѣніе, городской слой мелкой и средней буржуазіи, громадное большинство сельскаго и городского духовенства и, наконецъ, значительный слой служилой и вольнопрофессиональной интеллигенціи, въ которой живо будетъ національное чувство и сознание своей связи съ народомъ» (Проф. Локоть).

Вотъ послѣднее слово націонализма въ нашемъ славномъ отечествѣ.

Современный русскій націонализмъ еще слишкомъ юнъ. Онъ не въ дѣтскомъ, а даже въ младенческомъ возрастѣ. Ему всего 3—4 года. Но даже нынѣ онъ является мощнымъ и требовательнымъ. Является онъ сильнымъ не потому, что интеллигентная національная партія была бы сильна. Нѣтъ, она слаба и даже слишкомъ слаба и ничтожна. Силенъ онъ потому, что нынѣ самъ русскій народъ просыпается и заявляетъ о своихъ правахъ. А если доселѣ русскій народъ былъ сильнымъ и мощнымъ, находясь въ положеніи спящаго Ильи Муромца, то что можно подумать о мощи, силѣ и величіи Россіи при пробужденіи и сознаниіи всего православнаго народа.

II.

Національность и націонализмъ.

Приступая къ изложенію ученія о *націи* и *націонализмѣ* мы прежде всего должны условиться въ надлежащемъ пониманіи этихъ словъ. Нужно сознаться, что эта сторона жизни такъ мало интересовала нашихъ предковъ, что языкъ нашъ, весьма богатый и полный во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, въ данномъ вопросѣ оказывается весьма бѣднымъ и недостаточнымъ. Онъ является настолько бѣднымъ, что для надлежащаго пониманія затрагиваемыхъ нами жизненныхъ сторонъ приходится прибѣгать къ позаимствованію изъ другихъ языковъ.

Что такое нація? *Нація*—группа людей, занимающая опредѣленную *территорію* на земномъ шарѣ, объединенная однимъ разговорнымъ *языкомъ*, исповѣдующая одну и ту же *вѣру*, пережившая одни и тѣ же *историческія судьбы*, отличающаяся одними и тѣми же *физическими и душевными качествами* и создавшая извѣстную *культуру*. *Національный*—свойственный, прису-

цій данної нації. *Національність* збірникъ свойствъ и качествъ, присущихъ той или другой нації.

Нѣкоторые понимаютъ подъ *національністю* то же, что мы понимаемъ подъ націей. Едва ли это правильно. Другіе слово національность употребляютъ въ видѣ обозначенія части нації. Такъ напр. для всего русскаго народа употребляютъ слово нація—а для обозначенія великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ—употребляютъ слово національность: русская нація, малороссійская національность. Это примѣненіе слова также едва ли правильно. Слово національность опредѣляетъ свойство, а слово нація—народъ.

Націонализовать значитъ вибдрать въ ту или другую группу людей свойства, присущія той или другой нації. Напр. въ настоящее время русская нація очень слабо національна.

Подъ вліяніемъ вѣковаго рабства, она мало по малу теряла тѣ свойства, которыя присущи ей. Занятый дню и ночью жизненными и животными потребностями простой народъ очень мало думалъ и помышлялъ о православной вѣрѣ, самодержавіи, своемъ отечествѣ, своихъ общихъ интересахъ и т. д. Онъ жилъ чисто животною жизнью и не отвлекался отъ насущнаго дня. Если въ глубинѣ его души и теплились искорки любви къ своей родинѣ, къ своему русскому, то все это было такъ глубоко и такъ темно, что въ настоящее время, когда даются условія для созданія болѣе сознательной и болѣе полной жизни, надобно эти тем-

ныя и глубокія искорки и вызвать болѣе наружу. Это можно сдѣлать путемъ ви́шняго выясненія всего прошлаго, настоящаго и будущаго,—путемъ поднятія условій жизни, человѣческаго самосознанія и матеріальнаго бытія этихъ простыхъ людей. Вся задача будетъ состоять въ подведеніи и разрисовкѣ тѣхъ красокъ и искорокъ, которыя уже раньше теплились въ душѣ простаго человѣка.

Во многихъ случаяхъ эта задача удается. Она будетъ состоять только лишь въ усиленіи и проясненіи того, что уже присуще самой природѣ, но только было слишкомъ сглажено и заглушено.

Существуетъ и другой способъ *націонализації*—это *випдреніе* національныхъ свойствъ одной нації другой націей. Это тоже возможно и успѣхъ даннаго дѣла зависитъ отъ стойкости, древности и культурности одной и другой нації. Такъ, наши лопари Лапландіи имѣютъ свой языкъ, имѣютъ свою языческую вѣру, жили своею обособленною жизнью и отличаются своими физическими свойствами. При столкновеніи съ русской націей, они очень легко приняли христіанскую вѣру, почти всѣ говорятъ по русски, принимаютъ всѣ русскіе нравы и обычаи и пройдетъ 30—50 лѣтъ и отъ лопарей останется одно воспоминаніе. Лопари будутъ обрусены. Русская нація націонализируетъ лопарей, если только мы не будемъ въ этомъ дѣлѣ столь преступно небрежны, какими пребывали до сихъ поръ. Мы не только не заботились о закрѣпленіи русской націонализації лопарей, но мы

съ легкой душой совершаемъ другое преступленіе: мы позволяемъ этихъ лопарей нашей подчиненной націи — финнамъ офинивать. Это великое государственное преступленіе и оно падаетъ на душу нашего правительства. Долги и обязанность національной партіи поднять этотъ вопросъ въ Государственной Думѣ и окончательно закрѣпить русскую націонализацию лопарей. Тоже самое должно сказать и о кореллахъ.

Націонализация — сознательное и умышленное насажденіе национальныхъ свойствъ и качествъ державной націи въ націяхъ культурно слабыхъ и соподчиненныхъ. *Денаціонализация и денаціонализированіе* ослабленіе и уничтоженіе свойствъ и качествъ какой либо націи, какъ это напр., безсознательно дѣлалось вѣками русской націей.

Въ русскомъ языкѣ есть слова «народъ», «народность», «народный». Но это не тоже, что нація, національность, націонализмъ. Это или больше, или меньше. Словомъ «русскій народъ» обозначаютъ или составъ жителей всего Россійскаго государства, и тогда въ это государственное понятіе входитъ 150 націй, составляющихъ Россійскую имперію, — или словами «русскій народъ» обозначаютъ сословіе, классъ людей, простой классъ народонаселенія.

Такъ П. И. Пестель говоритъ: народъ есть совокупность всѣхъ тѣхъ людей, которые принадлежатъ къ одному и тому же государству,

составляютъ гражданское общество, имѣющее цѣлью своего существованія благоденствіе всѣхъ и каждаго» ¹⁾.

Проф. Локоть говоритъ: «Великій коллективъ много-милліонная масса крестьянства вполне справедливо присваиваетъ болѣе широкій титулъ — *народа*. Да... крестьянство съ русской общественной точки зрѣнія — это дѣйствительно народъ, т. е. какъ бы синонимъ націи «государства» ²⁾.

Въ послѣднемъ случаѣ все таки народъ будетъ часть націи и для пополненія всей націи нужно добавить дворянъ, духовенство, купцовъ и проч.

Такимъ образомъ русскій языкъ не имѣетъ своихъ словъ для обозначенія того понятія, для котораго приходится употреблять слово *нація*. Свойства и качества, присущія нашей націи, служатъ какъ для обозначенія ея свойствъ, такъ и для отличія нашей націи отъ другихъ націй.

Проф. В. М. Грибовскій съ государственной точки зрѣнія такъ опредѣляетъ національность: национальность представляетъ собою духовную культурную общность, вырабатываемую историческимъ путемъ, общность культуры, массовыхъ идей, чувствъ, склонностей, языка, какъ средства общенія и своеобразнаго національнаго богатства.

По *Хомякову*, народность есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа. Съ одной стороны, какъ общечеловѣческое.

1) П. И. Пестель. Русская Правда, 5.

2) Проф. Локоть. Оправданіе націонализма, 4.

оно собою богатитъ все человѣчество, выражаясь то въ Фидіѣ и Платонѣ, то въ Софоклѣ и Вико, то въ Беконѣ и Шекспирѣ, то въ Гегелѣ и Гѣте; съ другой стороны, какъ живое и неотвлеченное проявленіе человѣчества, она живить и строить умъ человѣка. Въ то же время она по своему общечеловѣческому началу, въ себя принимаетъ все человѣческое, отстраняя чуженародное своею неподкупною критикою, тогда какъ отдѣльному лицу нельзя не поддаваться самимъ формамъ чуженародности и не смѣшивать ихъ съ тою общечеловѣчною стихією, которая въ нихъ таится,— но человѣкъ, воспитанный въ народности, растеть и крѣпнеть, разумно богатится всѣмъ богатствомъ человѣческаго мышленія, законно расширяетъ ея предѣлы, а иногда доходитъ до законнаго отрѣшенія отъ ея ненужныхъ случайностей».

Въ доисторическія времена человѣкъ жилъ семей: мужъ, жена, дѣти. Всѣ они любили другъ друга, всѣ они помогали другъ другу, взаимно оберегали и взаимно заботились. Дѣти выросли, женились и селились недалеко отъ своей основной семьи. Такъ было безопасно. Такъ было и пріятнѣе. Они имѣли свой способъ обмѣна мыслей и чувствъ—языкъ. Они развивались соответственно окружающей обстановкѣ: лѣсъ, горы, озера, рѣки и проч. Ихъ природа приспособлялась къ этой обстановкѣ и отличалась отъ природы тѣхъ семействъ, которыя жили и воспитывались при другой природной обстановкѣ. Такъ создавался особый

родъ. Родъ—это и было единицею націи. Легко могло случиться, что часть этого рода отрывалась отъ своего корня, поселялась въ другомъ мѣстѣ, воспитывалась при другихъ условіяхъ приспособленія къ природѣ, создавала себѣ иную природу, иной языкъ, иные нравы и обычаи, иные вѣрованія. Много между ними было и общаго съ первой коренной семьей, но много и отличнаго. Создавались двѣ *разновидности* одного народа.

Естественно, что лица одного рода и одной народности любятъ другъ друга, какъ члены одной семьи,—любятъ окружающую природу, любятъ свое дѣло, любятъ предметы, которыми работаютъ, любятъ свой языкъ, свои пѣсни, свои нравы, свои обычаи, все то, что принадлежитъ имъ душевно и физически. Съ теченіемъ времени, народность разрастается, занимаетъ большее пространство, расширяетъ занятія и промыслы, совершенствуетъ условія жизни, скопляетъ знанія, облегчаетъ жизненную борьбу и создаетъ понемногу культуру. Встрѣчая на пути болѣе мелкія и менѣе совершенныя народности, эта народность коренная, болѣе сильная, болѣе культурная, побѣждаетъ встрѣченную, овладѣваетъ ею и поглощаетъ ее. Разумѣется, она даетъ ей свои знанія и блага своей культуры. Но такъ какъ вступившая въ общую массу господствующей побѣдительницы имѣетъ тоже свои особенности физическія и душевныя, то, сливаясь съ господствующей націею, она передаетъ ей и свои особенности. Вос-

пріявъ особенности присоединенной націи, господствующая нація ихъ ассимилируетъ и поглощаетъ въ себѣ и тѣмъ самымъ невольнo нѣсколько измѣняется. Поэтому даже сильная господствующая нація не представляетъ собою величины постоянной, неизмѣнной и неподвижной. Нѣтъ, она подчиняется измѣненію, подѣ вліяніемъ вливающейся крови новой націи и примѣняется подѣ вліяніемъ новыхъ условий жизни и борьбы за существованіе — совершенствуется, прогрессируетъ.

Включая въ себя все болѣе и болѣе побочныхъ мелкихъ націй, коренная нація становится не только господствующею, но и державною, направляя жизнь во всемъ государствѣ и управляя имъ соотвѣтственно интересамъ и культурѣ своей коренной націи, соблюдая, однако, интересы и благополучіе соподчиненныхъ націй. Такъ создается государство, сильное, мощное, культурное, самобытное.

Ужъ съ появленіемъ малыхъ племенъ, каждый членъ племени, чувствуя за собою защиту всего племени, въ то же время инстинктивно чувствуетъ и свою принадлежность къ нему, приобретаетъ присущее племени имя, защищаетъ его и готовъ всегда пожертвовать собою за свое племя. Каждый членъ такого племени, сознавая свое имя, понимаетъ, что это имя племени отличаетъ его отъ другихъ племенъ. Онъ охотно вступаетъ въ единеніе съ другими членами того же племени и въ борьбу съ членами другого племени. Такой членъ

гордится своимъ племенемъ и хвалится его качествами и доблестями.

Такое тяготѣніе членовъ одной народности другъ къ другу и ко всему своему является выраженіемъ его *національнаго чувства*. Это національное чувство является прирожденнымъ, бессознательнымъ, инстинктивнымъ, животнымъ. Въ основѣ національнаго чувства лежитъ проявленіе высшаго *міроваго закона, закона тяготѣнія*, или закона притяженія.

Самымъ примитивнымъ и простѣйшимъ проявленіемъ этого взаимнаго тяготѣнія служитъ притяженіе и отталкиваніе атомовъ міроваго эира въ безпредѣльномъ міровомъ пространствѣ. Такимъ образомъ это чувство современно мірозданію и усложнялось и совершенствовалось соотвѣтственно развитію и совершенствованію міротворенія и міросозиданія. Уже рѣзче и опредѣленнѣе оно проявляется въ системахъ небесныхъ міровъ, гдѣ притяженіе и отталкиваніе тѣлъ и системъ подлечитъ незыблемому и непоколебимому міровому закону и гдѣ части системы тяготѣютъ къ цѣлому въ теченіе всего своего существованія. То же тяготѣніе и отталкиваніе частей и особей къ цѣлому наблюдается и въ растительномъ и въ животномъ царствѣ. Въ силу этого инстинктивнаго тяготѣнія, симпатіи и антипатіи, воробья льнутъ къ воробьямъ и составляютъ одно стадо, ласточки — къ ласточкамъ, селедки — къ селедкамъ, овцы — къ овцамъ и т. д., — и если какое-нибудь изъ

этих животных попадетъ въ чужое стадо, то его или скоро прогонять, или просто на просто заклюютъ.

Въ человѣкѣ національное инстинктивное чувство хранится какъ въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, такъ и въ человѣческихъ группахъ, націяхъ—онтогенетически и филогенетически.

Уже съ ранняго дѣтства,—говоритъ Вадимъ Радецкій, у каждаго ребенка является стремленіе къ своему, родному, безъ всякихъ указаній и побужденій со стороны воспитателя: найдите хотя одного ребенка, который бы не чувствовалъ любви къ родному своему. Начиная съ любви къ болѣе близкому—родному дому, къ школѣ, товарищамъ, къ родному городу, это чувство переходитъ затѣмъ въ любовь къ своему отечеству, ко всѣмъ своимъ согражданамъ и едва ли найдется сколько-нибудь мыслящій человѣкъ, который не призналъ бы законности этого чувства, не призналъ бы той истины, что любить родину, служить ей, какъ полезный членъ общества, составляетъ одну изъ основъ нашей жизни.

Развиваясь и расширяясь, любовь къ родинѣ образуетъ изъ ребенка не только гражданина, но и человѣка: чувство любви къ родному своимъ могущественнымъ вліяніемъ на душу, на духовное развитіе ребенка, производитъ то, что ребенокъ, по мѣрѣ развитія его, все болѣе усваиваетъ гуманныя начала, теплое чувство къ людямъ вообще, вырабатываетъ въ себѣ честныя правила, дѣлается

отзывчивымъ и сострадательнымъ и проникается желаніемъ служить по мѣрѣ силъ не только своимъ соотечественникамъ, но и всѣмъ людямъ... Влеченіе къ отечеству, представляя собою великій голосъ самой природы, говорящей человѣку, что онъ только часть цѣлаго, имѣетъ многіе и глубокіе корни во всѣхъ естественныхъ условіяхъ тѣлесно-духовной жизни человѣка. Любовь къ отечеству имѣетъ первообразомъ семейную любовь дѣтей къ родителямъ. Нужно только выработать изъ ребенка хорошаго честнаго гражданина, любящаго свою родину здоровой, разумной, настоящей любовью и можно поручиться, что онъ будетъ гуманнымъ, отзывчивымъ человѣкомъ вообще.

Обращаясь къ исторіи человѣчества, мы видимъ, что и тамъ у всѣхъ народовъ древности существовала прирожденная, инстинктивная любовь къ своему народу и къ своей родинѣ. Вл. Соловьевъ, не отрицающій, но порицающій узкій эгоистическій націонализмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что «національные инстинкты господствовали въ древнемъ мірѣ». Всѣ некультурные народы и нашего времени рѣзко проявляютъ бессознательное, физическое, инстинктивное чувство любви къ своему родному, доказательствомъ чему служатъ китайцы и другіе азіатскіе народы, которые, будучи замкнуты въ себѣ и цѣня выше всего на свѣтѣ свое, вмѣстѣ съ тѣмъ питаютъ презрѣніе, отвращеніе, вражду и ненависть ко всему, что внѣ китайской стѣны. Такое же

презрѣніе, отвращеніе и вражду питають и евреи ко всему, что стоитъ внѣ ихъ націи, внѣ ихъ кагално-талмудистскихъ устоевъ. И это чувство презрѣнія одинаково проявляется какъ у людей простой темной еврейской массы, такъ и у евреевъ цивилизованныхъ,—только формы и способы этихъ отношеній различны, въ зависимости отъ ихъ воспитанія и круга жизни.

Такой же строго замкнутый національный инстинктъ, хотя не такой жестокой и безчеловѣчный, какъ евреи, проявляли и мы, русскіе, въ періодъ допетровской Руси. Но *tempora mutantur et nos mutamur in illis...* Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу. Много черезъ это окно прошло хорошаго и полезнаго для Россіи,—но вмѣстѣ съ этимъ черезъ это окно прорвался ужасный скептицизмъ и множество другихъ проявленій, шагъ за шагомъ подтачивавшихъ, постепенно расшатывавшихъ, мало-по-малу уничтожавшихъ прирожденный и присущій природѣ русскаго человѣка физической національный инстинктъ.

Слѣдя за развитіемъ національныхъ группъ, мы не можемъ въ исторіи человѣчества не видѣть такой постепенности: въ періодъ помадной пастушеской жизни, народы живутъ патриархальной жизнью. Во главѣ стоитъ патриархъ, родоначальникъ, подъ его властью—остальные члены рода. Всѣ эти члены рода объединены взаимною любовью, взаимными интересами, взаимной цѣлостью, взаимной принадлежностью. Съ увеличеніемъ народа,

ростеть потребность, условія жизни осложняются. Принадлежащіе къ роду начинаютъ дѣлиться на слои. Начинается дробленіе по спеціальнымъ занятіямъ: одни пахутъ землю, другіе пасутъ скотъ, третьи приготавливаютъ одежду, четвертые учатся военному искусству и охотѣ, пятые занимаются высшими дѣлами рода и храненіемъ духовнаго достоянія и т. д. Такъ начинается постепенно раздѣленіе на общественные слои. Вѣковая жизнь постепенно выдвигаетъ касту работниковъ, касту воиновъ, касту промышленниковъ, касту ученыхъ, касту духовныхъ и касту правителей. Этимъ самымъ равноправное положеніе членовъ общества, народности, народа—измѣняется и переходитъ въ иной строй, строй зависимости, подчиненія, рабства и господства. Слабые тѣломъ и слабые духомъ (необразованные) постепенно подчиняются болѣе сильнымъ физически, болѣе умнымъ, болѣе просвѣщеннымъ, болѣе изворотливымъ. Невольно создаются рабы и владыки. Первые служатъ вторымъ за то, что вторые ихъ охраняютъ отъ враговъ и враждебныхъ воздѣйствій воинственныхъ сосѣдей, хищныхъ звѣрей, болѣзней, невѣжества и т. д. Самый умственный трудъ еще не въ почетѣ. Науки и изобрѣтенія—это проявленіе труда, а всякій трудъ близокъ къ работѣ и напоминая рабство,—почему сословіе людей умственного труда стояло посрединѣ между рабами и владыками.

Время однако идетъ. Познанія и изобрѣтенія являются силой. Они даютъ мощь, они даютъ

производство, они дают удобства жизни, они дают капиталъ и продукты капитала—производство, культуру, жизненное благо. Мало-по-малу физическая сила и власть начинаютъ сознать, что умъ и познанія—сила. Поэтому физическая сила постепенно начинаетъ уступать силѣ знанія, силѣ изобрѣженія, силѣ производства, силѣ капитала. Вмѣстѣ съ этимъ просыпается въ данномъ обществѣ и самосознаніе и самоопредѣленіе. Члены націй начинаютъ понимать, что всѣ члены націи—созданія одинаковыя и имѣющія право какъ на равное существованіе, такъ и на равное пользованіе благами жизни. Съ этой поры начинается стремленіе высшихъ, образованныхъ, состоятельныхъ, мыслящихъ классовъ спуститься къ своимъ братьямъ-труженикамъ и поднять ихъ изъ положенія раба въ положеніе равнаго.

Ихъ неравенство начинаетъ проявляться не въ породѣ и принадлежности къ тому или другому классу по происхожденію, а въ культурѣ, образованіи и знаніи. Самыя высшія государственныя мѣста, самыя высшія положенія въ духовномъ званіи и въ наукѣ и въ искусствѣ въ равной мѣрѣ могутъ занять какъ дѣти владыкъ, такъ и дѣти рабовъ. И нѣтъ съ этого времени ни рабовъ, ни владыкъ, а есть граждане. И отъ насъ самихъ и нашихъ природныхъ дарованій и нашихъ духовныхъ потребностей зависитъ стать тѣмъ или другимъ. Развѣ мы не видимъ теперь, что дѣти бывшихъ крестьянъ стали знаменитыми

учеными, милліонерами, капиталистами и проч.,—и дѣти княжескихъ фамилій попали кондукторами... Явилось на свѣтъ равенство и братство и по закону и по фактическимъ жизненнымъ условіямъ,—не только передъ Богомъ, но и передъ закономъ.

Такимъ образомъ общность культурная, общность образовательная повела къ тому, что высшіе, болѣе образованные и болѣе состоятельные классы пришли къ сознанію блага культуры, спустились къ тѣмъ своимъ братьямъ, которые стояли ниже, въ невѣдѣніи, умственной темнотѣ, но съ природною любовью ко всему доброму, ко всему нравственному, ко всему родному. Эти высшіе классы позаботились о томъ, чтобы просвѣтить ихъ, дать и имъ блага высшей культуры, поднять ихъ до себя и сравнять ихъ съ собою. Это уравненіе идетъ и теперь, идетъ неудержимо.

И вотъ эти люди связаны между собою едиными чувствами національной любви, любви природной, любви безсознательной, любви инстинктивной, — *национальными* чувствами. Это чувство у русскихъ лежитъ въ нашей землѣ, въ нашей православной вѣрѣ, нашемъ родномъ русскомъ языкѣ, нашей исторической судьбѣ, которую мы всѣ вмѣстѣ прошли, нашемъ народномъ характерѣ — преданіяхъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ и проч.,—въ нашемъ духовномъ богатствѣ, созданномъ вѣковыми трудомъ сыновъ нашей родины.

«Вѣра русскаго народа въ свои силы и свое призваніе, его горячая любовь къ своей родной

земль, его православію—русскія убѣжденія, зародившіяся и выросшія въ убогихъ сельскихъ храмахъ, въ монастырскихъ обителяхъ, его глубокой, безкорыстный, запечатлѣнный кровью и страданіями русскій патриотизмъ—все это въ жизни Россіи явилось основою, сущю и достояніемъ великаго народа, украшеніемъ, альфой и омегой его многотруднаго бытія» (Н. Высоцкій ¹⁾).

Это національное цѣлое — составляетъ собою государство, а для насъ—Россію. Однако это государство, эта Россія, въ теченіе времени нашего бытія претерпѣла много-много измѣненій и перемѣнъ.

Всякое государство или объединенный народъ, при своемъ физическомъ и культурномъ возрастаніи, невольно приходитъ въ соприкосновеніе съ сосѣдями. Эти соприкосновенія не всегда бывають благопріятнаго свойства, — чаще же непріятнаго и враждебнаго. Эта вражда иногда настолько обостряется, что вызываетъ столкновеніе или войну. Послѣдствія этого военнаго столкновенія—гибель и порабощеніе одного народа другимъ. Побѣдять русскихъ—русскіе подчиняются и превращаются въ рабовъ, что и было въ татарское нашествіе. Побѣдять русскіе, они пользуются правомъ побѣдителя, правомъ сильнаго. Побѣжденный народъ теряетъ свое лицо и поступаетъ въ рабство побѣдителю. Побѣдитель беретъ у него все то, что

¹⁾ Н. Высоцкій. „Русская Бесѣда“, 1910.

для него полезно, и уничтожаетъ то, что противорѣчитъ интересамъ побѣдителя. Побѣдитель пользуется не только физическимъ и экономическимъ достояніемъ побѣжденнаго, но и его духовными и умственными дарованіями. Все полученное отъ побѣжденнаго побѣдитель усваиваетъ, ассимилируетъ и тѣмъ обогащаетъ свои духовныя сокровища, свою культуру. Послѣдствія отъ этого два: 1. Національный характеръ, національное лицо, путемъ вступленія новыхъ духовныхъ элементовъ въ экономію державной господствующей націи постепенно расширяется и совершенствуется и 2. Соподчиненная нація, втянутая въ составъ державной націи, лишается тѣхъ ея особенностей и свойствъ, кои противорѣчатъ интересамъ державной націи, и вступаетъ въ обладаніе всѣми благами культуры державной націи. Не лишаясь своихъ природныхъ свойствъ, подчиненная нація поднимается до уровня державной и такимъ образомъ въ замѣнъ своей политической самобытности, пользуется правами и привилегіями державной націи.

Такъ постепенно основная русская нація полянъ поглотила и ассимилировала сосѣднія славянскія племена древлянъ, кривичей и проч.,—такъ она объединила распавшіяся удѣльныя земли и составила одно нѣчто цѣлое, сильное и мощное,—такъ она побѣдила своихъ побѣдителей татаръ и заставила ихъ войти въ свое національное цѣлое,—такъ она захватила множество и другихъ племенъ, болѣе 150, и составляетъ нынѣ нѣчто еди-

ное и цѣлое. Въ своей ассимиляціи русская нація не проявляетъ людскаго характера. Она оставляетъ побѣжденному его вѣру, его языкъ, его нравы и обычаи, насколько послѣдніе не противорѣчатъ основнымъ законамъ русскаго государства. Главными побужденіями къ расширенію предѣловъ господства русской націи было не стремленіе къ агрессивности, къ захвату чужого, а только лишь самозащита и устройство границъ, обезпечивающихъ цѣлость и благополучіе государства. Россію нисколько не интересовали Кавказскія горы, и нынѣ ею почти не использованныя, но Россія должна была завоевать Кавказъ, дабы избавить себя отъ нападеній и грабежей пограничныхъ линій ея дикими хищными жителями. То же было и съ крымскими татарами, и съ хивинцами, и съ Сибирью и т. д. Но, съ другой стороны, трудно найти другую націю, болѣе вѣротерпимую и народолюбивую, какъ русская. Ее если и можно въ чемъ упрекнуть, то скорѣе въ слишкомъ большой снисходительности къ покореннымъ народамъ въ ущербъ благополучія и внутренняго благосостоянія своихъ коренныхъ жителей, чѣмъ въ стѣсненіи и притѣсненіи подчиненныхъ народовъ. Какое сравненіе между націонализацией русскихъ и германцевъ. Давно ли было то время, когда Померанія и другія германскія земли представлялись чисто славянскими, поголовно населенными славянами. Но пришли германцы, покорили славянъ и превратили ихъ теперь въ

настоящихъ нѣмцевъ. Не то русская нація. О ней поистинѣ можно сказать то, что говорятъ хорваты Истріи. Ея покоренные народы имѣютъ два языка: языкъ сердца (*lingua des coure*)—свой природный языкъ, — и языкъ ума, языкъ хлѣба (*lingua del pane*), языкъ державной націи, на которомъ должны вестись всѣ дѣловыя отношенія въ государствѣ.

Элементъ, связующій членовъ державной господствующей націи, ея цементъ, ея одушевляющее и одухотворяющее начало—это *національное чувство*. Но кромѣ національнаго чувства есть еще второй объединяющій и связующій отдѣльныхъ членовъ народа элементъ это—*національное сознаніе*.

Основа національнаго сознанія—личное самосознаніе. «Познай самого себя»—это первый лозунгъ каждаго образованнаго человѣка, — и въ тѣсной связи съ нимъ долженъ итти второй лозунгъ—«Познай свою родину», говоритъ Стриндбергъ. Національное сознаніе есть познаніе факта сходства моего съ моими соотечественниками въ извѣстныхъ общихъ физическихъ качествахъ, языка, вѣры, обладанія извѣстными культурными цѣнностями, участія въ образованіи этихъ цѣнностей на благо націи,—и познаніе того, что я этими качествами отличаюсь отъ другихъ націй. Національное сознаніе свидѣтельствуетъ, что я позналъ связующую меня съ нею общность характера, культуры, общность исторической судьбы, опредѣляющей и мою

личную особу. Нація есть то цѣлое, въ которомъ и я составляю нѣчто. Это величина, составляющая нераздѣльное цѣлое съ моимъ существомъ. Представленіе о моей націи всегда сочетается съ моимъ я. Кто позоритъ свою націю, тотъ позоритъ самого себя. Величіе моей націи есть слава и честь моя собственная, ибо нація существуетъ только во мнѣ и во мнѣ подобныхъ. Съ теоретической точки зрѣнія національное сознание есть признаніе того, что я и мои соплеменники являемся плодомъ однихъ и тѣхъ же естественно-историческихъ факторовъ. «Национальное самосознание есть сознание самого себя, какъ части своей націи... Это тоже, что чувство собственного достоинства у отдѣльнаго человѣка» (Викторъ Строгановъ ¹). Весьма важно, чтобы это сознание было всѣми связано съ сознаниемъ личнаго участія въ строеніи культурнаго уклада родины на благо этой родины. Безъ этого послѣдняго только возникаютъ тѣ эпидеміи казнокрадства, мошенничества, воровства, которыя намъ приходится наблюдать въ послѣднее время на нашей родинѣ. Естественно, что національное самосознание возможно только въ томъ случаѣ, если нація вышла уже изъ доисторическаго состоянія и стала на путь культуры и историческаго бытія. Национальное сознание дѣлаетъ націю сознательно движущей силой человечества и въ частности политической дѣятельности.

¹) В. Строгановъ. Русскій націонализмъ, его сущность, планъ и задачи. 1912.

Даже въ одномъ и томъ же государствѣ національное сознание далеко не всегда развито въ одинаковой степени. У народовъ, начинающихъ жить самостоятельной сознательной жизнью, только интеллигентные классы проявляютъ національное сознание, — низшій же классъ, народная масса живетъ национальнымъ чувствомъ и стоитъ далеко отъ опредѣленнаго національнаго сознанія.

Такимъ образомъ громадная разница лежитъ между национальнымъ чувствомъ и национальнымъ сознаніемъ. Национальное чувство есть природенная принадлежность физической и душевной организаціи. Оно инстинктивно. Оно обязательно. Национальное сознаніе — актъ мышленія и вытекаетъ изъ бытія націи. Сплошь и рядомъ національное сознаніе зиждется на почвѣ національнаго чувства, но оно не самобытно и является сознательнымъ послѣдствіемъ перваго.

Вотъ что говоритъ о національномъ чувствѣ представитель социаль-демократической австрійской партіи Otto Bauer:

«Съ чувствомъ любви къ моей націи пробуждается во мнѣ не мнимая или дѣйствительная общность интересовъ съ моими соплеменниками, а познаніе общности характера, познаніе того, что национальность есть ничто иное, какъ форма моей собственной индивидуальности. Себя самого люблю я, такъ какъ во мнѣ живетъ инстинктъ самосохраненія, — нація же представляется мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ частью моего я. Национальная осо-

бенность воплощается въ моемъ характерѣ, — вотъ почему я люблю націю. Поэтому любовь къ націи не есть какая-нибудь нравственная побѣда, результатъ нравственной борьбы, которымъ я могъ бы гордиться, а только проявленіе инстинкта самосохраненія, любви къ самому себѣ, каковъ бы я ни былъ вообще, — любви, распространяющейся на всѣхъ тѣхъ, съ которыми меня связываетъ общность національнаго характера. Если я считаю цѣнной индивидуальность моей націи, какова бы она ни была вообще, то отсюда вытекаетъ воля къ сохраненію этой національной самобытности. Это будетъ *политика*, стремящаяся къ сохраненію национальной индивидуальности.

Национальное сознаніе есть проявленіе «сознанія самого себя какъ части своей націи, и такъ какъ «никто же себя возненавидѣтъ», то въ силу этого каждое сознательное *я* относится съ чувствомъ уваженія къ своимъ прошлымъ историческимъ судьбамъ, къ своей настоящей культурѣ и политикѣ и своимъ будущимъ планамъ и пожеланіямъ. Это есть актъ интеллектуальный и только реактивно освѣщенный чувствомъ.

Национализмъ можно различать личный или индивидуальный и массовой. Личный индивидуализмъ есть национализмъ, присущій природѣ каждаго человѣка, — массовой партійный национализмъ отличается отъ индивидуальнаго только тѣмъ, что проявляется объединеніемъ чувствъ,

мыслей и желаній отдѣльныхъ лицъ въ большомъ единомъ цѣломъ.

Слово *націонализмъ* можно понимать въ двоякомъ смыслѣ: широко и узкомъ. Въ широкомъ смыслѣ *націонализмъ* — духовное вѣяніе, теченіе, направленіе въ данномъ народѣ, имѣющее цѣлю и задачу поднятіе и совершенствованіе блага данной націи. Это и будетъ *націонализмъ массовой, партійный*. Национальная партія въ государствѣ есть партія, имѣющая свою главною задачею, своимъ стремленіемъ, своею дѣятельностью — благо, славу, силу и честь державной, господствующей въ государствѣ націи, также благо и тѣхъ соподчиненныхъ націй и народовъ, кои всецѣло сливаются съ державною націей, данное государство считаютъ своей родиной, своимъ отечествомъ и заботятся о его величій и совершенствованіи.

Очень интересное и красивое опредѣленіе національности даетъ М. О. Меньшиковъ ¹⁾. «Национализмъ есть независимость отъ всего. Национализмъ есть освобождаемая энергія народная, самостоятельная и самодержавная въ своемъ трудѣ». И это опредѣленіе национализма совершенно вѣрно, если разсматривать націонализмъ какъ проявленіе массовой энергіи духа. Дѣйствительно, всѣ истинные националисты вмѣстѣ съ тѣмъ и великіе труженики. Націи наиболѣе національныя въ тоже время и наиболѣе трудолюбивыя. «Сы-

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Что такое націонализмъ.

новья лордовъ въ молодые годы ѣдутъ въ колоніи, за океаны, къ антиподамъ, въ поискахъ живого и тяжелаго труда, въ поискахъ состоянія обезпечивающаго, въ ихъ глазахъ, жизнь джентльмену. Въ Англіи аристократическій, т. е. вопреки ходячему предразсудку,—*рабочій* типъ, дѣятельный, отважный,—ему противопоставленъ плебейскій, лѣнивый, паразитный типъ, преобладаніе котораго ведетъ къ гибели нѣкоторыя великія страны Европы. Примѣромъ истинно-національнаго юноши берите любого изъ великихъ тружениковъ, которые въ Англіи и Америкѣ вышли изъ нищеты и достигли вершины славы»...

Но въ русскомъ націонализмѣ нужно отличать и еще одну особенность. Сто миллионная русская нація, въ теченіе тысячи лѣтъ жила главнымъ образомъ трудомъ и потомъ, кровью и тѣломъ простого, русского народа. Въ теченіи тысячи лѣтъ этотъ народъ главнымъ образомъ проливалъ свою кровь. На его костяхъ строилось Русское государство. Его трудами питались всѣ граждане. Его жизнію достигнуто могущество и величіе Россіи. Между тѣмъ этотъ народъ въ теченіе тысячи лѣтъ былъ только рабомъ. Императрица Екатерина уничтожила для него позорное званіе раба, но это не мѣшало ей закрѣпить болѣе миллиона русскихъ различнымъ русскимъ и инороднымъ магнатамъ. Только Императоръ Александръ II далъ свободу закрѣпощеннымъ. Императоръ Александръ III всю свою жизнь по-

святилъ улучшенію благосостоянія русскаго народа и только Императоръ Николай II призналъ въ немъ права гражданина и призвалъ къ участию въ строеніи государства. Но тысячелѣтнее рабство тяжелымъ гнетомъ отразилось и на физическомъ и на душевномъ лицѣ русскаго крестьянина, русскаго народа. Долгъ, великій долгъ, неоплатный долгъ русской, національной партіи заботиться о благѣ, счастіи, величіи, мощи, и сознаниіи всей русской націи, но паче всего и первѣе всего о благѣ, счастіи, величіи, мощи сознаниіи и правѣ русскаго крестьянина, русскаго народа. Русскій народъ—это мощь государства, это сила государства, это величіе государства. *Русская національная партія* первѣе всего должна стать *народною демократическою* партіей и только въ такомъ случаѣ она будетъ имѣть право называться *національною партіей*.

Давно уже русская интеллигенція отреклась отъ своего народа и знаетъ съ инородческими сепаратистами; а русское общество занимается русскимъ народомъ больше послѣ сытнаго обѣда за чашкой кофе, или за сигарой. И то и другое или позорно, или безплодно. Не то нужно на дѣлѣ и не то дастъ плодъ. Вспомнимъ А. Хомякова ¹⁾: «Принадлежать народу—значитъ съ полною и радушною волей созывать и любить нравственный и духовный законъ, проявлявшійся въ его истори-

¹⁾ А. Хомяковъ. Т. I, стр. 9 и др.

ческомъ развитіи.—Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу человѣка съ его землею и народами, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ быть нельзя доказать, чтобы русская пѣсня была лучше исполненія баркароллы или тарантеллы, но она иначе отзовется въ рускомъ ухѣ, глубже потрясетъ русское сердце... Только въ живомъ общеніи народа могутъ проявиться его любимыя идеалы и выразиться въ образахъ и формахъ, имъ соотвѣтственныхъ. *Чтобы оживилась наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны слиться съ жизнью Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго»...*

Петръ Струве¹⁾ полагаетъ, «что есть два націонализма съ діаметрально противоположнымъ отношеніемъ къ окружающей ея враждебной или индифферентной средѣ. Одинъ націонализмъ свободный, творческій и потому открытый и въ подлинномъ и лучшемъ смыслѣ завоевательный. Другой націонализмъ скованный, насильный и потому вынужденный бояться другихъ и обособляться отъ нихъ. Это націонализмъ закрытый, или замкнутый, или оборонительный». Носителями перваго являются англо-саксы,—носителями второго евреи. «Какой націонализмъ долженъ провести русской народъ и русское государство? На-

1) Петръ Струве. Patriotica, 1911.

ціонализмъ новаго англосаксонскаго, или стараго еврейскаго типа? Не можетъ быть сомнѣнія: свободный, открытый, завоевательный націонализмъ есть свидѣтельство силы и здоровья большой націи... Идеаломъ, къ которому должна стремиться въ Россіи русская національность, по моему глубокоуубѣжденію, можетъ быть лишь такая же свободная и органическая гегемонія, какую утвердилъ за собою англосаксонскій элементъ... Но націонализмъ можетъ быть подлинной силой только тамъ, гдѣ онъ опирается на самодѣятельность широкихъ народныхъ массъ. Это вѣрно по отношенію къ угнетеннымъ національностямъ, и еще болѣе вѣрно по отношенію къ такой національности, которая, какъ русская, создала самое государство и играетъ въ немъ первенствующую роль... Великому народу, создавшему могущественное государство, не только нравственно приличествуетъ, но и интересамъ его здоровья отвѣчаетъ лишь открытый, мужественный, завоевательный націонализмъ, провозглашающій и осуществляющій свободное состояніе національности»...

Что такое націонализмъ? *Націонализмъ—это проявленіе уваженія, любви и преданности, преданности до самопожертвованія въ настоящемъ,—почтенія и преклоненія передъ прошлымъ и желаніе благоденствія, славы и успѣха въ будущемъ той націи, тому народу, къ которому данный человекъ принадлежитъ. Каждый членъ націи есть часть цѣлаго, и какъ нація не можетъ*

и не должна оставлять своего члена беззащитнымъ и неоготвеннымъ, какъ внутри, такъ и внѣ мѣста ея обитанія, такъ и часть ея, ея члены, должны быть всегда готовы пожертвовать собою для своей народности.

Часто смѣшиваютъ *націонализмъ* съ *патріотизмомъ*; однако, между ними серьезная разница. Націонализмъ есть безпредѣльная любовь и готовность къ самопожертвованію за свою народность, а патріотизмъ—такая же любовь и готовность къ самопожертвованію за родину, отечество. Націонализмъ скорѣе—понятіе психолого-антропологическое, а патріотизмъ—историческо-географическое. Natio—народъ, patria—отечество, географическая величина, составляющее пространство, занимаемое тѣмъ или другимъ государствомъ съ его прошлымъ.

Государство можетъ быть заселено одною, или нѣсколькими народностями. Есть государства, которыя заселены цѣликомъ одною народностью,—для гражданъ такого государства націонализмъ и патріотизмъ понятія тождественныя. Есть государства, и такихъ большинство, въ коихъ одна нація является державною и нѣсколько или много народностей ей соподчиненныхъ, какъ, напри- мѣръ, Англія, Германія, Австрія и проч., а въ Россіи такихъ соподчиненныхъ націй болѣе 150. Есть государства, населенныя нѣсколькими равноправными націями, какъ Швейцарія. Бываютъ случаи, когда одна нація не имѣетъ одного отече-

ства, а разбросана по различнымъ государствамъ, какъ цыгане, армяне, евреи и проч. Есть, наконецъ, такіе аномалійные случаи, когда въ державномъ государствѣ соподчиненныя націи стремятся поглотить другія, менѣе культурныя націи того же государства въ противность интересовъ господствующей націи, какъ это дѣлаютъ поляки въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, финляндцы съ корелами, лопарями и проч., татары съ мордвою и проч.

Ясно—націонализмъ и патріотизмъ не одно и то же. Скорѣе, патріотизмъ—понятіе болѣе общее, а націонализмъ—понятіе частное. Въ каждомъ государствѣ можетъ быть только одинъ патріотизмъ и нѣсколько націонализмовъ. Однимъ изъ краеугольныхъ внутреннихъ устоевъ, на которыхъ зиждется сила, крѣпнетъ и жизненность государства, одинъ изъ могущественныхъ оплотовъ, охраняющихъ его цѣлость и благосостояніе—это *любовь народа къ своему отечеству, народный патріотизмъ*.

Тѣмъ не менѣе очень часто слова націонализмъ и патріотизмъ употребляются, какъ равнозначныя въ смыслѣ націонализма.

Пока у народа не потеряно и не ослаблено его достоинство, никакія внѣшнія бѣдствія и потрясенія внутреннія не опасны для его государственнаго бытія.

М. Страховъ говоритъ слѣдующее: любить отечество, прежде всего, значитъ любить свою *родную страну*, т. е. ту опредѣленную географиче-

скую *территорию*, гдѣ человекъ впервые открылъ глаза на свѣтъ Божій, гдѣ его вскормили, гдѣ они приобрѣли свои первыя познанія, испытали первыя радости жизни, — словомъ, гдѣ на него дѣйствовали первыя впечатлѣнія, — самыя сильныя и глубокія изъ всѣхъ впечатлѣній. Любить свою родную страну — значитъ любить самую природу этой страны со всѣми ея особенностями, любить тѣ поля, луга, лѣса, рѣки, озера, холмы и горы, которые съ дѣтства окружали человекъ въ его родной странѣ и были первыми его знакомцами. Это будетъ элементъ любви къ отечеству чисто физической. Далѣе, любить отечество, значитъ любить населяющій родную землю *народъ*. Люди, населяющіе извилистую территорию земной поверхности, считаютъ себя обладателями ея и ее считаютъ своей родной землей въ силу того, что она воздѣлана и оставлена намъ въ наслѣдіе прадедами, дѣдами и отцами. Это общее наслѣдованіе земли и совмѣстное пользованіе ею необходимо соединяетъ людей тѣсными узами, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ имъ свой особенный отпечатокъ, съ одной стороны въ силу племенного кровнаго родства ихъ, — съ другой, въ силу одинаковости вѣшнихъ условій ихъ совмѣстной работы. Группа людей, соединенныхъ этими тѣсными узами и получившая свой особенный отпечатокъ въ силу указанныхъ условій, и образуетъ то живое цѣлое, которое и называется націей или народомъ. Быть живымъ членомъ этого цѣлаго — значитъ любить

его особый природный отпечатокъ, особенность его природы, характеръ, — любить продукты его духовнаго творчества, языкъ, произведенія искусства, литературы, — любить его прошлое, т. е. исторію, преданія, — любить его настоящее, т. е. идеалы и стремленія.

«Что такое отечество? спрашиваетъ Хомяковъ ¹⁾. Это та страна и тотъ народъ, создавшій страну, съ которымъ срослась вся моя жизнь, все мое духовное существованіе, вся цѣлость моей человѣческой дѣятельности. Это тотъ народъ, съ которымъ я связанъ вполне жилами сердца и отъ котораго оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло».

Эта любовь къ народу составляетъ тотъ элементъ любви къ человечеству, который называется сознательнымъ или нравственнымъ націонализмомъ.

Такимъ образомъ, патриотизмъ скорѣе — физической элементъ любви къ отечеству, тогда какъ націонализмъ — элементъ нравственный и духовный.

Но и этимъ любовь къ отечеству не исчерпывается. Любить отечество — значитъ любить ту гражданственность, которую выработалъ народъ... Любить отечество — значитъ любить благо отечества, благо родины своей, благо своего народа, благо своего государства, — дорожить этимъ благомъ, охранять его, служить ему, любить самое служеніе, любить свои обязанности, направленные къ охраненію и возвышенію блага своего отечества.

¹⁾ А. Хомяковъ. Сочиненія, т. I, стр. 47.

Все, чѣмъ мы питаемъ свою духовную природу, все, что даетъ красоту и достоинство нашей жизни въ области религіи, науки и искусства, все это выросло на почвѣ образованнаго общежитія, обусловленнаго государственными порядками, говоритъ Вл. Соловьевъ.

«Тѣмъ, что мы представляемъ собою, что есть у насъ, мы во многомъ обязаны прошлому, обязаны своей націи, мы въ долгу у нея и отвергать этотъ долгъ, разрывать съ нею не имѣемъ нравственнаго права. Если есть способности и обязанности у отдѣльныхъ людей, тѣмъ болѣе, тѣмъ серьезнѣе онѣ у цѣлой націи. И народъ не имѣетъ права пренебрегать ими, отречься отъ того, что дано ему, что выработано, развито имъ въ многолѣтней жизни. Своей, національной жизнью онъ внесетъ въ общую міровую борьбу за добро больше, чѣмъ жизнью чужой, обезцвѣченной, интернациональной» (М. Н. Дурново).

Нашъ знаменитый историкъ Карамзинъ говоритъ слѣдующее:

«Патріотизмъ есть любовь къ благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ любитъ *мѣсто* своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ,—она есть дѣло природы и должна быть названа физической. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями. Любовь къ *гражданамъ* или

людямъ, съ которыми росли, воспитывались и живете, есть вторая, *столь же общая*, какъ первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *сильнѣе*, ибо время утверждаетъ привычку».

Извѣстный русскій церковный ораторъ, Харьковскій архіепископъ Амвросій, говоритъ слѣдующее: любви нельзя ни учить, ни учиться. Любовь есть чувство свободное. Такъ и любви къ отечеству никто не учить. Она есть одна изъ самыхъ крѣпкихъ естественныхъ привязанностей человѣка. Можно только содѣйствовать ея расширенію и возвышенію. Это многообнимающее чувство любви къ отечеству состоитъ изъ различныхъ привязанностей, какъ страна, языкъ, вѣра, правъ, и обычай и проч.

Есть мыслители, которые не только не признаютъ, но даже порицаютъ узкій эгоистическій націонализмъ и проповѣдуютъ всечеловѣчество, интернационализмъ и космополитизмъ, то подъ фирмою христіанства, то подъ фирмою социализма. Къ этой группѣ антинационалистовъ принадлежитъ и нашъ мыслитель настоящаго времени, Вл. Соловьевъ. Но и онъ долженъ былъ сдѣлать уступку въ силу неизбѣжной необходимости. «Каждая нація—живой органъ единаго тѣла—человѣчества—выполняетъ особенную свою функцію во всемирной исторіи,—каждая нація имѣетъ своего рода миссію. Национальное чувство и патріотизмъ, старающіеся сохранить и развить народную самостоя-

тельность и въ жизни и въ мысли, имѣють оправданіе съ точки зрѣнія всечеловѣческой. Ибо если народность есть органъ всечеловѣческаго организма, то что же это будетъ за организмъ, состоящій изъ безжизненныхъ и безсильныхъ органовъ, — что же это будетъ за человечество, состоящее изъ безсильныхъ и безформенныхъ народностей. Принадлежа къ извѣстному народу, мы волеяневолей причастны народной самобытности, народному характеру и типу, мы неизбѣжно налагаемъ свой національный отпечатокъ на все, что мы дѣлаемъ — «хорошее и дурное».

Итакъ, націонализмъ есть проявленіе бессознательное, инстинктивное и природженное и проявленіе сознательное, логическій выводъ изъ національнаго бытія, — т.-е. національное чувство и національное сознаніе. Значить націонализмъ есть слагаемое изъ національнаго чувства и національнаго сознанія.

Всякое государство живое и дѣйствующее должно быть исполнено націонализма. Это его душа. Это его сущность. Это его бытіе. Космополитическое государство аморфная, безформенная масса. То же и съ человѣкомъ. Что такое *человѣкъ* безъ *націи*? Быть можетъ это идеаль. Но идеаль въ реальной жизни нѣчто отвлеченное, безсильное и обреченъ на гибель. Человѣкъ безъ націи, — то же, что дерево безъ рода. Дерево — ни груша, ни слива, ни яблоня въ природѣ не нужно. Требуется или то, или другое, или третье. Чело-

вѣкъ-идеаль — человѣкъ будущаго. Космополитъ не живой человѣкъ, а, какъ мѣтко сказалъ Карамзинъ, «существо метафизическое». Тургеневъ устами Лежева еще рѣзче выразился по этому поводу: «Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея обойтись не можетъ. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится. Космополитъ — это нуль; хуже нуля; въ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ! безъ фізіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ фізіономіи». Онъ чуждъ всему и ему чуждо все. Это есть мнѣ, это — схоластика. Теперь можетъ быть или нѣмецъ, или французъ, или японецъ, или русскій, — а человѣкъ исчезнетъ съ лица земли, какъ исчезли мамонты, ихтиозавры и проч.

Великія націи потому и сильны, что они національны. Они составились не только изъ своего племени, но и изъ поглощенныхъ ими народовъ. Потому эти великія націи, будучи глубоко национальными, въ то же время могутъ и должны быть и державными и господствующими. Если же соподчиненныя имъ націи не будутъ ими придерживаемы, то самая сила и мощь державной націи будетъ подорвана, ибо каждая изъ этихъ націй будетъ стремиться стать равносильною и политически равноправною и тѣмъ самымъ ослабить мощь и державу господствующей націи.

Въ этомъ отношеніи поучительны слова Руз-

вельта: «Мы должны сдѣлать изъ нихъ (ино-
странцевъ-переселенцевъ) американцевъ во всѣхъ
отношеніяхъ: по языку, политическимъ взгля-
дамъ и принципамъ, по пониманію и отноше-
нію къ церкви и государству. Мы привѣтствуемъ
нѣмца, ирландца, стремящихся стать американца-
ми, но намъ не нужно чужеземцевъ, не желаю-
щихъ отказаться отъ своей національности. Намъ
не нужны нѣмцы-американцы, ирландо-американ-
цы, образующіе особый слой въ нашей обществен-
ной и политической жизни. Мы никого не можемъ
признавать, кромѣ американцевъ...» И это говорить
соціально-демократъ... А чѣмъ же мы хуже амери-
канцевъ...

Но имѣя за собою всѣ права превосходства и
физическаго и культурнаго, державная нація дол-
жна всѣ силы своего превосходства употреблять
на то, чтобы и соподчиненныя ей націи разви-
вались и физически, и матеріально, и нравственно,
и умственно. Въ томъ и заключается ея собствен-
ная сила и собственная мощь, чтобы соподчиненныя
націи поднять до себя и дать возможность имъ испо-
льзовать всѣ блага своей культуры. Но, взамѣцъ это-
го, она имѣетъ полное право требовать, чтобы сопод-
чиненныя ей народности развивались и совершен-
ствовались въ единеніи съ цѣлями, намѣреніями и
стремленіями съ нею, господствующею націей, ибо
благо господствующей націи заключается въ благѣ
соподчиненныхъ націй, и благо соподчиненныхъ
націй—въ благѣ господствующей націи.

Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о
государствѣ и государственности.

Проф. Градовскій ¹⁾ говоритъ слѣдующее:
«Каждая страна, входящая въ составъ государ-
ства, необходимо должна слиться съ нимъ въ
одно цѣлое, вступить съ нимъ въ органическое
соединеніе, сдѣлаться неразрывною частью одного
цѣлаго. Пока существуютъ въ государствѣ пле-
менные отгѣнки, мнѣнія различныя, настолько
сильныя, что они могутъ внести рознь въ обще-
государственную жизнь, развитіе его нельзя счи-
тать оконченнымъ. Оно не достигло кореннаго
условія своего существованія: національнаго един-
ства и чѣмъ больше мы видимъ въ данномъ го-
сударствѣ мѣстностей и племенъ, состоящихъ на
особомъ положеніи, тѣмъ дальше это государство
отъ полнаго развитія своихъ національныхъ на-
чалъ, тѣмъ больше препятствій и трудовъ пред-
стоитъ ему преодолѣть».

«Но государство не стираетъ всѣхъ мѣстныхъ
особенностей, и, въ виду этихъ особенностей, мѣст-
ное населеніе должно быть снабжено извѣстною
суммою правъ, дарованныхъ ему общимъ законо-
дательствомъ, при чемъ мѣстная администрація
должна быть поставлена въ возможность дѣйстви-
вать сообразно съ условіями времени и мѣста и
самодѣятельности общества. Однако, введеніе въ
эти мѣстности настоящаго самоуправленія дало бы

¹⁾ Проф. Градовскій. Сочиненія, т. III.

легальную жизнь не только сроднымъ намъ общественнымъ элементомъ, но и враждебнымъ для насъ началомъ. Поставленный другъ подлѣ друга, начала эти вступили бы въ борьбу, и, принимая низкій уровень образованія и слабое экономическое положеніе дружелюбной для Россіи части общества, *обезпечили бы преобладаніе враждебныхъ ей стремленій.* Въ этихъ случаяхъ самоуправленіе въ указанныхъ областяхъ означало бы освященіе сепаративныхъ, антигосударственныхъ, антинаціональныхъ и даже противообщественныхъ стремленій, которыя привели бы къ подавленію здоровыхъ общественныхъ силъ и торжеству враждебной для насъ политики. Попечительство правительства въ такихъ мѣстностяхъ *естественно должно быть направлено къ поддержанію русскихъ началъ,* а не къ развитію земскихъ учреждений въ томъ видѣ, какъ они возможны въ другихъ областяхъ нашего отечества».

Петръ Струве ¹⁾ говоритъ слѣдующее: «Интеллигенція страны должна пропитаться тѣмъ духомъ государственности, безъ господства котораго въ образованномъ классѣ не можетъ быть мощнаго и свободнаго государства... *Государственная мощь невозможна внѣ осуществленія національной идеи.* Національная идея современной Россіи есть примиреніе между властью и *проснувшимся къ самосознанію и самодѣятельности народомъ,* ко-

¹⁾ Петръ Струве. Patriotica, 93.

торый становится націей. Государство и нація должны органически слиться».

Тотъ же Струве продолжаетъ: «Всякая крупная нація стремится создать себѣ государственное тѣло. Но идея и жизнь націи всегда шире, богаче и свободнѣе идеи и жизни государства»...

Я позволю себѣ привести здѣсь еще мнѣніе по этому поводу проф. Локтя ¹⁾.

«Національное начало является естественной и могущественной объединительной силой для общественныхъ группъ не только независимо, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ и вопреки соціально-экономическихъ ихъ интересамъ. Вотъ почему національное единство націи — вѣрнѣйшій запасъ внутренней ея сплоченности, вѣрнѣйшій запасъ болѣе равнаго, эволюціоннаго ея политическаго развитія. Разноплеменность націи усложняетъ процессъ ея объединенія, ея государственнаго развитія, такъ какъ нѣтъ и никогда не можетъ быть національныхъ группъ абсолютно равносильныхъ, а безспорная наличность національнаго объединенія этихъ группъ неизбѣжно толкаетъ ихъ на общественную борьбу съ другими національными группами... Ясное національное самосознаніе облегчить общественную борьбу группы за ея интересы и будетъ способствовать росту ея общественной силы. Особенно необходимо это національное самосознаніе для мелко и среднемущихъ массъ бур-

¹⁾ Т. В. Локоть. Оправданіе націонализма, 1910, 51.

жуавии, которая мы съ полнымъ правомъ можемъ называть мелкой и средней имущественной демократіей.

Тутъ взрывъ націонализма, который мы въ настоящій моментъ наблюдаемъ въ политическомъ сознаніи русскихъ народныхъ массъ, который мы, конечно, не можемъ считать какимъ либо искусственнымъ политическимъ продуктомъ, такъ какъ онъ органически вытекаетъ изъ необходимости политическаго самосознанія и самоопредѣленія общественныхъ группъ, уже призываемыхъ къ планомѣрной и законмѣрной политической жизни, — этотъ взрывъ націонализма Россіи какъ нельзя болѣе убѣдительно говоритъ о его необходимости. Народныя массы, народныя демократическія группы въ концѣ концовъ подчинять себѣ интеллигентныя группы и общественно-политическое мировоззрѣніе интеллигенціи неизбѣжно должно будетъ включить элементъ націонализма.

Само государство, сама *исполнительная государственная машина* неизбѣжно должна будетъ, въ извѣстные моменты и при извѣстныхъ условіяхъ, *становиться національной* не только въ смыслѣ отраженія націи, какъ сборнаго и въ національномъ отношеніи цѣлаго, но даже и въ смыслѣ отраженія одной опредѣленной національности, интересы которой въ данный моментъ получаютъ доминирующее положеніе и отраженіе въ равнодѣйствующей.

Вотъ почему въ данный моментъ вполне за-

коннымъ для русской государственной власти является лозунгъ: *государственная власть должна быть національной русской*... Русская національная группа не только въ правѣ, но и обязана предъявить своему правительству, своей государственной власти требованіе быть національнымъ, т. е. оберегать политическіе интересы коренной національности, пока коренная національность не сплотится политически настолько, чтобы собственными групповыми силами оберегать свои политическіе интересы отъ излишне неуступчивыхъ притязаній другихъ національныхъ группъ...

Однако, не пренебрегая помощью государственной власти, коренныя національныя группы должны и сами по себѣ энергично развивать и *ускорять политическое самосознаніе и объединеніе*. Должны это думать не только крупноимущіе верхи національныхъ группъ, но и ихъ демократическія массы».

«Русская нація, говоритъ тотъ же авторъ, — какъ субъектъ, представитель и обладатель русскаго государства, конечно, включаетъ въ себя всѣ тѣ національности, которыя объединены подъ общимъ скипетромъ Русской верховной власти; всѣ они имѣютъ право на обладаніе той долей правъ и преимуществъ, связанныхъ съ государствомъ, какая соответствуетъ долѣ историческаго и фактическаго участія каждой изъ нихъ въ созданіи государства... Солидарность и единство государственныхъ по неволѣ до нѣкоторой степени имѣютъ

даже принудительный характер, такъ какъ эта солидарность, это единство подразумѣваютъ соглашеніе, координацію интересовъ и претензій весьма разнородныхъ группъ, входящихъ въ государство».

Эти требованія и права партій устанавливаются закономъ. «Вполнѣ естественно, что законъ не можетъ совершать и одинаковымъ образомъ удовлетворять интересы и претензіи всѣхъ группъ, объединяемыхъ государствомъ. Идеальнымъ требованіемъ отъ закона является требованіе *защиты болѣе слабыхъ группъ*... Требованіе «полнаго равенства», «полнаго равноправія», выставляемы съ такимъ quasi-демократическимъ энтузіазмомъ космополитическимъ теченіемъ, представляетъ и абсурдъ съ точки зрѣнія реального соотношенія силъ, и злостное предательство интересовъ слабѣйшихъ общественныхъ группъ, какъ *соціально-экономическихъ*, такъ и *національныхъ*: дать сильнымъ группамъ права, равныя съ правами слабыхъ группъ, значитъ предать эти группы на общественное рабство ихъ сильныхъ соперниковъ по жизненной борьбѣ... Законъ и государство не только не можетъ этого сдѣлать, оно не должно этого дѣлать, въ интересахъ той общественной справедливости, которая одна только гарантируетъ прочность государства»... Такими сильными и соорганизованными партіями проф. Локотъ считаетъ еврейскую, польскую и нѣмецкую и др. партіи, — и вполнѣ слабыми, только нарождающимися — русскія партіи.

Истинные демократы... никоимъ образомъ не

могутъ идти на приманку *абсолютнаго равенства*, выгоднаго въ данный моментъ для болѣе сильныхъ группъ, но весьма невыгоднаго для слабыхъ группъ. Если еврейская, польская, нѣмецкая и т. п. національныя группы въ данный моментъ являются болѣе сильными, чѣмъ группы великорусская, малорусская, бѣлорусская и т. п., то для демократической интеллигенціи, принадлежащей къ этимъ національнымъ группамъ, было бы *истиннымъ предательствомъ* интересовъ народныхъ массъ этихъ группъ включать въ программу своего общественного міровоззрѣнія *принципы абсолютнаго равенства* всѣхъ національныхъ группъ — еврейской, польской и т. п., — настаивать на такомъ равенствѣ было бы проявленіемъ непокрытаго безудержнаго національнаго эгоизма, клонящагося только къ полному пораженію болѣе слабыхъ группъ, т. е. къ полному нарушенію принциповъ истиннаго демократизма и той общественной справедливости, внѣ которой прочное существованіе и нормальное развитіе государства немислимо... Группы, въ лицѣ своихъ сознательныхъ общественно-политическихъ представителей, договариваются съ сознаніемъ взаимныхъ силъ и достоинства о своихъ общественно-политическихъ правахъ, выражаемыхъ и закрѣпляемыхъ въ законодательствѣ. Это не въ коемъ случаѣ не «національная вражда», не «взаимное національное истребленіе», не «человѣконенавистничество», а только здоровое начало групповой общественной борьбы... Жизненно

равные станут действительно равными. *Равноправіе* будетъ тогда отраженіемъ *равносілія*, а равносіліе будетъ гарантировать истинное, реальное *равенство*... Если объективныя данныя говорятъ намъ о томъ, что напр., еврейство, какъ національная группа, является въ тоже время болѣе сильной экономической группой, а мы подъ флагомъ «равенства» и «равноправія», будемъ настаивать на предоставленной еврейской группѣ еще большей возможности усиливать свое экономическое господство надъ другими, болѣе слабыми, группами, то это не будетъ ни демократично, ни прогрессивно, ни гуманно, а будетъ только въ явный ущербъ болѣе слабымъ группамъ... Конечно для еврейской группы «равенство» и «равноправіе» евреевъ, защищаемое интеллигенціей, будетъ выгодно, но каково оно будетъ для великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ?..

По вопросамъ государственности и націи недурно иногда обращаться къ прошлому. Еще въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича явился въ Россію сербъ Юрій Крижаничъ, великій патріотъ-славянинъ и, проживъ неволью въ ней очень долгое время, оставилъ по себѣ ученые труды, достойные полного вниманія. Вотъ что онъ между прочимъ говоритъ о государствѣ и націи:

! Государство должно быть строго національно, — оно должно стремиться къ удовлетворенію нуждъ своего народа, — направленіе всей политики должно соответствовать взглядамъ и миросозерца-

нію народа, — по отношенію же къ иностранцамъ и инородцамъ государственное управленіе должно руководиться принципами недовѣрія. «Знай самъ себе и не вѣруй инородникамъ» вотъ два краеугольныхъ камня внутренней политики. «Нѣсть кралю славы въ томъ, аще многи инородцы будутъ у него объѣдены и шіяны. Тѣ бо хлѣбгубцы ѣдучъ и піючъ пасмѣиваются токовому поступку, а ины поготову и болѣ. Но слава кралю аще домашни подданики будутъ богаты и честны». Нѣтъ ничего гибельнѣе для народа и государства, говоритъ онъ, какъ оставлять въ пренебреженіи свои древніе простые и добрые нравы и перенимать чужіе нравы, законы и языкъ и стараться преобразити себя въ другой народъ. Всякій народъ, который отстаетъ отъ своихъ нравовъ и законовъ, тѣмъ самымъ утрачиваетъ свое благоденствіе (В. Э. Вальденбергъ ¹⁾).

Въ Германіи издана въ милліонахъ экземпляровъ интересная брошюра, содержащая, между прочимъ, десять заповѣдей германскаго націонализма и патріотизма. Заповѣди эти гласятъ:

1) Производя расходъ, хотя бы и самый малый, надлежитъ считаться съ интересами отечества и согражданъ.

2) Не слѣдуетъ забывать, что, приобрѣтая какой-либо иностранный товаръ, хотя бы цѣной въ

¹⁾ В. Э. Вальденбергъ. Государственныя идеи Крижанича 1912, стр. 126.

одинъ грошъ, ты уменьшаешь на этотъ грошъ состояніе твоего отечества.

3) Твои деньги должны давать выгоды и барышъ только нѣмецкимъ торговцамъ и рабочимъ.

4) Не оскорбляй германской земли, германскаго дома и германской мастерской, пользуясь привезенными изъ заграницы машинами и орудіями.

5) Не допускай того, чтобы на твоёмъ обѣденномъ столѣ появлялось заграничное мясо, сало и т. д., ибо это будетъ вредить германской скотопромышленности и отечественному скотоводству.

6) Пиши всегда на нѣмецкой бумагѣ, нѣмецкой ручкой, обмакивая ее въ нѣмецкія чернила и пользуясь нѣмецкой промокательной бумагой.

7) Носи одежду исключительно изъ нѣмецкихъ матерій и нѣмецкаго производства головные уборы.

8) Пойти впрокъ нѣмцу могутъ лишь нѣмецкая мука, нѣмецкіе плоды, нѣмецкое пиво и т. д.

9) Если ты не любишь нѣмецкаго кофе, то пей кофе, привезенное изъ германскихъ колоній. Дѣтямъ и женѣ прикажи пить нѣмецкое колониальное какао и шоколадъ.

10) Не соблазняйся никогда никакими иностранными товарами и знай твердо, что только Германія производитъ все, что нужно для нѣмецкаго гражданина.

Слова «Германія» и «нѣмецъ» должно замѣнить словами «Россія» и «русскій».

III.

Сепаративный націонализмъ.

Пользованіе благами культуры во всѣхъ государствахъ распредѣлено между различными слоями населенія далеко не одинаково. Обычно, классы болѣе образованные, болѣе развитые пользуются и большимъ участіемъ въ культурномъ существованіи. То же должно сказать и по отношенію къ соподчиненнымъ націямъ.

Но главная задача честныхъ членовъ правящихъ классовъ поставить дѣло такъ, чтобы и нищій, бѣдный, трудящійся классъ государства пользовался возможно полнѣе всѣми благами культуры. Для этого всякое культурное государство стремится устроить наудобнѣйшіе и дешевые пути сообщенія, надѣлать достаточнымъ количествомъ земли, дать работу, обезпечивающую благополучіе работника и семьи, дать образованіе, поднимающее духовную личность чловѣка и его матеріальное благосостояніе, поставить его полноправнымъ гражданиномъ государства и т. д. Конечный идеалъ каждаго культурнаго государства — сравнять всѣхъ гражданъ въ образованіи, благосостояніи и правахъ.

Разумѣется, такое стремленіе дается очень трудно и много тому на пути встрѣчается препятствій, а главное само природное индивидуальное отличіе: овому убо дадеса пять талантовъ, овому два, а иные являются и вовсе безталанными. Если мы къ этому добавимъ вырожденіе, прирожденную преступность, социальную преступность и проч., то увидимъ, что Царство Божіе, царство равенства, братства и любви трудно достижимо.

Тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ, что улучшение благосостоянія работающаго класса населенія въ нашемъ отечествѣ значительно подымается, и если бы не было побочных весьма тяжелыхъ осложнений и затрудненій, то удовлетворенность была бы довольно полною.

Таково положеніе націонализма и его проявленій въ современныхъ культурныхъ государствахъ, гдѣ культура къ рабочему классу идетъ сверху внизъ.

Но въ недавнее время во многихъ государствахъ намѣчается и другое направленіе—стремленіе рабочаго люда завоевать себѣ культурныя блага путемъ насилія, путемъ захватнаго права и опять таки въ связи съ вопросомъ о націонализациі. Я имѣю въ виду социаль-демократическое направленіе.

Обращаю особенное вниманіе на эту сторону дѣла. Безусловно, каждый мыслящій человекъ для того, чтобы умѣть бороться съ надвигающеюся опасностью, долженъ быть обстоятельно

съ нею знакомъ. Вотъ почему я особенно подробно остановился на націонализациі и націонализмѣ съ точки зрѣнія современной социаль-демократіи.

Еще до настоящаго времени социаль-демократы не только отрицали всякій націонализмъ, но прямо смотрѣли на него, какъ на нѣчто вредное и преступное, составляющее основное отличіе правящихъ и буржуазныхъ классовъ.

Въ громко называемомъ «коммунальномъ манифестѣ» 1847 г. основными проводились «идеи солидарности и общности интересовъ пролетаріата, какъ единого класса, объединяющаго экономически однородные элементы всѣхъ странъ, всѣхъ національностей всего міра» (Ратнеръ). Его заключительныя слова «пролетаріи всѣхъ странъ объединяйтесь» являлись не случайною мыслью, а лозунгомъ, неразрывно связаннымъ съ самымъ содержаніемъ манифеста и объединяющимъ его теоретическую сущность и всѣ его практическіе *raison d'être*. Въ этомъ манифестѣ говорилось: «Рабочіе не имѣютъ отечества... Национальная обособленность и антагонизмъ все болѣе и болѣе исчезаютъ уже съ развитіемъ буржуазіи, съ свободой торговли, съ мировымъ рынкомъ, съ однообразіемъ промышленнаго производства и соответствующихъ ему жизненныхъ отношеній. Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе». Отечество пролетарія—весь міръ»... Социаль-демократическіе съезды въ 1891 г. въ Эрфуртѣ, въ 1892 въ Генуѣ, въ 1893 г. въ Брюсселѣ, даже въ 1904 г. въ Нью-

рихъ ни словомъ не говорятъ о возможности проявленія націонализма въ социаль-демократической средѣ. Напротивъ, интернаціонализмъ и космополитизмъ еще болѣе теоретически закрѣпляются и кодифицируются. Каутскій, напримѣръ, говоритъ: «Современный пролетарій отрывается отъ отечества гораздо полнѣе, чѣмъ странствующій подмастерье, или купецъ».

Но, вопреки всякимъ теоріямъ, жизнь свое беретъ. Взялъ свое и націонализмъ. Прежде всего социаль-демократы Берлинскаго парламента, при возникновеніи вопроса о возможности возникновенія войны между Франціей и Германіей, преспкойно заявили, что, будучи по убѣжденіямъ социальными космополитами, они, въ защиту отечества, на дѣлѣ останутся вѣрными и достойными сынами Германіи. Еще рѣзче выступила схватка между социаль-демократами поляками и нѣмцами и чехами и нѣмцами въ Австріи. Тутъ уже нельзя было скрыть явнаго обостренія сепаратнаго націонализма и явнаго національнаго автономизма даже въ одномъ и томъ же государствѣ.

Въ самой догматической литературѣ начинается постепенный отбой. Такъ Каутскій раньше писалъ: «национальныя стремленія, какъ ни выгодны они, становятся все болѣе и болѣе бесполезными, а иногда даже вредными»... А позже вотъ что: «социаль-демократическая партія должна быть въ такой же мѣрѣ національной, какъ и демократической» и что національная автономія можетъ и

должна стать лозунгомъ интернаціональной социаль-демократіи. Зомбартъ также запѣлъ на эту тему: «Социальное движеніе въ различныхъ странахъ съ капиталистической культурой получаетъ различную окраску соотвѣтственно національнымъ различіямъ его носителей, вслѣдствіе чего можно, напримѣръ, отмѣтить особые «национальные типы» социальнаго движенія — англійскій, нѣмецкій, французскій... Космополитизмъ интеллигентныхъ одинокекъ, проникнутыхъ ассимилирующей идеологіей, всегда смѣняется глубоко и органически национальными формами жизни, какъ только на авансцену политической борьбы выступаютъ во всей своей стихійной цѣлостности народныя массы, чуждыя абстрактной культурности, но связанныя тысячу живыхъ нитей со всей совокупностью специфической социальной среды своего времени, своего мѣста, своей родины, своего народа».

Рѣзко проявилось сепаратистическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ интернаціональное и космополитическое движеніе социальнаго націонализма въ 1897 г. на Брюннскомъ съѣздѣ социаль-демократовъ. Здѣсь защитниками стараго космополитизма выступили Nemetz, Libermann и др., а проповѣдниками новаго — Pernerstorfer, Adler, Даншевскій и др. Натискъ новаго ученія былъ слишкомъ великъ. За нимъ стояла сила новизны его. За нимъ стояла мысль о сохранности въ неприкосновенности автономности каждой, самой мелкой націи, въ ея психологическомъ видѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на-

личность культурнаго національнаго интернаціоналізма и культурнаго космополитизма. Новое ученіе сразу одержало побѣду. Появилось множество брошюръ и монографій и даже нашъ пролетаріатъ засыпанъ красной макулатурой того же содержанія...

До второй половины XIX вѣка борьба велась между государствами. Но такая борьба часто ставила въ опасное положеніе многія націи. Многимъ изъ нихъ приходилось истреблять другъ друга въ угоду государству. Такъ, въ войнѣ мелкихъ государствъ Италіи, въ угоду государямъ, итальянцамъ, братьямъ по племени, приходилось истреблять другъ друга. Еще рѣзче то проявилось въ войнѣ Германіи и Австріи. Здѣсь дѣти культурнаго племени, нѣмцы, должны были рѣзать другъ друга въ угоду домовъ Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ... Чувствовалась нелѣпность племенная, нелѣпность крови... Естественно возникало тяготивіе дѣтей разрозненнаго племени къ единенію,—тѣмъ болѣе, что въ немъ чувствовалась сила единства и сила цѣлокупности племени. И это единеніе стало совершаться. Объединились Греція, Италія, Германія, Японія.. Теперь идетъ борьба не за интересы царствующихъ домовъ, а за цѣлость, нераздѣльность и мощь націи. Не государство идетъ противъ государства, а нація противъ націи. Существованіе Австріи, какъ нѣмецкаго государства, исчисляется днями. Не за горами стоятъ день соединенія австрійскихъ нѣм-

цевъ съ германскими. Дѣло замедляется тѣмъ, что при этомъ тевтонскомъ объединеніи они хотятъ побольше проглотить славянъ. А, какъ на бѣду, славяне стали тоже національно просыпаться и не только не хотятъ объявить соуса, подъ которымъ они готовы быть скушаны нѣмцами, но даже рассчитываютъ вернуть кое-что и изъ того, что уже проглочено и еще не переварено нѣмцами.

Такимъ образомъ въ настоящей моментъ настааетъ борьба не государствъ, а цѣлыхъ народностей другъ съ другомъ за право существованія, за право наилучшаго бытія. Такая борьба является слишкомъ успѣшною и слишкомъ симпатичною, ибо люди идутъ умирать не за благо повелителей, а за благо родной крови. Такова была русская война изъ-за сербовъ, такова была война изъ-за болгаръ. Успѣхъ такой войны лежалъ самъ въ себѣ, въ существѣ, въ крови борющихся.

И вотъ этотъ видимый, этотъ природный успѣхъ захотѣли использовать социаль-демократы въ пользу своего партійнаго ученія.

На первый разъ національный сепаратизмъ совершенно противоположенъ общему національному космополитизму. Но это только на первый взглядъ,—съ различныхъ точекъ зрѣнія. Исходя съ антропологической и территоріальной точки зрѣнія, социаль-демократы объявили самый крайній, самый узкій націонализмъ. Каждая «даже малѣйшая національность должна быть во всякое время обезпечена въ своемъ свободномъ и самостоятельномъ

существованіи». Для поддержанія этой національной политической автономности разысканы были даже прежнія обмолвки. Такъ, въ датахъ международной ассоціаціи рабочихъ 1869 г. говорится: «право даже самоналѣйшей національности на свободное, самостоятельное развитіе, требованіе, чтобы каждый членъ великой семьи человѣчества былъ облеченъ честью и достоинствомъ, значеніемъ и величіемъ, и чтобы онъ прежде всего стремился рѣшить свою національную задачу дома, поистинѣ братское отношеніе ко всѣмъ національнымъ движеніямъ, добившимся полной свободы, поистинѣ любовное отношеніе къ малоцѣннымъ языкамъ, рвущимся подняться на болѣе высокую культурную степень,—вотъ основная черта соціального націонализма».

Въ силу новаго ученія, каждой національности должна быть предоставлена возможность свободно развити всѣ ея духовныя силы и способности, чтобы наполнить эти ея національныя формы творчества общечеловѣческаго содержания.

Особенно полно это ученіе вылило въ работѣ Вауег'а. Первѣе всего Вауегъ налегаетъ на то положеніе, что нація представляетъ собою не одну только естественную общность, но и культурную общность. Съ этой точки зрѣнія каждая нація можетъ развиваться въ своемъ собственномъ направленіи, въ естественномъ отношеніи и отдѣльно—въ культурномъ, заимствуя культуру извнѣ и перенося ее на свою естественную почву.

По ученію соціаль-демократіи, до настоящаго времени дѣло постановлено такъ, что работа однихъ создаетъ культурныя блага другихъ. Такая эксплоатація состоятельными классами трудовиковъ мѣшаетъ послѣднимъ вступить въ культурное общество и пользоваться благами культуры, плодами своихъ рукъ. Съ этой точки зрѣнія для состоятельныхъ классовъ совершенно безразлично, какой рабочей доставляетъ эти удобства жизни: нѣмецъ или итальянецъ, славянинъ или жидъ и т. д.

Съ другой стороны съ точки зрѣнія производителя совершенно безразлично, будутъ ли работать поляки или французы, итальянцы или болгаре. Национальность тутъ ни при чемъ. Дѣло не мѣшаетъ русскому оставаться русскимъ, а нѣмцу нѣмцемъ. А такъ какъ націонализмъ льститъ самолюбію человѣка и удовлетворяетъ его внутреннему природному чувству, то въ естественномъ своемъ правѣ и пускай будетъ каждый тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Отсюда у соціаль-демократіи вытекаетъ самая узкая, самая крайняя автономность соціализма. Поэтому всякая мелкая народность имѣетъ право на самостоятельное національное существованіе. Теперь главная задача соціаль-демократовъ путемъ *школьнаго воспитанія* создать и укрѣпить національную неприкосновенность и національное чувство каждой мелкой націи. Тутъ соціаль-демократія идетъ къ самому крайнему, самому мелкому сепаратизму. Такая школа, по Фихте, такое образованіе станетъ не собственно-

стью, а личной составной частью воспитанника, — оно таким образом в каждом воспитанникѣ, а это значитъ, в каждом дѣтищѣ націи, будетъ проявлять путемъ передачи національной культуры его истинный національный характеръ.

Создавая такимъ способомъ особыя самыя дробныя націи, Брюнскій съѣздъ социаль-демократіи требуетъ, чтобы «права этихъ національных меньшинствъ обезпечивались особыми законами, которые должны быть выработаны имперскимъ парламентомъ» (у насъ Государственной Думой).

Эти отдѣльныя антропологическія, неприкосновенныя націи, в культурномъ отношеніи, однако, должны подать другъ другу руки, оказывать постоянную поддержку для оказанія помощи, — образовать, такъ сказать, международный союзъ. Съ этой точки антропологическій національный сепаратизмъ, вступаетъ на степень международного культурнаго союза въ томъ же государствѣ. Такъ возникаетъ интернационализмъ одного и того же государства. «Всѣ самоопредѣляющіяся области одной и той же націи образуютъ національно-единный союзъ, который рѣшаетъ свои автономныя дѣла вполне автономно. Мы, социаль-демократы, не признаемъ никакихъ національных привилегій и отвергаемъ требованіе государственнаго языка, — поскольку необходимость въ языкѣ для сношеній существуетъ — предоставляется рѣшить имперскому парламенту».

Такимъ образомъ каждое государство устраи-

вается на союзѣ отдѣльныхъ автономныхъ входящихъ въ него національностей, при чемъ признается антропологическая автономность каждой изъ этихъ національностей и культурная взаимопомощь и взаимодействие. Государство, значитъ, будетъ интернациональнымъ культурнымъ союзомъ антропологически автономныхъ націй. «Социальный принципъ національности является высшимъ синтезомъ національнаго принципа и национальной автономности. Такимъ образомъ, социальный принципъ національности синтезируетъ въ высшее единство всѣ преимущества какъ национальной автономіи, такъ и буржуазнаго національнаго принципа.

Такой интернациональный социализмъ или интернационализмъ легко переходитъ въ національный культурный космополитизмъ, ибо легко международные союзы могутъ входить въ союзъ союзовъ и образовать космополитическое культурное цѣлое, оставляя неприкосновенную національную автономію.

Такимъ образомъ «элементы пролетарнаго интернационализма: культурный космополитизмъ, какъ его основной тонъ, — познаніе солидарности (единства) пролетаріевъ всѣхъ націй, какъ его содержаніе, увеличивающаяся опредѣленность въ борьбѣ противъ имперіализма, благодаря чему національная свобода и самоопредѣленіе становятся требованіемъ рабочихъ всѣхъ націй.

Сущность дѣла заключается въ томъ, чтобы

пользование культурными благами (железные дороги, фабричное производство, произведение печати, познания и проч.) распространено было между всеми классами народонаселения равномерно. «Тогда и трудящиеся и пользующиеся будут одни и те же люди, идентичны». Прежде культурная история нации была историей имущих классов, теперь история нации становится достоянием масс. Прежде чем стать полной, истинной, самоопределяющейся культурной общностью, нация должна стать общностью труда».

«Социально-демократическая рабочая партия стремится к тому, чтобы сделать национальную культуру, плод труда всего народа также достоянием всего народа и таким, единственно возможным, образом сплотить всех членов нации в национальную культурную общность».

Борясь за более вольную заработную плату и более короткий рабочий день, стремясь к развитию школьного дела, к тому, чтобы школа и пролетарским детям открыла доступ к сокровищам их национальной культуры, требуя полную свободу печати, союзов и собраний, рабочий класс борется за условия расширения национальной культурной общности».

Так как врагом народной массы являются имущие классы, и притом непримиримым врагом, то победа рабочими классами будет достигнута только неутомимой борьбой с ними.

«Конечная национальная цель интернациональ-

ной социаль-демократии состоит в объединении всего культурного человечества для общего господства над природою и группировки человечества в автономные национальные общества, пользующиеся своими культурными ценностями и сознательно направляющие развитие своей национальной культуры».

Порядок организации имеет в виду следующую: Сначала образуются местные национальные профессиональные организации. Эти организации образуют союзы местных организаций, — эти федерации образуют собой большой союз, распространяющийся на все государство с «единым организационным строем, единой политикой, общей кассой», при чем местные организации здесь имеют ничтожную компетенцию.

Наряду с политикой существует и социаль-демократическая тактика. Социаль-демократия намечает себе две задачи: 1) будить дремлющую в пролетариате силу, потенциальную, скрытую энергию пролетариата превратить в кинетическую, действующую. Эту задачу она выполняет, пробуждая классовое сознание пролетариата, формулируя глухое недовольство рабочих масс, революционный инстинкт эксплуатируемого народа в ясное понимание классовых противоречий, воспитывая массы в сознательной классовой борьбе. Специально-педагогическая деятельность социаль-демократии закладывает основу могущества пролетариата.

Вторая задача состоитъ въ томъ, чтобы могущественный факторъ, въ который превращается революціонный инстинктъ рабочихъ массъ, благодаря его социальнo-педагогической дѣятельности примѣнить въ борьбѣ общественныхъ силъ. Въ началѣ социальнo-педагогическая и политическая дѣятельность совпадаютъ. Рабочая партія теперь имѣетъ главную задачу — критику классоваго государства и общества. Своей критикой социаль-демократія воспитываетъ пролетарскія массы въ революціонномъ духѣ къ сознательному политическому хотѣнію. Но этой социаль-педагогической дѣятельностью социаль-демократія воспитываетъ также и свою политическую задачу: критику классоваго государства и общества. *Страхъ передъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата заставляетъ господствующіе классы сдѣлать первыя уступки рабочему классу».*

Такое душевное состояніе социаль-демократы предполагаютъ въ состоятельныхъ классахъ даже въ томъ случаѣ, когда социаль-демократовъ меньшинство.

Во второй стадіи капиталистическаго развитія общества рабочей классъ является уже самымъ многочисленнымъ классомъ. Это опасная для буржуа сила. Она еще не можетъ добиться своего преобладанія и господства, но она отстраняетъ тѣ партіи буржуа отъ власти, которыя относятся враждебно. Она поддерживаетъ въ голосованіяхъ

партіи, борющіяся съ нелюбимыми. Эта тактика политическаго революціонизма — возможно цѣлесообразнѣе использовать пріобрѣтенное влияніе пролетаріата. Однако, при такомъ положеніи часть рабочихъ впадаетъ въ политическій индифферентизмъ, а другая въ анархію и антипарламентскій синдикализмъ.

Третья стадія — пролетарное преобладаніе большинства. Буржуазія и господствующій классъ смыкается противъ общей опасности со стороны социаль-демократіи и оканчивается все завоеваніемъ власти рабочими массами.

А что при этомъ происходитъ — про то мы хорошо знаемъ по 1905—1906 годамъ.

Вотъ какъ используютъ социаль-демократы націонализмъ. Они ошибаются только въ одномъ: можно затушить національное самосознаніе, но не національное чувство. Лучшимъ примѣромъ служатъ свалки между чехами и нѣмцами и между русскими и жидами во время погромовъ...

Этимъ можно было бы и закончить отношеніе социализма къ націонализму. Но есть еще одна маленькая, не лишняя интереса и инкантиности страничка. Это именно *отношеніе социаль-демократіи къ евреямъ.*

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ революціонномъ и социаль демократическомъ движеніи евреи играли, играютъ и будутъ играть очень видную, если не главную роль. Весьма естественно ожидать, что социаль-демократы должны

отнестись съ великимъ почтеніемъ и великою предупредительностью какъ къ евреямъ вообще, такъ въ частности къ еврейской націи. Пожалуй, къ евреямъ—оно такъ есть и на дѣлѣ. Но что касается еврейской націи, то тутъ оказалась заминка и заминка весьма серьезная и небезинтересная. Во время вспышки національнаго использования социаль демократы отнеслись къ еврейской націи весьма непочтительно.

Во время этого национально-социаль-демократическаго расцвѣта галицкіе евреи въ 1905 г. объявили, что они тоже нація и явочнымъ порядкомъ составили свою самостоятельную национальную группу. Доводы евреевъ состояли въ томъ, что они тоже нація. А такъ какъ всѣ націи Австріи требуютъ автономіи, то и евреи должны пользоваться тѣми же правами. Но нѣмцамъ и другимъ национальностямъ это не понравилось, и они представили свои соображенія. Прежде всего евреи не нація. Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ націи—это территория. Национальная автономія должна быть поставлена на самоуправленіи замкнутыхъ национальныхъ областей. Собственно говоря, помимо территории у евреевъ нѣтъ нѣсколькихъ и другихъ основныхъ чертъ націи: нѣтъ языка, а какой-го жаргонъ, нѣтъ цѣльности антропологическаго типа, самая религія такова, что болѣе сознательные изъ евреевъ сохраняютъ ее только для сохраненія націи.

Но если даже оставить въ сторонѣ и такой

важный недостатокъ, какъ территория, то и при всемъ остальномъ такой серьезный авторитетъ австрійской демократіи, какъ Вауер, затрудняется признать за евреями націю. И здѣсь я вынужденъ остановиться подольше на цитатахъ.

Было время, когда евреи были дѣйствительно нація. Таковою ихъ дѣлала не только общность крови, но и общность культуры. Они долго сохраняли свою национальность, даже живя среди другихъ народовъ. Но съ развитіемъ капиталистическаго способа производства въ обществѣ, измѣнилось положеніе евреевъ въ обществѣ. Часть изъ нихъ попадаетъ въ классъ промышленный, буржуазію, благодаря торговлѣ и ростовщичеству. Новая культура еврейской буржуазіи отдѣляетъ образъ мысли и жизни этихъ евреевъ отъ тѣхъ евреевъ, которые продолжали жить старыми традиціями. Они вступаютъ въ христіанскую буржуазію и принимаютъ идеологію новую. Эта буржуазія приспосабливается къ народамъ, среди которыхъ живетъ и постепенно ассимилируется ими. Мало-по-малу тѣмъ же духомъ охватываются и другіе классы еврейскаго народа: интеллигенція и мелкая буржуазія. Денежное хозяйство захватило въ свой круговоротъ все общество, сами христіане стали евреями. Еврейскіи городской торговецъ является торговцемъ въ обществѣ, покоящемся на денежномъ хозяйствѣ. Онъ боится конкуренціи своихъ христіанскихъ коллегъ. Онъ долженъ приспособляться къ потребностямъ своихъ покупателей, удовлетво-

рять ихъ вкусы и не бросаться въ глаза чуждыми имъ особенностями.

И вотъ онъ снимаетъ традиціонную одежду, оставляетъ традиціонный языкъ и традиціонные нравы и все больше приближается къ окружающій его средѣ. Если еврей прежде являлся одинъ носителемъ денежнаго хозяйства, то теперь денежное хозяйство захватило все общество. Еврей приспособляетъ свою культуру къ культурѣ европейскихъ націй.

Еврей приспособляется къ всеобщей сущности буржуазнаго общества, «такъ какъ реальная сущность самого еврея получила всеобщее осуществленіе въ самомъ этомъ буржуазномъ обществѣ», говоритъ Магх. Фактическое приспособленіе ихъ повлекло за собою ихъ правовую эмансипацію, уравняло ихъ правами съ христіанами, или, какъ говоритъ Магх, еврей эмансипировался постольку, поскольку христіане стали евреями. Это уравненіе ихъ въ правахъ, въ свою очередь, ускорило ихъ фактическое приспособленіе. Процессъ ассимиляціи евреевъ идетъ ускореннымъ темпомъ съ тѣхъ поръ, какъ еврей принимаетъ участіе въ общественной и политической жизни націй,—съ тѣхъ поръ, какъ еврей-дѣтя посѣщаетъ публичную народную школу, а взрослый еврей отбываетъ въ арміи воинскую повинность.

Съ измѣненіемъ сельскаго хозяйства, еврей должны были разсыпаться по всей странѣ, перемѣнить свою профессію и заняться различными

формами производства. вмѣстѣ съ этимъ еврей стали ассимилироваться тѣми націями, среди которыхъ они жили. Это дѣлается медленно, но дѣлается. Въ средней Европѣ они забыли свой языкъ, а говорятъ жаргономъ, они бросили свои традиціи, костюмъ и въ нихъ можно узнать евреевъ по мимикѣ и жестуляціи. Они давно отказались отъ своей старой религіи, но не хотятъ оставить своего реформированнаго еврейства, содержаніе котораго бѣдно и мыслями и чувствами. Они не знаютъ даже древней литературы, древнихъ преданій своего народа, но упорно хватаются за жалкіе остатки этого національнаго наслѣдства, за отдѣльные слова и обычаи. Они находятся съ людьми, съ которыми они живутъ,—но браковъ съ инородцами не заключаютъ и отличаются сильно развитымъ сознаниемъ своей національной особи и національной принадлежности». Естественно, что такое обособленное положеніе евреевъ сближаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно ихъ и губитъ. Они сами стыдятся себя, они стыдятся своего имени и называютъ себя именами народа, среди котораго живутъ; но они желаютъ остаться и остаются сами собою. Въ границы русской земли они называютъ себя русскими, видимо находя въ этомъ для себя какой-нибудь интересъ.

Однако ихъ ассимиляція даже среди европейскихъ народовъ не закончена и еще идетъ. Да и сами народы относятся къ еврею, какъ къ чужому и пришлому. «Даже по отношенію къ западной

и средней Европѣ еще *нельзя сказать, что евреи не составляютъ націй*: но можно смѣло утверждать, что они *перестали быть націей*». Особенно сильно ассимилируетъ школа. Такъ, въ Богеміи евреи заявили, что ихъ разговорный языкъ чешскій. Медленно идетъ ихъ ассимиляція въ Галиціи и Буковинѣ,—и только въ Россіи, Польшѣ и Румыніи они ближе къ первобытной націи. Но даже и тутъ, если они составляютъ націю, «то носятъ характеръ неисторической націи. Ихъ языкъ и культура зачали».

Въ послѣднее время и въ Россіи евреи стремятся къ созданію самостоятельной исторической націи. Имъ нужна своя культура и они стремятся создать ее. Возникаютъ еврейскія организаціи, создаютъ еврейскую прессу, начинаютъ переводить на еврейскій жаргонъ литературу европейскихъ націй.

Однако для культурной общности требуется болѣе тѣсное спланиваніе,—евреи же, напротивъ, обладаютъ особенною способностью къ разсѣянію, побуждаемые къ тому больше всего изысканіемъ болѣе цѣнной добычи.

«Евреи стали бы исторической націей, если бы они вообще оставались націей; но капиталистическое общество вообще не даетъ имъ сохраниться, какъ націи». Отказываясь даже отъ территоріи, какъ необходимаго условія наличности націи, Вагер полагаетъ, что общность капиталистическаго строя и производства у христіанъ и евреевъ на одной

территоріи создаетъ между ними такое сближеніе, что сохраненіе еврейства, какъ націи, внутри этого общества невозможно. «Если къ національнымъ меньшинствамъ нѣтъ притока изъ замкнутыхъ областей націи, то она мало по-малу растворяется въ окружающей ихъ національной средѣ». Жизнь выше всякихъ сантиментальностей.

Но для того, чтобы еврей рабочій былъ принятъ въ среду европейскихъ рабочихъ, онъ долженъ превратиться изъ еврейскаго пролетарія въ нѣмецкаго современнаго рабочаго. «Препятствіемъ тому служить не только языкъ еврея, но и самое существо его». Во многихъ предпріятіяхъ *христіанскіе рабочіе и теперь еще не выносятъ своего еврейскаго коллегу*. Эта антипатія объясняется не политическимъ антисемитизмомъ, а наивнымъ инстинктомъ, направленнымъ противъ чужой особи не ассимилированнаго еврея. Евреи должны культурно сравняться съ другими націями. «Пока ихъ тонъ, ихъ манеры, ихъ одежда, ихъ нравы раздражаютъ ихъ христіанскихъ товарищей, мастера, фабриканта», до тѣхъ поръ между ними антагонизмъ. «Представьте себѣ только еврейскихъ дѣтей въ собственныхъ національныхъ школахъ, съ еврейскимъ языкомъ преподаванія? Какой духъ будетъ господствовать въ этихъ школахъ?... Теперь еврейскій народъ имѣетъ другую культуру—культуру неисторической націи, культуру людей, находившихся внѣ круга европейскихъ цивилизованныхъ народовъ, передававшихъ изъ рода

въ родъ цѣлый міръ давно отжившихъ мыслей, желаній, нравовъ... Такимъ путемъ дѣти еврейскихъ рабочихъ были бы искусственно воспитаны въ духъ прошедшихъ временъ... Ихъ, *этихъ будущихъ промышленныхъ рабочихъ, борцовъ рабочаго класса, воспитали бы въ духъ* средне-вѣковыхъ представлений, внушили бы имъ психологию отжившаго экономического строя, сохранили бы въ нихъ жизненные привычки *еврейскаго шинкаря, живущаго среди натуральнаго хозяйственнаго уклада жизни*. Если жѣ отказаться отъ требованія особой еврейской школы, то національная автономія теряетъ для еврейства всякое значеніе»...

Если сколько-нибудь внимательно просмотрѣть эти отношенія австрійскихъ социаль-демократовъ къ евреямъ, то окажется, что очень ужъ непочтительно они смотрятъ на этихъ борцовъ за гешефтную свободу и завязатыхъ революціонеровъ. Понятно, «товарищи» изъ евреевъ страшно обидѣлись. И вотъ одинъ изъ нихъ, нѣкто Житловскій, даетъ отвѣдъ Ваегу.

«Еврей, эти кочевники высшей культуры (?), несомнѣнно представляютъ собою особенную національность... Ни одинъ изъ окружающихъ народовъ не признаетъ евреевъ членами своей націи (Еще бы!).. Кто же они, если они не поляки, не румыны и т. д.? «Люди», отвѣтитъ интеллигентный еврей,—космополитъ. Отвѣтъ, конечно, вѣрный, хотя нѣсколько не точный... Если принять

этотъ отвѣтъ въ серьезъ (да кто же его въ серьезъ приметъ?), то получится, что человѣчество въ настоящее время распадается на многія національности и «людей», т. е. группы лицъ, которыя сами по себѣ не представляютъ никакой національности, но являются, повидимому, только исключительно вслѣдствіе того, что другія національности не похожи на нихъ»... (Ну, можно сдѣлать и иное допущеніе...).

Что касается территоріи, то Житловскій не можетъ не согласиться, что это большой минусъ у евреевъ при ихъ стремленіи образовать свою національность, и евреи уже давно *заботятся о созданіи національнаго центра въ автономной еврейской странѣ*. Но вѣдь одна территорія еще не опредѣляетъ націи. «Вѣдь евреи не переставали жить исторически(?), во все время своего существованія, не переставали вырабатывать своеобразную культуру и выдвигать массу талантовъ и даже геніев(?) въ области своей собственной литературы и науки, какъ бы эта литература ни была различна(?) отъ европейской».

Ваег говоритъ, что культурно болѣе сильная нація путемъ браковъ, тѣсныхъ экономическихъ и дружескихъ сношеній будетъ поглощать отдѣльных членовъ меньшей націи и ассимилировать ихъ. Это будетъ «мирное соревнованіе вмѣсто насильственныхъ завоеваній». Но почему же Ваег исключаетъ евреевъ изъ этого процесса мирнаго соревнованія (Ого!..)??.. Ваег говоритъ, что въ

настоящее время неполноправная нація не можетъ защитить своей чести. Если кто оскорбитъ такую націю, то нація, какъ таковая, не можетъ выступить въ качествѣ жалобщика: нѣтъ никого, кто бы имѣлъ право жаловаться... «Не думаетъ ли Вауег, что и еврейская нація *можетъ* попасть въ подобнаго рода положеніе, гдѣ ей придется защищать, можетъ быть, не только честь, но и имущества и жизнь своихъ сочленовъ?»

Но все это было бы ничего, если бы не «запахъ еврейскихъ школъ» и «жизненные привычки еврейскаго шинкаря»... «Еще никогда и нигдѣ, отвѣчаетъ Ж., изъ устъ социалиста не слышалось столько оскорбленій еврейскому народу, не сыпалось столько плевковъ въ народную душу(?), не втоптывалась она въ грязь такъ, какъ въ этихъ научныхъ доводахъ Вауег'а. Еще никогда не дѣлалось еврейскому пролетариату столько унижительныхъ предложеній—продать за чечевичную похлебку свое я... Старый космополитизмъ былъ, по отношенію къ евреямъ, куда чище и благороднѣе, чѣмъ новый панъ-націонализмъ Вауег'а. Этотъ панъ-націонализмъ, не видящій въ старой психологій еврейской ничего, кромѣ *психики шинкаря*, въ старой еврейской культурѣ, этой сокровищницѣ человѣческихъ страданій и скорбныхъ думъ, есть явленіе новое въ современномъ социализмѣ, явленіе, съ которымъ еврейскому рабочему классу придется самымъ серьезнымъ образомъ свести свои

счета»... Сводите, на доброе здоровье... Капелька правды не понравилась...

И тѣмъ не менѣе, волей-неволей, нужно сознаться, что евреи несомнѣнно есть нація. Нація безъ территоріи, безъ языка, безъ вѣры,—но нація антропологическая. Она разсѣяна по всему свѣту, но брачится только въ своей средѣ и тѣмъ около трехъ тысячъ лѣтъ не только сохраняетъ, но и закрѣпляетъ свою націю, свою кровь. Ни новая религія, ни новыя формы жизни не измѣняютъ этихъ чертъ. Даже смѣшеніе не измѣняетъ типа. Присмотритесь къ французамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ и проч. и въ очень многихъ изъ нихъ вы увидите еврея, который часто держится въ 5—10 поколѣніяхъ французской, нѣмецкой и итальянской крови.

Госпожа Ефименко права, говоря, что евреи сумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи... Есть ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская... Но, сохраняя націю по крови, евреи лишаются права на самобытное существованіе по своей разсѣянности, какъ цыгане, и могутъ существовать только, какъ механическая примѣсь, на правахъ иностранцевъ.

Въ Варшавѣ происходили засѣданія польскаго прогрессивнаго союза, на которыхъ подвергся разсмотрѣнію еврейскій вопросъ. Интересны резолюціи, къ которымъ пришелъ съѣздъ:

Польскій прогрессивный союзъ считаетъ евреевъ

(жидовь) не особымъ народомъ, но лишь группой племенновѣроисповѣдной безъ развитаго народнаго самосознанія, для котораго единственный способъ выйти изъ гетто,—это—усвоеніе европейской культуры, и такъ какъ съ этимъ фактически связано равноправіе въ жизни частной и общественной,—то политическая и культурная ассимиляція.

1) Жаргонъ (т. е. еврейско-нѣмецкій языкъ) не можетъ считаться народнымъ еврейскимъ языкомъ.

2) Ассимиляція политическая есть необходимое условіе мирнаго сожитія поляковъ и евреевъ. Поэтому обязанность польскаго и еврейскаго общества энергически бороться съ еврейскими группами, которыя стоятъ за принципъ еврейскаго народнаго эгоизма, равнодушія или противопоставленія интересамъ польскаго народа. Евреевъ ополяченныхъ считаемъ братьями, а отличающихъ себя евреевъ считаемъ элементомъ чуждымъ и въ извѣстныхъ отношеніяхъ и условіяхъ враждебнымъ.

3) Ассимиляція культурная, основанная на знаніи и любви къ польскому языку и литературѣ и польскимъ учрежденіямъ, должна производиться только средствами культурными—споспѣшествованіемъ распространенію польскаго языка среди евреевъ, основаніемъ начальныхъ общихъ школъ для дѣтей польскихъ и еврейскихъ.

4) Прогрессисты, признавая свободу совѣсти и равноправіе исповѣданій, считаютъ необходимымъ

поддерживать старанія еврейскихъ массъ освободиться отъ узъ фанатизма и предрасудковъ.

5) Съ цѣлями уменьшить нищету еврейскихъ массъ—должно *содѣйствовать* эмиграціи и *поддерживать старанія уничтожить черту осѣдлости*.

6) Независимо отъ всѣхъ теоретическихъ и искусственныхъ политическо-общественныхъ конструкций, создаваемыхъ еврейскимъ націонализмомъ, мы полагаемъ, что *польскій народъ никогда не дозволитъ на дѣленіе своей земли и своей организациіи между равноправными польско-еврейскими сторонами* и что онъ будетъ всегда достаточно силенъ для побѣды надъ такого рода стремленіями».

Итакъ, отъ евреевъ требуютъ полнаго сліянія съ поляками. Вотъ что значить терминъ: «полякъ Моисеева исповѣданія».

А вотъ Варшавская газета «Dzien» печатаетъ десять заповѣдей, которыхъ польское общество должно держаться въ отношеніи евреевъ:

1) Ни въ какомъ случаѣ не протежировать магазинамъ и ничего не покупать въ нихъ, посѣщая лишь исключительно польскія фирмы.

2) Не отдавать евреямъ въ наемъ ни лавокъ, ни квартиръ.

3) Не продавать евреямъ домовъ, имѣній и не отдавать ихъ въ аренду.

4) Избѣгать, насколько возможно, сношеній съ евреями въ торговлѣ, промыслахъ и на фабри-

кахъ; чтобы совершенно выгнать евреевъ изъ этихъ отраслей промышленности, необходимо организовать кооперативы.

5) Организовать, гдѣ только можно, наплывъ евреевъ, имѣя всегда въ виду интересы своей націи.

6) Стараться завладѣвать всѣми мѣстами, которыя могли бы быть заняты евреями, и стараться всѣми возможными способами обходиться безъ услугъ еврейства.

7) Помнить, что только небольшая кучка евреевъ, прокливаемая жаргонной печатью, солидарна съ интересами польскаго народа.

8) Помнить всѣ выступленія евреевъ противъ поляковъ и польскихъ интересовъ.

9) Помнить всегда, сколько порчи внесло еврейство всюду,—въ широко распространенную торговлю живымъ товаромъ, мошенничества при личныхъ сношеніяхъ, куплю и продажу домовъ, которыхъ теперь въ рукахъ евреевъ въ Варшавѣ три четверти.

10) Основывать дешевыя лавки, облегчать кредитъ, побуждать къ борьбѣ съ еврействомъ широкія массы народа, указывая на вредъ, который евреи причиняютъ намъ

IV.

Народности Россіи *).

Государство, извѣстное подъ именемъ Россійской Имперіи, создано русскими славянами, потомками скифовъ и сарматъ. Въ его созиданіи работали только одни русскіе, — а не поляки, не грузины, не финны и др. народности Россіи. Созидательница русскаго государства—русская нація, а потому эта нація по всѣмъ божескимъ и челоуѣческимъ правамъ должна быть господствующей

*) Народности, составляющія Россію: абаздехи, абхазцы—59,469, аваро-индійцы—208,041, авары, азербейджанцы—566,229, аджарцы, авны—1434, алатиры, алеуты, арабы, армяне—985,022, балкарцы, бамбаки, барабинцы, башкиры—1,297,098, безингевцы, бесленевцы, болгары—170,170, буряты—288,734, бѣлоруссы, вогулы, воль, вотяги—400,394, гагаи, гиляки—9,169, греки—149,892, гольды, грузины—814,892, гурійцы, дагестанцы, даргинцы—121,375, датчане, джерахи, дигорійцы, дунганы, евреи—5,021,476, енисейцы (кумандійцы, тюрцы, кызылы, сагайцы, кайбалы, бельтиры, карагоссы, сейоты, ураханцы)—37,721, жмудь—444,921, зиряны—138,225, ижорцы, ингуши, индусы, имеритины—270,513, итальянцы, кабардинцы—84,093, казикамухи—88,190, калмыки—181,669,

націй, держащей въ государствѣ власть, управленіе и преобладаніе или *державной націей*. Всѣ остальные націи, какъ вошедшія уже въ готовое государство, какъ присоединенныя къ нему державной націей, должны быть ей соподчиненными.

камчадалы—3,978, караимы, каракалпаки—93,215, карапапаки—29,878, каракиргизы—201,579, карачаевцы—26,847 карелы—196,615, кашгарцы—14,915, кипчаки, киргизъ-кайсаки (большая орда: каглы, дулаты, уснии, средняя орда: аргины, найманы, кирен, малая орда: алчины и кураминцы)—287,332, китайцы—53,080, кистины, корейцы 25,858, коряки 6,058, котты—вымерли, кумыки—83,035, курды—92,357, куроны, кюрицы—157,301, латыши—1,382,211, лазы, лезгины, ливы, литовцы—1,217,383, лопари—1,727, малороссы, манжуры—3,344, мещеряки—2,095, мингрельцы—238,843, молдаваны—216,690, монголы, мордва—989,266, натухайцы, ногайцы—56,228, норвежцы, пѣмцы—1,730,702, омоки, ороки—792, осетины—163,907, остяки—19,018, поляки—7,756,102, полѣщуки, пермяки—92,641, персы—15,827, пшавы, русскіе (нынѣ)—100,000,000 самоѣды (юраки, тавчи)—3,874, сарты—966,599, сваны—15,669, сербы, соймы, таджики—344,365, талышцы—34,994, таранцины—55,999, таранчи, татары—2,300,731, таты—89,519, тептеры—104,522, теленгиты, темиргаевцы, телеуты, тигуры, торгоуты, тунгузы—248,361, турки—191,374, туркмены—248,361, тушинцы, тюрки—358,611, тюрко-татары—261,234, удинцы 7,040, узбеки—725,622, урсуби, уряховцы, финны—2,352,990, хамшисевцы, хутухаевцы, хевсуры, хуламцы, цыгане, чегемцы, черемисы—348,243, чергеевцы, черкессы—40,427, чехи—28,960, чеченцы—223,347, чуванцы—1,700, чувашы—814,263, чудь—16,147, чукчи 10,237, шапсуги, шведы—5,768, эскимосы, эсты—975,809, юагаиры, якуты—221,467, японцы—2321. Цифры взяты изъ народной переписи за 1897 г.

Поэтому говорить о равныхъ правахъ въ государствѣ всѣхъ членовъ государства различныхъ націй—едва ли правильно и справедливо.

Кто больше потрудился для созиданія государства, тотъ имѣетъ въ немъ наибольшія права на господство и власть. Изъ остальныхъ націй только тѣ имѣютъ равное право съ господствующей державной націей, кои всей душой проникнуты интересами и культурой державной нации и станутъ ея истинными дѣтьми. Только тотъ, кто слился кровью и духомъ съ русскимъ народомъ, кто боролся въ его рядахъ за его національныя задачи и сталъ потомственнымъ пайщикомъ великаго культурнаго историческаго наслѣдія, имѣетъ неоспоримое право русскаго гражданскаго равноправія.

Говоря о господствующей народности, невольно является вопросъ: а какъ же быть съ *разновидностями нации*: малороссійской и бѣлорусской? Эти разновидности—только лишь отгѣнки проявленій жизни одной основной нации—русской. Русскій языкъ есть основной государственный и школьный языкъ во всѣхъ уголкахъ государства. Всѣ русскіе разныхъ отгѣнковъ должны умѣть говорить, читать и писать по русски, — но никогда никто не можетъ имѣть ничего и противъ того, чтобы малороссы умѣли говорить, читать и писать на своемъ нарѣчьи, а бѣлороссы—на своемъ. Костюмы, нравы и обычаи Малороссіи и Бѣлоруссіи иные, чѣмъ въ Россіи, но они имъ сродны, а потому должны быть всюду и при всѣхъ условіяхъ допу-

стимы,—равно какъ и костюмъ русскихъ и ихъ нравы и обычаи близки и родственны и малоруссамъ и бѣлоруссамъ. Россія слишкомъ велика. Всѣмъ намъ общи основныя черты, — мелочи же не раздѣляютъ, а только обогащаютъ разновидностью.

Напрасно говорятъ о сепаратизмѣ малороссовъ. Это—бредъ или юныхъ, или глухихъ головъ. Правда, въ послѣднее время въ немаломъ числѣ появились въ Малороссіи австрійскіе наемники, сѣющіе слабосильныя сѣмена малороссійскаго сепаратизма. Мало того, мы даже поливаемъ этотъ наемный сепартизмъ своимъ благодушіемъ и терпѣніемъ,—но и это наносное зло не помрачить здраваго смысла малороссовъ. Напрасно говорятъ и о непониманіи малорусскаго языка русскими. Это не понимаютъ малорусскаго языка Грушевскаго,—но его не понимаемъ и мы, малороссы.

Россія включаетъ въ себѣ около 150 націй. Невольно возникаетъ вопросъ: какъ она будетъ относиться къ этимъ соподчиненнымъ націямъ? Разумѣется, не одинаково, въ зависимости отъ ихъ національнаго, соціальнаго и политическаго положенія. Есть націи, которыя въ культурномъ и политическихъ отношеніяхъ стоятъ довольно высоко и своими отношеніями къ Россіи заслужили благожелательство,—есть націи, которыя стоятъ на уровнѣ первобытныхъ народовъ. Эти націи представляютъ собою различныя цѣнности и потому вызываютъ различныя отношенія: къ болѣе куль-

турнымъ относяся: поляки, армяне, грузины, финляндцы и проч.

Поляки. Ближе къ намъ и по крови и по культурѣ стоятъ поляки. Они, какъ будто бы, даже наши братья по крови, славяне. Ихъ литература стоитъ довольно высоко. Ихъ культура въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ равна русской. Ихъ жизнь понятна для русскихъ. Отличіе въ религіи. Поэтому сближеніе и сродненіе съ поляками не невозможно, хотя въ настоящее время стоитъ далеко отъ осуществленія. Тому виною сами поляки.

Для лучшаго пониманія дѣйствій поляковъ, я позволю коснуться психологіи этой націи.

Проф. К. Н. Ярошъ ¹⁾ говоритъ: извѣстная *горячность польскаго* темперамента придаетъ струнамъ души высокій напряженный строй. Въ силу этой напряженности, всѣ чувства получаютъ чуткую отзывчивость на внѣшнія воздѣйствія. Радость и горе, любовь и ненависть звучатъ здѣсь полными звуками, переходя нерѣдко даже въ аффектированный тонъ: чувство чести, французской *point d'honneur*, становится здѣсь гоноромъ и щетинится иглами кичливости, самохвальства, надменности и забіячества. Легкая возбудимость и экспансивность польскаго характера освѣщаетъ многія историческія сцены искусственнымъ, «бенгальскимъ», свѣтомъ... Эмоциональность поляковъ сообщаетъ замѣчательную страстность ихъ надеж-

¹⁾ К. Н. Ярошъ. Русско-польскія отношенія.

дамъ и опасеніямъ. Открывшаяся извѣстная перспектива, мерцающая вдали приманка совершенно захватываетъ ихъ и неудержимо увлекаетъ впередъ... Столь же велика страстность поляковъ и въ ихъ опасеніяхъ: лишь только въ душѣ ихъ водворилось недоверіе, тотъ часъ же начинается преувеличенная тревога, лихорадочное безпокойство но самымъ ничтожнымъ причинамъ, вѣчная подозрительность къ всѣмъ и ко всему. Они видятъ повсюду интриги, козни, шпіоновъ, измѣнниковъ и начинаютъ сами подводить контрмины. Сильная воспримчивость къ вѣшнимъ впечатлѣніямъ сообщаетъ полякамъ легкость перехода отъ чувства къ чувству, отъ сабельнаго удара къ дружескому поцѣлюю, отъ геройскаго подвига къ излишеству въ утѣхахъ жизни.

Это свойство давало многимъ моралистамъ поводъ уличать поляковъ въ легкомыслія, но этимъ же самымъ свойствомъ дается польской жизни и исторіи окраска добродушія... Неустойчивость чувства обращается въ страстную стойкость, если причины неперестаютъ его подновлять. Тогда любовь разгорается до пламеннаго обожанія, а ненависть обращается въ неумолимую и неустанную злобу... Живость чувствъ, естественно, обусловливаетъ собою высокій подъемъ воображенія... Но таже живость чувствъ и таже воображеніе вносятъ въ прозаическія жизненныя отношенія нежелательный колоритъ фантазерства и *легкаго уклоненія отъ истины*...

Духовная природа славянина разсматриваемой

отрасли одарена талантливостью, сердечной глубиной, сложнымъ и богатымъ душевнымъ строемъ, способнымъ чутко отзываться и на громкій кличъ и на самый тихій звонъ добра и красоты.

Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что у поляковъ «чувство господствуетъ надъ разсудкомъ».

Это одна психологическая картина. А вотъ и другая. А. Подвысоцкій¹⁾ говоритъ слѣдующее: сознаніе монархической идеи и духъ своевольной анархьи, благоговѣніе предъ величіемъ и оскорбительное къ нему недоверіе, безпредѣльная гордость и рабильное униженіе, геройское самопожертвованіе и своекорыстное честолюбіе, христіанская идея братства и духъ сварливой междусобицы, глубокое религиозное чувство и въ то же время фанатическая нетерпимость,— вотъ общія черты добродѣтелей и пороковъ, при взаимной борьбѣ которыхъ пала Польша»...

Польскій народъ «потерялъ всякое единодушіе до того, что между поляками нельзя найти двухъ людей, согласныхъ между собою. Продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляющіе свои имѣнія въ управленіе жидамъ, которые сосутъ кровь ихъ подданныхъ и платятъ за то очень мало: вотъ вамъ живой портретъ поляковъ»²⁾,— говоритъ Императрица Екатерина II.

¹⁾ А. Подвысоцкій. Записки очевидцевъ о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 1862 г.

²⁾ Письма къ Гримму, № 238.

Поляки между славянами занимают особенное положение. Все славянскія народности, болѣе или менѣе открыто и настойчиво проповѣдуютъ и проявляютъ склонность къ національному сближенію и объединенію. Одни поляки среди славянскихъ народовъ являются измѣнниками славянскому племени, его предателями и явными врагами. Сколько разъ и въ Вѣнскомъ и Берлинскомъ парламентахъ поляки продавали интересы славянъ и открыто выступали противъ славянъ же... Что открыто дѣлалось въ парламентахъ, то же открыто проявляется и въ жизни. Въ жизни поляки являются открытыми и явными врагами славянскаго племени. Такими угнетателями они были и есть въ Россіи малороссовъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ и проч. Вмѣстѣ съ этимъ они вступили въ союзъ съ врагами Христа и всего человѣчества — евреями или поляками Моисеева Закона, совмѣстно давая другихъ славянъ и высасывая изъ нихъ кровь. Вспомнимъ времена гайдамакъ, Гонты и др. защитниковъ русской народности и православной вѣры... Да стоитъ ли такъ далеко ходить... Что у насъ теперь дѣлается въ Бѣлоруссіи, Подолии, Волыни, въ Холмщинѣ... А еще и того ужаснѣе и безчеловѣчнѣе отношеніе поляковъ къ русскимъ въ Галиціи и Угорщинѣ...

«Въ селѣ Грабѣ власти (польскія) не разрѣшили православнаго богослуженія на томъ основаніи, что оно совершается при зажженныхъ свѣчахъ и угрожаетъ деревнѣ опасностью пожара...

Въ селѣ Телѣжѣ въ сочельникъ Рождества Христова бой барабановъ огласилъ это мирное село, при чемъ староста объявилъ жителямъ, что власти оштрафуютъ каждаго, кто осмѣлится пойти въ эту ночь на богослуженіе въ часовню. Когда священникъ Илечко въ 4 часа утра, по мѣстному обычаю, началъ богослуженіе, жандармы окружили православную часовню, отгѣсня отъ нея крестьянъ и отправляя ихъ группами по этапу въ униатскую церковь. Крестьянъ, собравшихся съ вечера, а также и пѣвчихъ, жандармы насильственно вывели изъ часовни, таща ихъ сзади за одежды и приставивъ штыки къ груди. Отцу Илечку приказано, чтобы онъ немедленно прекратилъ богослуженіе, или заперъ часовню. Когда же собравшійся народъ, около трехсотъ человекъ, заступился за своего пастыря, жандармы прикладами ружей стали избивать крестьянъ, налегая особенно на женщинъ. Три женщины ранены штыками въ грудь, крестьянину же Якиму Щербѣ навесили опасную рану прикладомъ въ голову. Крестьяне простояли 4 часа во дворѣ, въ снѣгу, на вѣтру и на морозѣ все время, пока въ запертой часовнѣ от. Илечко съ однимъ причетникомъ совершалъ богослуженіе. Утромъ явился изъ уѣзднаго города Сокаля правительственный комисарь, запечаталъ православную часовню и запретилъ от. Илечку принимать въ своемъ домѣ крестьянъ подъ угрозю немедленной высылки».

Какъ вы думаете, господа, когда и гдѣ про-

исходили эти сцены,—во времена Гонты, Остриницы, Дорошенка?.. Нѣтъ въ 1911 г. подъ Рождество въ Австріи...

При такомъ отношеніи поляковъ къ нашимъ братьямъ, русскимъ, можемъ ли мыслить хотя минуту о допущеніи поляковъ къ равноправію?... Можемъ ли мы хотя минуту думать, что это культурные люди, а не башибузуки... Кстати замѣтить, что во всѣ войны Россіи съ Турціей за освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига, польскіе легіоны тоже всегда участвовали, но только всегда добровольно со стороны турокъ. Видимо у поляковъ въ крови особенное тяготѣніе къ башибузукамъ, ибо даже въ послѣднюю войну Италіи съ Турціей въ Польшѣ раздался кличъ о составленіи легіоновъ для помощи туркамъ противъ итальянцевъ.—католиковъ.

Можемъ ли мы говорить съ этими людьми о братствѣ...

Нѣтъ слова, за порабощеніе нашихъ русскихъ братьевъ поляками въ Россіи виновны, преступно виновны, прежде всего мы сами, русскіе. Нѣтъ слова оправданія тѣмъ русскимъ, кои позволяли и помогали закрѣпощать полякамъ нашихъ братьевъ русскихъ въ Россіи. Но пускай и поляки не забываютъ, что, пока они будутъ давить русскихъ, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ оныхъ,—братства и равноправія между нами быть не можетъ.

Тогда только можно будетъ мыслить о равноправіи, когда Бѣлоруссія, Холмщина, Вольшь,

Подолія и другія подавленные поляками части освободятся отъ польскаго ига и станутъ русскими. Тогда только можно будетъ мыслить о равноправіи съ поляками, когда и въ Галиціи и Угорщинѣ поляки установятъ равноправіе съ Русскими. Нынѣ же можно только удивляться, какъ поляки еще не отдають въ Австріи въ аренду русскихъ православныхъ церквей жидамъ... Жиды—арендаторы найдутся... Да и паны поляки не далеки отъ того, чтобы вспомнить старину... Плохо же будетъ, когда рядомъ съ этимъ воскреснутъ и гайдамаки...

Во избѣжаніе польскаго засилья въ Бѣлоруссіи, мы немедленно должны ввести въ бѣлорусскій костель богослуженіе на русскомъ языкѣ. Мы должны немедленно дать бѣлорусскимъ костеламъ русскихъ ксендзовъ. Мы должны немедленно устроить русскую католическую семинарію, гдѣ бы могли образоваться русскіе ксендзы. Тогда немедленно, въ одинъ мигъ падетъ вліяніе поляковъ въ Бѣлоруссіи и Бѣлоруссія воистину станетъ Россіей и свергнетъ съ себя польское да и жидовское иго.

Русскіе поляки всѣми способами старались и стараются выжить всѣхъ русскихъ изъ Польши... Польша для поляковъ. Благо, не пора ли русскимъ образумиться и попросить господъ поляковъ врачей, адвокатовъ и другихъ свободныхъ профессій отправиться въ свою Польшу и тамъ практиковать. У насъ, славу Богу, достаточно и

врачей и адвокатовъ своихъ русскихъ. Да и нашимъ русскимъ пора образумиться и помнить, что русскіе врачи и русскіе адвокаты намъ, русскимъ, немножко ближе, чѣмъ поляки,—и не лучше ли, въ случаѣ нужды, обращаться къ нашимъ, а не къ чужимъ. Что это бойкотъ? О нѣтъ, не бойкотъ, а только благоразуміе и осмысленность. Поляки давно объявили намъ бойкотъ и мы молчали и терпѣли. Мы же должны не бойкотировать, а только взяться за умъ. Г.г. же полякамъ нужно помнить, что русскіе съ ними ссориться не желаютъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе перестаютъ быть столь сантиментальными и уступчивыми, какъ были прежде,—и открытыми глазами смотрятъ на проекты и политику поляковъ по отношенію къ русскимъ. Ею же мѣрю мѣриши, тою же и возмѣрится.

Я совершенно согласенъ съ М. О. Меньшиковымъ¹⁾, что мы сдѣлали большую ошибку, присоединивъ къ себѣ Польшу. «Воображая усилить себя, мы до крайности ослабили себя. Подъ видомъ «братскаго» славянскаго народа мы ввели подъ свою крышу закоренѣлаго врага, врага тысячелѣтняго, который въ теченіе давнихъ вѣковъ угнеталъ западную Русь и который въ этомъ угнетеніи привыкъ видѣть историческое свое призваніе. Россія до раздѣла Польши развивала свою титаническую силу на одномъ началѣ: національной чистоты своей, національнаго единства и свой-

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Сомнительная родня, 1911.

ственнаго единству единодушія... Старая Россія имѣла одно русское племя, одного Бога, одну вѣру, одинъ языкъ, одно отечество, одну органически—родную культуру, паоосомъ которой была страстная любовь къ родинѣ... Съ крушеніемъ старой русской аристократіи мы начали тратить силы великаго племени на безумную защиту чужихъ интересовъ, презирая собственные. Мы доврчиво ввели въ родныя стѣны заклятыхъ враговъ своихъ не подозрѣвая, что отнынѣ вся ихъ цѣль будетъ состоять во внутреннемъ предательствѣ, внутреннемъ и внѣшнемъ разрушеніи Россіи. Аристократію польской, заслужившей свои титулы на многовѣковомъ причиненіи вреда Россіи, мы сохранили эти титулы и слили ее съ своей аристократіей. Вмѣстѣ съ польскою ненавистью мы ввели въ организмъ свой и ту проказу, которою эта страна страдала—паразитное жидовское племя. Поистинѣ самоубійственнымъ для насъ былъ захватъ Польши»...

Русскіе должны твердо и настойчиво идти въ отношеніи къ полякамъ, пока не добьются своего,—а тогда уже можно будетъ говорить о братствѣ и сближеніи.

Я глубоко убѣжденъ, для всѣхъ насъ было бы лучше произвести обмѣнъ Польши на Галицію и Угорщину. Быть можетъ поляки съ пруссаками и австрійцами сжились лучше. А быть можетъ они тогда вспомнили бы и о Россіи болѣе челоуѣколюбивой.

Въ послѣдніе годы стали раздаваться чаще и чаще польскіе голоса въ пользу примиренія поляковъ и русскихъ. Въ большинствѣ эти голоса неискренніе и скрываютъ за собой очень высокій куртажъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ, болѣе искренній. Для этого примиренія требуется: «справедливое и разумное отношеніе русскихъ правящихъ сферъ и русскаго общества къ польской народности и римско-католической религіи—сохраненіе національно-племенной жизни, обезпеченіе національно-племенного существованія. Поляки, получивъ въ законное удовлетвореніе потребностей своей народности и полную гражданскую равноправность съ русскими, да вступагь въ новую жизнь народно-общественную и да понесутъ свой посильный трудъ, свой разумъ, свое знаніе и свой гражданскій опытъ на дѣло и благо своего политическаго центра... Поляки, сдѣлавшись дѣйствительными настоящими гражданами, да пребудутъ навѣки вѣрными своимъ гражданскимъ обязанностямъ. Поляки, ставши на основѣ гражданского равноправія настоящими и живыми членами государства и общества, да содѣйствуютъ укрѣпленію силы и единства Имперіи...¹⁾». Очень мило. Но пусть поляки сначала докажутъ свои фактическія заслуги въ этомъ направленіи, а тогда уже мечтаютъ и о равноправіи. Не такими показали себя поляки въ

¹⁾ Графъ Лелива (псевдонимъ). Русско-польскія отношенія, 1895.

1905 г., въ Холмскомъ вопросѣ, земствѣ западныхъ губерній и проч.

Гораздо фальшивѣе говоритъ графъ Корвинъ-Милевскій¹⁾. Презирая и обливая грязью литовскій революціонный народъ, Корвинъ-Милевскій требуетъ для литовскихъ дворянъ равноправія съ русскими дворянами. При этихъ условіяхъ литовскіе дворяне станутъ грудью у престола русскаго императора. Благо. Но престолъ русскаго императора стоитъ очень очень крѣпко на безпредѣльно преданномъ стомилліонномъ русскомъ народѣ съ его дворянствомъ во главѣ и на преданности большей части 50 милліоновъ поданныхъ ему народовъ. И эта преданность зиждится не на исканіи равноправія. Русскіе дворяне владѣютъ правами на основаніи моря крови пролитой ихъ предками въ защиту и строеніе Россіи. Русскіе дворяне пользуются правами и нынѣ, отдавая свою жизнь на служеніе защиты царя, вѣры православной, матери Россіи и ея родного языка и культуры. А г. Корвинъ-Милевскій требуетъ равноправія литовскому дворянству съ русскими съ сохраненіемъ «вѣры католической, польскаго языка особой польской культуры у литовскихъ дворянъ». Такимъ образомъ, литовскіе дворяне, предки которыхъ измѣнили вѣрѣ православной, Россіи и русскому языку, и теперь требуютъ равноправія съ русскимъ дворянствомъ, оставляя за собою право быть польскими дворянами. Рус-

¹⁾ Графъ Корвинъ-Милевскій. Борьба съ ложью, 1911.

скіе дворяне, имѣя великую честь быть дѣтями великой и славной родины Россіи, за свои права несутъ и обязанности трудныя и великія водворенія націонализма въ народѣ, внѣдреніе *русской вѣры, русскаго языка, любви и преданности къ Россіи, ея исторіи, ея культуры и всему русскому...* И этотъ долгъ несетъ дворянствомъ съ великимъ самопожертвованіемъ повсюду и особенно на окраинахъ,—а *литовскіе дворяне* стремятся получить равноправіе безъ всякаго труда.

Не правится г. Корвинъ-Милевскому и современный русскій націонализмъ и онъ рекомендуетъ «умному» и «сильному» правительству держать его въ ежовыхъ рукавицахъ и иногда энергично подавлять во имя справедливости...

Какъ эти паны любятъ гнеть и ежовыя рукавицы, то во имя славы божіей, то во имя справедливости... Ежовыя рукавицы право не хороши, какъ въ рукахъ графовъ, такъ и въ рукахъ гайдамакъ...

!Поляки, какъ и всѣ инородцы въ Россіи, тогда только могутъ разсчитывать на равноправіе въ Россіи, когда они на дѣлѣ докажутъ, что они прежде всего русскіе, а потомъ поляки, армяне и проч. !

Армяне. Русскіе съ армянами имѣютъ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ русскіхъ судьба занесла на Кавказъ. Въ послѣднія столѣтія армяне стали коммерсантами и въ этомъ отношеніи во многомъ напоминаютъ жидовъ. Съ завоеваніемъ Кав-

каза русскими, армяне въ большомъ числѣ, больше 600,000 вступили въ русское подданство. Не легко жилось армянамъ и на Кавказѣ, и въ Турціи, и въ Персіи. Ихъ безощадно и грабили, и рѣзали. Съ появленіемъ на Кавказѣ русскіхъ, армяне вздохнули. Въ русскіхъ они нашли защиту. Въ русскіхъ они нашли опору. Нужно правду сказать, очень часто и армяне являлись вѣрными сынами своей родины и помогали русскимъ въ войнахъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Имена Вани Ованесова и др. нигдѣ не забудутся русскими—и русскіе всегда относились къ армянамъ дружески и братски. Еще недавно 4000 армянскихъ семействъ приняты были изъ Турціи, когда тамъ началась поголовная рѣзня армянъ, въ Россію и отплатили намъ весьма подло.

Сначала дѣло шло, какъ будто и въ пользу русскіхъ. Составилась партія «Дашнакцютюнъ», которая въ началѣ имѣла въ виду борьбу съ турками. Этимъ способомъ мы приобрѣтали себѣ союзника противъ турокъ не только въ Россіи, но и въ самой Турціи. А мы знаемъ по прежнему, что армяне могутъ быть хорошими развѣдчиками и шпіонами, не хуже жидовъ,—да и въ борьбѣ они бывали надежными союзниками. Бывали измѣны, бывали вѣроломства со стороны армянъ и раньше,—но все таки эти отрицательныя качества проявлялись слабѣе, чѣмъ у жидовъ.

Но вотъ наступило XX столѣтіе. Армяне стали ярыми націоналистами. Они стали искать своей

Арменія. Они вообразили, что уже нашли ее. И въ своемъ увлеченіи перенесли дѣятельность дашнакцютюна съ Турціи и на Россію. Начались убойства. Начались экспроприаціи. Пускай благодарятъ Бога, что русскіе въ это время не поступили такъ, какъ могли бы поступить. Къ сожалѣнію, ни русскіе, ни армяне не научились прошлымъ. Во время польскаго возстанія, точнѣе возстанія шляхты, польскіе хлопы, было, возстали тоже, но возстали не за поляковъ, а противъ поляковъ, за Россію. Началось поголовное истребленіе польскихъ пановъ простыми хлопами. И скоро польское возстаніе было бы усмирено,— и не русскими войсками, а хлопами. Было бы оно усмирено основательно, ибо отъ пановъ осталось бы только одно воспоминаніе.

Русскія войска выступили противъ «взбунтовавшихся» хлоповъ въ защиту польскихъ бунтовщицковъ и повстанцевъ... Вы скажете, это глупо?.. Мало ли наши паны дѣлали глупостей...

Такъ и въ возстаніе армянскаго дашнакцютюна на Кавказѣ стоило только пустить свободно живущихъ тамъ татаръ и отъ армянъ осталось бы одно только воспоминаніе... Но на Кавказѣ жилъ армянскій батько... Да и то правда. Между армянами было гораздо больше несчастныхъ, чѣмъ бунтарей и разбойниковъ. Сами своихъ армяне грабили такъ, что теперь трудно сказать, кто больше презираетъ дашнакцютюнцевъ— русскіе и татары, или сами мирные армяне.

Вскорѣ сами дашнакцютюнцы увидѣли, что дѣло ихъ проиграно. Въ 1906 г. на съѣздѣ въ Эчмиадзинѣ они рѣшили, что отказываются отъ идеи самостоятельной или автономной Арменіи, въ виду отсутствія для этого подходящей территоріи, вмѣстѣ съ тѣмъ они рѣшили *отобрать отъ церкви ея имущества съ тѣмъ, что бы обратить ихъ въ общій народный фондъ*. Этимъ самымъ дашнакцютюнцы явно пошли по пути революціи и окончательно возстановили противъ себя все мирное торговое и сельскохозяйственное населеніе. Добрыя отношенія нарушились. За то появился на сцену терроръ. Разладъ еще больше усилился, когда были обнаружены подъ-рядъ двѣ довольно крупныя растраты, произведенныя распорядителями имущества. Пришлось самимъ армянамъ просить русскія власти найти виновныхъ и охранить отъ растраты имущество. Мало того, мирная масса армянскаго населенія нынѣ открыто порвала съ дашнакцютюномъ и рѣшительно отвергла и осудила его выступленія противъ русскихъ. Армяне стали успокаиваться. Возможность возстановленія прежнихъ отношеній съ русскими предвидится. Но еще далеко до полного примиренія и успокоенія. Армяне слишкомъ поставили себя сепаратно. Они образовали свои кружки врачей, адвокатовъ и строго требуютъ, чтобы армянская масса не смѣла пользоваться услугами инородныхъ специалистовъ. Благо. Тѣмъ хуже для армянъ. Армяне далеко еще отстоятъ отъ русской культуры и

русскаго образованія и замкнутость въ самихъ себѣ едва ли пойдетъ имъ на пользу. вмѣстѣ съ тѣмъ пускай же они не пеняютъ и на русскихъ, что тѣ не допускаютъ ихъ къ равноправію. Прежде это было еще возможно, — но теперь чѣмъ больше армяне будутъ замыкаться въ самихъ себѣ, тѣмъ хуже для нихъ. Напрасно они тоже стараются войти въ сношеніе съ Европой черезъ головы русскихъ. Европа ихъ не приметъ. А Россія не имѣетъ нужды сама стремиться къ сближенію. Никто ихъ религіи не трогаетъ. Никто ихъ литературы не запрещаетъ, если она не преступна противъ государства. Никто имъ дома не запрещаетъ говорить по армянски. Но пускай они помнятъ, что Армения нѣтъ, а есть Россія и они доголѣ не будутъ русскими, пока не станутъ русскими.

Грузины. Теперь очень часто можно слышать съ великимъ форсомъ произносимыя слова:

«Мы, грузины, люди вольные. Мы по своей волѣ присоединились къ Россіи и такъ обращаемся, какъ съ нами обращается Россія, болѣе, чѣмъ непростительно...

Двѣ грубыя наглости... Наглости, объясняемая частью нашимъ полнымъ невежествомъ въ области исторіи Россіи вообще и въ особенности въ области исторіи присоединенія Кавказа.

Кто хотя мало-мальски знаетъ исторію присоединенія Кавказа къ Россіи, тому извѣстно, что уже полтысячи и болѣе лѣтъ Грузія была не-

счастнѣйшая страна. Она буквально была разрываемая и опустошаема безбожно. Съ одной стороны ее жгли и разоряли персы, — съ другой также разоряли и увозили въ плѣнъ, особенно женщинъ, турки, — съ третьей лезгины и другіе хищники совершенно опустошали ее. Горе Грузіи было такъ велико, что еще при Феодорѣ Иоанновичѣ царь Александръ просился подѣ подданство Москвы. Царь Михаилъ Феодоровичъ, также имѣлъ новое предложеніе. Была посылаема и помощь Грузіи. Но Грузія была такъ бѣдна и такъ слаба, что не въ состояніи была даже содержать маленькихъ русскихъ отрядовъ¹⁾.

Великій Петръ также былъ на Кавказѣ и воочию увидѣлъ, что Грузіи отъ насъ польза, а намъ отъ Грузіи, какъ отъ козла молока. Во время Турецкой войны при Екатеринѣ II наши отряды имѣли дѣло съ турками и на Кавказѣ, при чемъ, при заключеніи мира, Екатерина вставила пунктъ: «торжественно и навсегда Блистательная порта отказывается требовать дань отъ Грузіи *отроковицами*, а также и всякаго другого рода подачки»...

Ведутся настойчивые переговоры о принятіи Грузіи въ подданство Россіи и при императорѣ Павлѣ. И только Александръ I, послѣ долгихъ колебаній и нежеланія, соглашается, наконецъ, на принятіе Грузіи въ подданство Россіи. «Не для Россіи присоединяется сей народъ къ Имперіи,

¹⁾ См. подробно. Проф. П. И. Ковалевскій. Завоеваніе Кавказа Россіей. Изд. 2-е.

говорить Императорскій рескриптъ,—но собственно для него,—не нашихъ пользъ мы въ немъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности?.. И это была истина.

И послѣ этого говорить о добровольномъ присоединеніи.

Но и этого мало. Присоединяясь въ силу крайней, неизбѣжной, неустранимой необходимости, Царь Георгій загибаетъ такія условія присоединенія, съ которыми бы слѣдовало его преспокойно попросить «пожаловать вонъ»... Вотъ эти условія.

1. «Его Высочество, Царь Георгій грузинскій, кахетинскій и прочихъ, вельможи, духовенство и народъ его желаютъ *единажды навсегда принять подданство* Всероссійской Имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняется россійскими подданными. 2. Всепокорнѣйше просить, чтобы при врученіи царства его, былъ онъ оставленъ, а по немъ и наслѣдники его, на престолѣ съ титулами царей, добровольно подвергнувъ себя и царство свое подданству Всероссійской Имперіи, и имѣть имъ, царямъ, *главное въ своемъ царствѣ правленіе* по тѣмъ законамъ, кои отъ высочайшаго двора должны быть имѣютъ. Отъ себя же имъ безъ особаго повелѣнія никакихъ законовъ не вводить. 3. Для настоящаго и дѣйствительнаго сего узаконенія и приверженности къ подданству, царь просить къ доказательству вѣрности своей всемилоостивѣйше опредѣлить ему жалованье и содержаніе (разумѣтся, изъ русскаго казначейства?) и *пожа-*

ловать въ Россіи деревни (это царю то? Русскія деревни видимо лучше грузинскаго царства... Развѣ это не опереточный царь)... Доходы же царства грузинскаго царя, какъ подданный, представляетъ въ полную власть государя Императора *обратить, какъ благоугодно, на содержаніе войскъ и на другія тамошнія надобности, какъ то: къ обращенію тамошнихъ земледѣльцевъ въ вящую любовь и приверженность* своему Государю Императору, всемилоостивѣйше дать, насколько лѣтъ благоугодно будетъ, льготы въ податяхъ (значить грузинъ избавить отъ податей, а жалованье царю, содержать войска и государственные расходы возложить на русскихъ... Хорошій гешефтъ). 4. По принятіи во всероссійское подданство царя и царства его, на первое время *необходимо нужно* въ тѣхъ мѣстахъ имѣть до 8,000 человекъ войска, коими занять всѣ тѣ мѣста, гдѣ за благо принято будетъ главноначальниками тѣхъ войскъ къ защищенію отъ сосѣднихъ бродягъ (хорошо царство, что само себя не можетъ оградить отъ сосѣднихъ бродягъ); также нужна принадлежащая къ онымъ артиллерія и съ прочимъ орудіемъ»... и т. д. и т. д. Словомъ выходило такъ, что какъ будто не Грузія ничтожество, ищущее защиты отъ Россіи, а наоборотъ...

И тѣмъ не менѣ Россія, наивная и добродушная, какъ всегда, приняла эту терзаемую Грузію и защитила ее.

Мы знаем добровольное присоединеніе Имеретіи, Мингреліи и Гуріи... нашими войсками.

Впрочемъ, Гурія была присоединена безъ кровопролитія, но только далеко не добровольно и съ огромнымъ пролитіемъ русской крови за спасеніе грузинъ. Вотъ письмо главнокомандующаго Русскою арміей, князя Циціанова владѣтелю Гуріи, князю Маміи Гуріели:

«Такъ какъ царство Имеретинское имѣло счастье вступить въ подданство Всемилостивѣйшаго Государя Императора, то и провинція Гурія, безъ всякаго сомнѣнія, долженствуетъ, по всегдашней зависимости своей отъ Имеретіи, считая и нынѣ въ равной отъ нея зависимости, быть также въ подданствѣ всероссійской державы, съ каковымъ вступленіемъ поздравляю Вашу свѣтлость, яко вѣрноподданнаго Россіи»... Коротко и ясно.

И вотъ послѣ всего того, что Россія потеряла десятки тысячъ своихъ сыновъ въ Грузіи, Имеретіи и проч., пролила море крови своихъ дѣтей, затратила милліоны денегъ за благоденствіе всѣхъ этихъ разнаго рода грузинъ, мы въ концѣ концовъ получили въ нашу Государственную Думу разныхъ Гегечкори, Чхеидзе и проч., кои накидываются на имя и честь Россіи, какъ злѣйшіе ея враги... Не стоитъ ли послѣ этого пожалѣть, что Россія напрасно защищала всѣхъ этихъ злодѣевъ... Не лучше ли было бы, чтобы ихъ тогда же поголовно вырѣзали лезгины, турки и персы, — а

женъ и дѣвицъ ихъ продали на базарахъ Стамбула въ гаремы...

Намъ говорятъ, всѣ эти Гегечкори, Чхеидзе и проч. выбраны подѣ угрозой браунинга... Да что же ихъ выбирали дѣти, или мужи...

О равныхъ правахъ они могутъ говорить тогда, когда заслужатъ ихъ...

Финляндцы требуютъ себѣ не равныхъ правъ съ Россіей, а несравненно большихъ. Они требуютъ полного равноправія и даже господства, безъ обязанностей. И то благо.

До смутнаго времени и царствованія Михаила Федоровича, почти вся Финляндія принадлежала Россіи, — особенно вся прибрежная часть ея. Царю Михаилу Федоровичу пришлось залѣчивать раны и язвы лихолѣтя. Былъ нуженъ миръ. Дорогою цѣною доставался ей этотъ миръ. Миръ со Швеціей обошелся лишеніемъ Финляндіи и всего побережья съ Невою, Копорьемъ и проч.

Великому Петру удалось оторвать у Швеціи многое. Нарва, Копорье, вся Нева и Выборгъ отошли къ Россіи. Въ царствованіе Александра I, какъ компенсація военныхъ подвиговъ, досталась нынѣшняя Финляндія *въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи*. Такъ какъ Финляндія досталась Россіи въ собственность и державное обладаніе, то и та часть Финляндіи, которую раньше войною же Петръ I пріобрѣлъ въ собственность и державное обладаніе, въ силу одинаковости культуры и національныхъ свойствъ

этих частей, была объединена съ приобретённою въ 1808 г. Но объ эти части были одинаково собственностью Россіи, при сохраненіи ихъ національныхъ областныхъ свойствъ.

Въ дальнѣйшемъ финляндцы, точнѣе финляндскіе шведы, сумѣли примазаться ко Двору и путемъ фальшивыхъ докладовъ успѣли добыть себѣ такую массу льготъ, что въ послѣднее время осмѣлились возмечтать о полной независимости и державной самостоятельности Финляндіи. И такую претензію обнаружили не только тѣ финны, кои были завоеваны Александромъ I, но и тѣ, кои были завоеваны Петромъ I.

Когда въ силу политическихъ и стратегическихъ соображеній, правительство рѣшило выдѣлить изъ Выборгской губерніи двѣ волости къ Петербургской губерніи, то финны подняли гвалтъ, какъ будто бы Россія осмѣлилась покуситься на ихъ фанфаронныя державныя права. Пущены были бутаторскіе грома и Россія посажена была на мировую скамью подсудимыхъ.

Между тѣмъ Финляндія, не неся тяготъ и потерь военной службы, не платя общегосударственныхъ налоговъ, живя въ полномъ покоѣ подъ покровомъ Россіи, обладая такими льготами, какія никогда и не снились кореннымъ русскимъ гражданамъ, пришла въ завидное матеріальное благосостояніе. И при всемъ томъ, она дерзко, нагло и нахально отказывается отъ участія въ несеніи общегосударственныхъ налоговъ. Фин-

ляндія забывается. Она не хочетъ себѣ представить, что Россія, послѣ долготнаго лишенія, рѣшится ввести въ Финляндію 5—6 корпусовъ съ надлежащими орудіями и пулеметами и превратить Финляндію въ обычную русскую провинцію, лишивъ ее тѣхъ льготъ и преимуществъ, кои она успѣла подложными способами себѣ добыть. И это можетъ быть гораздо легче, чѣмъ она думаетъ.

Финляндія должна знать, что она такая же часть Россійской имперіи, какъ и всѣ остальные ея части и войти въ тѣ рамки, въ кои ее устанавливали самые прогрессивные современники императора Александра I. Вотъ что говоритъ по поводу Финляндіи П. И. Пестель ¹⁾.

(«Финляндія, Эстляндія, Лифляндія... И разныя другія племена, внутри государства обитающія, никогда не пользовались и никогда пользоваться не могутъ самостоятельною независимостью... Россія есть государство единое и нераздѣльное, а потому всякая мысль о федеративномъ для нею устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло»)

Многіе утверждаютъ, что финляндцы—высококультурная нація и потому имѣетъ право на автономію. Совершенно неправильно и невѣрно. Финляндія не имѣетъ своей исторіи. Ея литература почти отсутствуетъ. Ея наука и художество стоятъ на низкомъ уровнѣ. И только благосостояніе ея

¹⁾ П. И. Пестель. Русская Правда, стр. 15.

народной массы неизмѣримо выше такового же благосостоянія русской народной массы. И это весьма естественно. Сто лѣтъ финляндцы не отбываютъ воинской службы. Ея болѣе крѣпкая и мощная молодежь не гибнетъ на войнѣ, а наша гибнетъ. И тѣмъ не менѣ финскій народъ гораздо уродливѣе и плоше, чѣмъ русскій. Финляндія не несетъ государственныхъ налоговъ и ея масса богаче, чѣмъ русская. И тѣмъ не менѣ финляндцы тупѣе русскихъ, глупѣе ихъ, узки и пьяницы. Пьяницы финляндцы, не смотря на то, что алкоголь въ Финляндіи запрещенъ. Они пьютъ эфиръ и контробандный ромъ. Карты распространены повсюду и картежная игра доходитъ до азарта въ народѣ. Ножовщина неизмѣримо чаще, чѣмъ въ Россіи. Въ школахъ наказанія гораздо чаще и грубѣе. Обхожденіе съ бѣдными и неимущими доходитъ до публичной продажи... Это высокая культура...

Во имя государственной и общечеловѣческой справедливости финляндцы въ Россіи должны быть подведены подъ одинъ знаменатель со всѣми подданными: въ Финляндіи всѣ русскіе подданные должны пользоваться равными правами, — въ Финляндіи долженъ быть введенъ государственный русскій языкъ въ школы, суды и всѣ государственныя учрежденія, — въ Финляндіи должна быть введена общегосударственная воинская служба, — въ Финляндіи должна быть русская государственная монета, — въ Финляндіи должна быть одна съ Россіей таможня, — въ Финляндіи должны быть

одни съ Россіей суды, — въ Финляндіи должны быть одни и тѣ же налоги, что въ Россіи. И когда все сіе совершится, тогда только финляндцы получатъ равныя права съ русскими въ Россіи, — до тѣхъ же поръ имъ должны быть поставлены всевозможныя препоны и ограниченія.

Никто не тронетъ ихъ родного языка, ихъ вѣры, ихъ правовъ и обычаевъ, ихъ культуры, если они будутъ считать ее для себя достаточной.

Вообще о мелкихъ соподчиненныхъ націяхъ нужно сказать то, что сказалъ Д. И. Менделѣевъ: «если исторически ослабѣвшія народности, подобныя армянамъ, могутъ разсчитывать на будущее развитіе, то только при одномъ условіи, чтобы они не только мирно уживались со своими ближайшими сосѣдями, но и твердо держались тѣхъ русскихъ началъ, которыя даютъ имъ защиту отъ рядомъ живущихъ съ ними ихъ давнихъ враговъ, сломившихъ ихъ когда-то временно существовавшую независимость».

Что касается мелкихъ инородцевъ, не имѣющихъ ни своей литературы, ни своей даже письменности, ни азбуки, ни исторіи, ни культуры, то они не имѣютъ права на отдѣльное существованіе и должны слиться съ русскою національностью и быть поглочены державною господствующею народностью русской, пользуясь, разумѣется, всѣми ея правами.

Здѣсь же умѣстно будетъ сказать о переселеніи въ Россію: вновь селиться на Кавказѣ мо-

гутъ исключительно одни русскіе и никакимъ другимъ народностямъ абсолютно не должно быть мѣста для поселенія.

Всякъ, кто добровольно переселился въ Россію съ цѣлю пользоваться ея благами, кто бы онъ ни былъ, долженъ оставить свою прежнюю національность за границу Россіи, въ Россіи же онъ долженъ стать русскимъ, — въ противномъ случаѣ ему нѣтъ мѣста въ Россіи. Объ этомъ должны подумать наши нѣмцы колонисты...

Позволю себѣ сказать здѣсь слово объ отношеніи *подвластныхъ Россіи народовъ къ другимъ такимъ же.* Въ настоящее время мы видимъ непозволительное и недопустимое явленіе. Одни второстепенныя народности позволяютъ себѣ вліять и ассимилировать другія болѣе слабыя народности. Такъ, поляки давятъ русскихъ, литвиновъ, бѣлоруссовъ и проч. и стремятся ихъ ополячить. Финны офиниваютъ корель, лопарей и проч. Армяне стремятся то же сдѣлать на Кавказѣ... Такое явленіе абсолютно недопустимо. *Только одна державная нація имѣетъ право на поглоченіе соподчиненныхъ ей некультурныхъ и національно слабыхъ народностей.* Вина администраціи русской, что она до сихъ поръ позволяла такія дѣянія. Русскіе не должны стѣсняться никакими жертвами, затратами, лицами и средствами въ дѣлѣ ассимиляціи мелкихъ народностей. Дальнѣйшее позволеніе офинивать корель, лопарей и проч. финнами должно въ будущемъ разсматриваться какъ

преступленіе со стороны русской администраціи.

Насколько мы руссифицируемъ подвластныхъ намъ иностранцевъ — показываетъ слѣдующій фактъ:

Рѣчь идетъ о бурятскихъ школахъ. Преосвященный Веніаминъ, извѣстный въ свое время дѣятель въ Сибири, доказываетъ, что Буряты-міряне были глубоко равнодушны къ монгольской грамотѣ, обученіе которой «распоряженіемъ русскаго начальства» введено въ общественныя школы при степенныхъ думахъ. Но заботы начальства объ укрѣпленіи «инородческаго духа» этимъ не ограничились.

Изъ этихъ школъ нѣкоторые воспитанники изъ язычниковъ поступали въ иркутскую и казанскую гимназіи и потомъ даже въ университеты. И въ гимназіяхъ и въ университетахъ имъ, какъ ино-родцамъ, оказывалось особенное вниманіе, было даже предписано отъ министерства народнаго просвѣщенія казанской гимназіи не крестить ихъ, чтобы удержать отъ перехода въ русскую національность, а для исполненія мнимыхъ религиозныхъ требъ при нихъ находился лама на казенномъ содержаніи. При выпускѣ въ удостоеніи ученыхъ степеней имъ оказывалось снисхожденіе преимущественно передъ Русскими. Все это не могло не побуждать ихъ дорожить своею національною, ради которой они пользовались такимъ вниманіемъ. По возвращеніи на родину они старались внушить и прочимъ бурятамъ — дорожить своею національною и не искать перехода въ русскую (черезъ

принятіе православія). Одинъ изъ такихъ (Бадмаевъ), обучавшійся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петербургскомъ университетѣ, сталъ собирать сугланы (сходки) Бурятъ съ этою цѣлью, указывалъ на братьевъ-монголовъ, на славное царство Чингисъ-Хана. Ламы вездѣ встрѣчали его съ музыкою и тѣмъ поддерживали въ народѣ мысль о важномъ значеніи его пропаганды. Хотя пропаганда совершалась открыто въ виду русскаго начальства (что еще болѣе могло увѣрить въ пользѣ ея и законности), народъ, повидимому, туго относился къ этой агитаціи, и, когда Бадмаевъ сталъ распространять въ средѣ его письменныя прокламаціи, онъ самъ представилъ ихъ начальству. Дѣло объ этихъ прокламаціяхъ восходило до третьяго отдѣленія собственной его величества канцеляріи и тѣмъ, повидимому, кончилось. Но мысль поднять бурятскую народность не была оставлена. Депутація 1873 г. была плодомъ этой мысли. Народъ въ ней не принималъ никакого участія, кромѣ развѣ взноса лишняго темнаго побора, и не давалъ никакого приговора. Депутаты отправились въ Петербургъ секретно съ паспортами по частнымъ надобностямъ, слѣдовательно, безъ всякаго законнаго уполномочія отъ бурятскихъ обществъ. Предметомъ ходатайства ихъ было не ограничивать числа ламъ и дацановъ штатомъ и дозволить заводить частныя школы для обученія Бурятъ монгольскому и тибетскому языкамъ. Цѣль обоихъ ходатайствъ—усилить ламство и пробудить націо-

нальное чувство въ бурятахъ, съ принятіемъ православія дѣлающихся Русскими. Какъ вредна эта цѣль и для государства, и для христіанства — понятно само собою (Окраины Россіи).

Въ предѣлахъ Австріи, въ Галиціи и Угорщинѣ стонутъ наши родные братья русскіе подъ игомъ польскимъ и жидовскимъ. Мы являемся только молчаливыми свидѣтелями истязаній, чинимыхъ надъ ними, подъ покровительствомъ законныхъ властей Австріи. Мы молчимъ и при первомъ же словѣ о нашихъ братьяхъ, намъ внушаютъ: «Ахъ, объ этомъ говорить не слѣдуетъ!..» «Ахъ, это осложняетъ международныя отношенія!.. Международныхъ отношеній у насъ нѣтъ. Таковыя могутъ быть только между людьми равноправными. Мы же, русскіе, держимъ себя въ международномъ отношеніи рабски и хамски. Нѣтъ той ничтожной народности, которая не наносила намъ безнаказанно національнаго оскорбленія. Даже Персія могла насъ оскорбить безнаказанно... Доколѣ, Господи, доколѣ!..

Чтобы тамъ ни говорили наши импотентные мудрецы, а мы должны сказать: доколѣ наши братья будутъ стонать въ Галиціи и Угорщинѣ, мы не имѣемъ права считать себя успокоенными и въ государственномъ отношеніи окончательно устроенными...

Наши братья протестуютъ въ Австрійскомъ парламентѣ противъ попранія ихъ законныхъ правъ

и мы должны поддерживать ихъ всѣми мѣрами. Вотъ ихъ вопль:

«Нынѣшнее королевство Галиція-Лодомерія, бывшее русское галицко-владимірское княжество, присоединенное къ Австрійскому государству на основаніи правъ, принадлежавшихъ венгерской коронѣ, было признано коронной землей подъ названіемъ Червонной Руси *Russia Rubra* не только международнымъ договоромъ *inter suam Majestatem Imperatricem et Reginam Hungariae et Bohemiae et suam Majestatem Regem Rempublicamque Poloniae*, но также и высочайшими патентами 11 сентября 1772 г. и 15 ноября 1773 г. Вѣрное латинское названіе *Rutheni* было передано въ нѣмецкомъ языкѣ выраженіями: *Russen, Kleinrussen*, которыя были включены во всѣ государственные акты и документы.

Равнымъ образомъ въ университетѣ императора Франца-Иосифа въ Львовѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ была учреждена коллегія, въ которой преподаваніе велось на русскомъ языкѣ. Словомъ, государствомъ было признано культурное и національное единство Малороссовъ Галиціи и Буковины съ Русскими и вѣнское правительство до послѣдняго времени поощряло укрѣпленіе этого единства. Послѣ введенія конституціи въ 1867 г. произошла перемѣна. Ожесточенная національно-политическая борьба между галиційскими Малороссами и могущественнымъ польскимъ элементомъ повела къ тому, что развитіе первыхъ уклонилось съ вѣрнаго пути. Преслѣдуемая и угнетаемая за

русскую азбуку и церковныя пѣснопѣнія, часто безосновательно подозрѣваемая, значительная часть малорусской интеллигенціи уклонилась съ историческаго пути культурнаго и національнаго развитія своего народа. Она отказалась отъ русской азбуки и издревле существовавшего правописанія, не оцѣнила должнымъ образомъ національный характеръ греко-католической автономной церкви, ввела новую азбуку и правописаніе и латинизирующія новшества въ греко-католическій ритуаль, и въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ указанныхъ галиційскихъ факторовъ отказалась отъ своего освященного исторіей и традиціей наименованія. Нынѣ признаніе исторически и научно обоснованнаго культурнаго и національнаго единства галиційскихъ Малороссовъ съ русскимъ племенемъ почитается даже измѣной государству. Какъ представители второй по величинѣ малорусской партіи, за которую, несмотря на слышанныя злоупотребленія, и въ этотъ разъ было подано 146,000 голосовъ, мы протестуемъ противъ систематическаго подавленія Малороссовъ со стороны галиційскихъ Поляковъ и требуемъ для нашего народа скораго осуществленія національной автономіи въ духѣ историческаго государственнаго права и на основаніи конституціи 1867 г. Какъ потомки Малороссовъ, которые высоко ставили идею единства австрійскихъ Малороссовъ съ русскою культурою, которые на поляхъ сраженій Мадженты, Сельферино, Градца и Кенниггреца жертвовали жизнью за государство

и династію, мы рѣшительнѣйшимъ образомъ протестуемъ противъ того, чтобы наше чисто культурное національное партійное направленіе было лишено дарованнаго законами права на признаніе въ Австріи русскаго литературнаго языка и противъ объявленія насъ безправными въ государствѣ. Мы вступаемъ въ высокую палату съ надеждою на лучшее политическое будущее и съ горячимъ желаніемъ совмѣстной работы на пользу народа, государства и славной династіи».

Нашъ долгъ заступиться за нихъ и бороться открыто съ предателями и измѣнниками родины. Пора Кіевской администраціи открыть глаза на Грушевскихъ и проч. провокаторовъ. Всѣ должны исповѣдывать символъ премьера министра В. Н. Коковцева: у насъ прошло время политики лицъ и наступило время національно-государственной пріемственности.

Вотъ что говоритъ извѣстный намъ дѣятель въ области націонализма, А. И. Савенко ¹⁾. «Австрія дала полякамъ очень почетное порученіе—быть палачами русской Галиціи и поляки съ азартомъ выполняютъ это порученіе. Все русское объявлено въ Львовѣ подъ строгимъ запретомъ... Тяжесть положенія Прикарпатской Руси увеличивается еще благодаря тому, что высшій классъ ея давно измѣнилъ родному народу и ополячился. Народъ остался безъ вождей, безъ русской интеллиген-

¹⁾ А. И. Савенко. По славянскимъ землямъ, 1911.

ціи»... Не тоже ли и у насъ было въ Бѣлоруссіи, Малороссіи и Литвѣ... «Мы цѣною великихъ жертвъ и усилій освободили южныхъ славянъ и ничего не сдѣлали для освобожденія 4 милліоновъ русскихъ... Національная политика прежде всего и главнѣйше всего въ томъ и заключается, чтобы всю націю собрать въ одно государство. И пока мы этого не достигли, всѣ наши помыслы должны быть направлены къ этому»...

Братья славяне. Русскій народъ, въ силу прирожденнаго ему чувства *всечеловѣченія*, проливалъ свою кровь вездѣ и всюду, гдѣ только ему указывали на несправедливость и засилье. Русскіе сражались съ французами за интересы Австріи и прославили свое имя съ безсмертнымъ Суворовымъ въ Швейцаріи. Русскіе вели Европейскія войны то за интересы Пруссіи, то за интересы Австріи. Русскіе помогали Австріи смирить возмущившихся ея подданныхъ—венгерцевъ. Русскіе проливали кровь за славянъ Бокки Катарской, Черногоріи и Греціи и прославили свое имя въ лицѣ адмираловъ Ушакова, Гейдена и др. Русскіе проливали кровь за освобожденіе изъ подъ ига турецкаго грековъ, румынъ сербовъ, болгаръ и т. д. и т. д. Все это хорошо. Все это похвально. Но... такимъ нашимъ заступничествомъ мы добились того, что всѣ эти наши славянскіе братья сморгѣли на насъ, какъ на своихъ обязанныхъ батраковъ. Какъ только кто изобидитъ ихъ, такъ Россія и *должна* ихъ выручать. Если выручить—такъ и должно быть. Въ

благодарность тѣже вырученные братушки и лягутъ эту глупую Россію, какъ это сдѣлали Стамбуловы, Каравеловы и проч. шушера... А Боже храни, если русскіе не прійдутъ на помощь... Тутъ уже нѣтъ предѣла издѣвательствамъ, брани и помямъ по адресу Россіи. И Россія терпитъ. Это глупо,—но вѣрно. Пора этому положить конецъ.

Россія велика, могущественна и сильна. Ея войска стоятъ на высотѣ современнаго величія. Ея военная мощь составляетъ предметъ союзныхъ вождѣлений всѣхъ странъ Европы,—а самое главное — предметъ искреннихъ пожеланій всякаго намъ зла. Всѣ эти наши друзья и союзники боятся насъ и ненавидятъ всѣми силами своихъ испорченныхъ заячьихъ душъ. Они дѣлаютъ видъ, что они презираютъ насъ. Ложь. Трусы не могутъ презирать. Ихъ удѣлъ завидовать и ненавидѣть...

Наша литература первая въ мірѣ. Наше художество и искусство первое въ мірѣ. Наша наука не хуже, какъ въ другихъ странахъ. Наше богатство безпредѣльно. Наше хозяйство на низкой ступени — это правда. Нашъ народъ невѣжественъ—это правда. Но мы будемъ учиться и выучимся. Учиться никогда не стыдно.

А что мы выучимся и скоро выучимся я ни одной минуты не сомнѣваюсь. Желалъ бы я знать дѣло, которое русскіе не «произошли бы» и не превзошли бы. П. А. Столыпинъ былъ совершенно правъ, сказавъ: дайте Россіи отдохнуть 20 лѣтъ и вы увидите, что изъ нея выйдетъ...

Гдѣ мы будемъ учиться: у нѣмцевъ или у своихъ братьевъ славянъ—чеховъ,—это безразлично. Мы сдѣлали слишкомъ много для славянъ, чтобы чувствовать себя имъ обязанными, если 200—300 нашихъ хозяевъ поучатся хозяйству у нихъ. Рядомъ съ этимъ мы можемъ сейчасъ же сказать—мы въ нихъ не нуждаемся. Ибо если они возмнятъ, что они слишкомъ насъ этимъ обяжутъ, то пускай знаютъ, что мы всегда можемъ обойтись и безъ нихъ. Мы можемъ учиться у нашихъ образцовыхъ хозяйствахъ, кои въ имѣніяхъ князя Васильчикова, графа Бобринскаго и у многихъ, многихъ другихъ. Мы можемъ учиться и у нѣмцевъ. Наконецъ, если даже мы будемъ учиться и у чеховъ, то вѣдь не даромъ. Вотъ почему я еще разъ повторяю и повторяю смѣло и убѣжденно:

Россія ни въ комъ не нуждается и можетъ существовать одна безъ всякихъ союзниковъ и помощниковъ.

Тѣмъ болѣе мы можемъ сказать, что Россія не нуждается въ помощи и содѣйствіи западныхъ славянъ. Мы жили безъ нихъ, живемъ безъ нихъ и проживемъ безъ нихъ.

Почему-это, однако, у насъ существуетъ убѣжденіе, убѣжденіе твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ весьма не выгодное, что мы поставлены судьбою для защиты и спасенія нашихъ западныхъ братьевъ-славянъ. Но этого мало. И они почему-то думаютъ, что Россія та дойная корова, которую западные славяне во всѣ дни

невзгоды имѣютъ право сосать. И мы не смѣли отъ этого отказаться. При чемъ достаточно выдоивши, они считаютъ свое дѣло оконченнымъ и могутъ отвернуться отъ насъ, предварительно сплюнувши. Единственною за это благодарностью они признаютъ ослиное ляганье. А Боже храни, если Россія не дастъ возможность себя подѣить. Сколько плевковъ, издѣвательствъ и омерзительныхъ ругательствъ на нее посыпется... Разумѣется, все это указываетъ на высокія нравственныя качества нашихъ облагодѣтельствованныхъ сородичей... Эта ихняя добродѣтель дала возможность охарактеризовать ихъ М. О. Меньшикову очень мѣткимъ терминомъ «бѣдной родни», «родни приживалки»... Этотъ терминъ злой, но мѣткій и правдивый. Замѣчательно то, что онъ оправдываетъ себя и въ эволюціи дѣла. Къ такимъ же приживалкамъ по всѣмъ правамъ относилась и Болгарія, по освобожденіи ея отъ турецкаго ига. Но съ тѣхъ поръ какъ она оправилась, съ тѣхъ поръ, какъ она разбогатѣла, съ тѣхъ поръ, какъ она стала независима, — она первая является болѣе или менѣе искреннимъ нашимъ другомъ, — и чувства ея благодарной признательности проявляются на каждомъ шагу. Даромъ, что ея Царь — ненадежный нѣмецъ. Государства живутъ не мѣсяцами и годами и, *я убѣжденъ, что болгарскій народъ никогда не позволитъ себѣ стать въ ряды нашихъ враговъ и пролить кровь своихъ братьевъ освободителей.*

Къ остальнымъ же славянамъ терминъ М. О.

Меньшикова очень идетъ. До сихъ поръ было такъ: «нужно было что-нибудь мелкому славянину отъ Россіи — онъ приходитъ и кланчигъ. Выклянчигъ — легитъ и позоритъ того же русскаго!»¹⁾. Иного отношенія, говоритъ М. О. Меньшиковъ²⁾, отъ мелко-славянскихъ народцевъ къ Россіи мы и ждать не могли. Со стороны бѣдныхъ родственниковъ никогда не ждите ничего, кромѣ зависти, а если вы еще имѣете глупость облагодѣтельствовать ихъ хоть разъ въ жизни, — то ничего не ждите, кромѣ оскорбленной жадности и желанія, при случаѣ, нагадить вамъ».

И это совершенно вѣрно.

«Бѣдные родственники по отношенію къ родственному богачу держать себя подобострастно лишь до тѣхъ поръ, пока онъ щедръ на подачки; а въ душѣ они всегда завидуютъ ему и ненавидятъ» (А. И. Савенко).

«Славянство въ мировомъ значеніи — это мы, Русскіе и пока, къ сожалѣнію, никто больше. Остальныя славянскія племена слишкомъ малочисленны, а главное такъ раздроблены, такъ глупо разгединены и такъ враждебны другъ къ другу, что политическаго и мирового значенія не имѣютъ вовсе. Большинство зарубежныхъ славянъ состоятъ подъ нѣмецко-венгерско-турецкимъ игомъ и неспособность ихъ свергнуть это иго уже доказана... Въмѣсто того, чтобы разбить нѣмцевъ».

¹⁾ Проф. П. П. Ковалевскій. Славяне и Россія 1911 г.

²⁾ М. О. Меньшиковъ. Сомнительная родня. 1911 г.

венгровъ и турокъ, западные славяне только и могли, что быть сами разбитыми своими сосѣдями. Причины разгрома западнаго славянства много, но общій знаменатель этихъ причинъ—славянская слабость, славянская безхарактерность, и, какъ особенное горькое послѣдствіе безхарактерности, склонность къ разъединенію, взаимной грызни»... Во всякомъ случаѣ, если въ славянахъ возможны какія либо мечты о великодержавной роли, то они немислимы внѣ Россіи. Это—со стороны національной мощи. Что касается *національной культуры*, то, при всѣхъ своихъ бѣдственныхъ условіяхъ, *Россія идетъ въ этомъ отношеніи впередъ славянства*... Во всѣхъ отношеніяхъ Россія имѣетъ право сказать *славянство—это я*... Не намъ приходится искать у западныхъ славянъ, а имъ у насъ» (М. О. Меньшиковъ).

Хотя мелкіе славяне жить съ нами въ единеніи и дружбѣ—хорошо. Мы противъ этого ничего не имѣемъ. Не хотятъ,—не нужно. Они намъ не нужны. Мы безъ нихъ ничего не теряли и не потеряемъ. «Политика Россіи должна быть только національной, а это значить, что она должна быть не славянской, а только русской, т. е. политикой національнаго эгоизма. Болѣе того, политика Россіи часто будетъ оказываться антинаціональной, если она будетъ непремѣнно славянской. Наша политика должна быть славянской лишь постольку, поскольку этого требуютъ наши чисто національные интересы».

«Всѣ безъ исключенія славяне думаютъ только о себѣ, только о своихъ собственныхъ интересахъ. Каждый изъ славянскихъ народовъ по своему устраиваетъ свою судьбу. Это ихъ дѣло. Но будемъ же и мы, русскіе, думать только о себѣ, заботиться только о нашихъ русскихъ, національно-государственныхъ интересахъ. Всѣ западные и южные славяне—глубочайшіе націоналисты. Будемъ же и мы въ политикѣ только націоналистами... Національная политика прежде всего и главнѣйше всего въ томъ и заключается, чтобы *всѣ нации собрать въ одно государство*... И если для заключенія между Россіей и Германіей тѣснаго союза придется пожертвовать интересами чеховъ и прочаго западнаго (но не южнаго) славянства, мы, ни на минуту не задумываясь, должны это сдѣлать, какъ дѣлаютъ нынѣ поляки и чехи». (А. И. Савенко).

Дальнѣйшія наши отношенія къ славянамъ должны быть таковы. Россія была, есть и будетъ одна, сама въ себѣ. Политика Великаго Монарха—націоналиста, Александра III,—политика полной свободы отъ всякихъ союзовъ—есть самая великая и разумная политика. Всѣ союзы съ Германіей, Франціей, Англіей и проч. ведутъ только къ тому, что союзныя державы нашими руками загребаютъ жарь. Когда же мы находимся въ тяжкомъ положеніи, то наши союзники только ухмыляются и въ душѣ радуются. Россія должна быть сама для себя. М. О. Меньшиковъ правъ, говоря,

что нашему національному мотовству пора положить предѣлъ. Пора намъ бросить проливать нашу кровь за братушекъ, въ Китаѣ, Персіи и проч. А вмѣстѣ съ тѣмъ пора намъ умѣть защищать наше національное достоинство и не церемониться разгромленіемъ 30—40 китайскихъ, персидскихъ и проч. поселковъ за каждую русскую голову, погибающую отъ руки китайскихъ и персидскихъ злодѣевъ. Пора намъ привлекать къ отвѣтственности и тѣхъ русскихъ, выжившихъ изъ ума правителей, которые, по своему скудоумію, шлютъ на убой ничтожныя и завѣдомо подлежащія убою русскія войска...

Нашими родными кровными являются обитатели Галичины и Угорщины. За ихъ освобожденіе отъ польскаго и жидовскаго ига мы не только можемъ, но и должны пролить кровь. А еще лучше обмѣнять ихъ на совершенно ненужную злѣйше враждебную Польшу. Ей лучше будетъ подъ покровительствомъ Пруссіи, а наши братья пускай возвратятся къ намъ.

Ближайшими нашими кровными являются остальные славяне. Намъ пріятно быть съ ними въ добрыхъ отношеніяхъ, но проливать нашу кровь за освобожденіе анексированныхъ боснійцевъ и герцеговинцевъ глупо и бессмысленно.

На насъ посыпались громы и молніи за то, что мы не вступили въ бой съ Австріей за анексированныхъ боснійцевъ и герцеговинцевъ и вооружившихся сербовъ. А знаютъ ли славяне, кто

насъ поддерживалъ во время японской войны? Кто насъ снабдилъ судами и проч.? Крейсера, горюють, оказались негодными. Это вина не нѣмцевъ, продавшихъ суда намъ,—а тѣхъ русскихъ, которые покупали и принимали ихъ, и имена которыхъ, къ сожалѣнію, остались неизвѣстными...

Желають братья — славяне—чехи, болгары, сербы, черногорцы и проч. съ нами быть въ добрыхъ отношеніяхъ—отлично; но бѣжать къ нимъ съ распростертыми объятіями—глупо. Россія по своему положенію во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ такъ высоко, что славянскіе народы должны заискивать въ ней, уважать и почитать ее, а не мы, русскіе, къ нимъ бѣжать. Особенно пускай Сербія попомнить и поразмыслить. Съѣздъ славянскихъ журналистовъ въ Бѣлградѣ лѣтомъ 1911 г. Ни одинъ порядочный русскій не долженъ теперь являться въ Сербію безъ того, чтобы Сербія десять разъ искупила свою тяжкую предумышленную вину, свой наглый постутокъ. Ни одинъ сербъ не смѣетъ явиться въ Россію, пока сербская подлость на съѣздѣ не будетъ искуплена десятирицею.

Съ давнихъ поръ Россія съ распростертыми объятіями принимала всѣхъ переселенцевъ славянъ, армянъ и проч. въ Россію. Довольно. Эта политика должна быть прекращена навсегда. Всѣ эти переселенцы въ Россіи остаются прежними армянами и проч. Этому впредь не должно быть. Кто желаетъ быть въ Россіи, тотъ долженъ *стать* русскимъ. Россія для русскихъ.—Кто не желаетъ

быть русскимъ, тогъ долженъ оставить Россію. Господа евреи, нѣмцы и проч., подумайте.

Еще одно слово. Теперь завелась мода ѣздить съ визитами и на сѣзды къ разнымъ славянамъ. Мило. Нельзя ли, гг. русскіе ораторы, по осторожнѣй говорить отъ имени Россіи,—ибо не осторожныя и вдохновенныя шампанскимъ слова легко могутъ быть опровергнуты трезвыми заявленіями протеста въ газетахъ...

† Евреи. Евреи—народность, не завоеванная нами, а сама пришедшая къ намъ,—народность, нами нетерпимая, но которая настойчиво сама навязывается,—народность, отъ которой мы всѣми силами стараемся избавиться, а она руками и ногами держится за Россію и которая тѣмъ не менѣе, съ чрезвычайной яростью требуетъ *равноправія* съ державной націей.

Я—малороссъ. Выросъ съ жидами. Имѣлъ ихъ товарищами дѣтства. Шель съ ними въ университетѣ и до нынѣ съ нѣкоторыми въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Я ихъ знаю хорошо и стану говорить вполне безстрастно.

Каждый народъ имѣетъ свою религію по своему духу и вліяетъ на нее своими народными свойствами. Въ религіи народа—его душа. Особенно это характерно для евреевъ. Ихъ священныя книги заключаютъ въ себѣ не только религіозныя истины, но и политическія, и соціальныя и экономическія. Поэтому для лучшей характеристики на-

рода, мы дѣлаемъ маленькія выписки изъ его священныя книгъ.

Іегова создалъ міръ, все живущее и человѣка. Но съ первыхъ же шаговъ человѣкъ нарушилъ завітъ, положенный Іеговою между нимъ и человѣкомъ. И вотъ Іегова прежде всего *проклинаетъ* землю, которую только что создалъ, и все живущее на ней,—а человѣчество предастъ во всемъ его будущемъ—наказанію. Проходитъ небольшое время и одинъ изъ сыновей перваго человѣка убиваетъ своего брата. Новое *проклятіе*... «И раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ и воскорбѣлъ въ своемъ сердцѣ и сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ я сотворилъ, отъ человѣковъ до скотовъ, и гадовъ, и птицъ небесныхъ истреблю,—ибо я раскаялся, что создалъ».

Ну понятно истребленіе безпутнаго человѣка,—но за что же истреблять животныхъ и птицъ небесныхъ...

Но человѣчество живетъ. Оно образуетъ даже города, въ которыхъ впрочемъ человѣки творятъ страшныя безобразія и безчинства. Тогда Іегова выводитъ изъ Содома и Гоморры праведнаго Лота съ семействомъ, а городъ уничтожаетъ каменнымъ дождемъ... За что, за содомію?.. А теперь потомки содомійцевъ, и даже изъ жидовъ, безнаказанно являются редакторами газетъ...

Этотъ Іегова изъ всего созданнаго имъ человѣ-

чества выбираетъ излюбленнымъ народомъ евреевъ и имъ отдастъ весь міръ.

«Ты народъ святой у Господа Бога твоего: тебя избралъ Господь Богъ твой, чтобы ты былъ собственнымъ его народомъ изъ всѣхъ народовъ, которые на землѣ. И не вступай съ ними въ родство; дочери твоей не отдавай за сына его и дочери его не бери за сына своего... И будетъ Господь изгонять предъ тобою народы сія мало по малу; не можешь ты истреблять ихъ скоро, чтобы не умножились противъ тебя полевые звѣри, но предасть ихъ тебѣ и они погибнутъ и предасть царей ихъ въ руки твои и ты истребишь имя ихъ изъ поднебесной... Не вѣште никакой мертвечины; иноземцу, который служить въ жилищахъ твоихъ, отдай ее, пусть онъ вѣстъ ее, или продай ему...

Въ войнахъ съ народомъ, Іегова приказывалъ истреблять не только весь народъ непріятели до послѣдняго человѣка, но даже весь скотъ его, воловъ, овецъ и проч. Развѣ эта жестокость не напоминаетъ намъ изувѣрствъ, чинимыхъ въ 1905 г. революціонной массой, во главѣ которой стояли жиды—бундисты, когда тысячами отрубали копыта у цѣнныхъ лошадей и десками тысячъ—ноги у несчастныхъ овецъ...

А вотъ что говоритъ пророкъ Ісаія объ Іеговѣ: Ярость Господа Саваоа опалитъ всю землю и народъ сдѣлается какъ бы пищею огня. По первому небо и земля сдвинутся съ мѣста своего отъ яро-

сти Господа Саваоа въ день пылающаго гнѣва его... Вотъ придетъ день Господа лютой, съ пылающею яростію, чтобы сдѣлать землю пустынною... Мечъ Господа исполнится кровію, утучируютъ туки отъ крови. Третья часть народа умретъ отъ язвы и погибнетъ отъ голода,—третья часть падетъ отъ меча и третью развѣю по всѣмъ вѣтрамъ»...

О какъ жестоко, какъ несправедливо, какъ пристрастенъ еврейскій Іегова.

«Темный богъ Израіля, богъ хищничества, вымогательства, наживы, богъ обмана, предательства и всякой лжи и не правды, этотъ темный богъ насилія, злобы и мести идетъ впереди своего «возлюбленнаго» народа и предастъ насъ жидовскому заклятію и наводитъ на насъ непробудный сонъ, непостижный страхъ. (А. Бурнакинъ).

А вотъ нравственный кодексъ евреевъ. Евреи идутъ изъ Египта. И вотъ Іегова даетъ приказъ. И когда пойдете, то пойдете не съ пустыми руками: каждая женщина выпроситъ у сосѣдки своей и у живущей въ ея домѣ вещей серебрянныхъ и вещей золотыхъ и одежду и вы нарядите ими и сыновей вашихъ и дочерей вашихъ и *оберете Египетъ*»...

Я не стану дѣлать дальнѣйшихъ выдержекъ. Они всѣмъ извѣстны. Таковъ завѣтъ евреевъ. Такова и душа евреевъ. Иначе быть не можетъ. Религія—душа человѣка.

Не казисты евреи по библіи. Еще худшими они

являются по талмуду—толкованію библіи, гдѣ воплѣнѣ вылилась практическая душа еврея. Всѣ проявленія жестокости, безчеловѣчности, людоедства, челоуѣконеавистничества выражены здѣсь съ возможной полнотой и со всѣми жизненными случайностями,—а плутовство, обманъ, шантажъ и мошенничество возведены въ высокую нравственную защиту. И эти качества стали такъ у евреевъ прочными и національными, что нынѣ евреи уже не пужаются и въ талмудѣ. Ихъ талмудъ въ ихъ крови. Вѣдь не талмудъ создалъ евреевъ, а евреи создали талмудъ. Въ талмудѣ выразились національныя душевныя свойства еврея.

Особенно рѣзко въ талмудѣ проявляется челоуѣконеавистничество и величайшее презрѣніе къ христіанамъ. Одни только евреи люди,—а остальные ихъ рабы и ничтожество.

«По ученію Талмуда, говоритъ о. Пранайтисъ ¹⁾, еврей тѣмъ самымъ, что принадлежитъ къ народу избранному и подвергается обрѣзанію, обладаетъ такимъ достоинствомъ, что никто не можетъ сравниться съ нимъ, даже ангель.

Мало того, онъ считается равнымъ самому Богу. «Кто ударитъ израильтянина по щекаѣ», говоритъ Ханина, «тотъ даетъ, такъ сказать, пощечину Величію Бога». Еврей всегда нравственъ и чистъ: этому не препятствуютъ никакіе грѣхи, которые не могутъ мараить его точно такъ, какъ

¹⁾ *Пранайтисъ*. Христіанство въ талмудѣ еврейскомъ.

грязь пачкаетъ одну скорлупу орѣха, но не ядро. Одинъ израильтянинъ есть челоуѣкъ, вся вселенная принадлежитъ ему, все должно служить ему, особливо же «животныя въ челоуѣческомъ образѣ».

«Еврею повелѣвается гдѣ бы то ни было вредить христіанамъ, или косвенно—не дѣлать имъ добра, или же прямо: грабить имущество и на судѣ показывать противъ христіанъ; еврей не смѣетъ помогать христіанину въ случаѣ, если послѣдній находится въ безвыходномъ положеніи».

«Вся жизнь, все имущество гоя, какъ раба, созданнаго для сыновъ Израиля, находится въ распоряженіи еврея. Жизнь гоя отдана въ руки еврея,—тѣмъ болѣе, конечно, душа и тѣло его—такова раввинская аксіома. Отсюда слѣдуетъ, что еврей имѣетъ полное право безнаказанно отнимать у христіанъ всякое имущество, прибѣгая при этомъ къ всевозможнымъ уловкамъ, обману и плутнямъ».

Обращаясь къ характеристикѣ еврейскаго народа, нельзя не отмѣтить одной особенности его: всѣ народы занимаются добываніемъ плодовъ земли, растений и животныхъ,—еврей всю массую занимаются извлеченіемъ выгодъ отъ трудовъ челоуѣческихъ. Еврейскій народъ является какъ бы паразитомъ челоуѣчества.

По мнѣнію А. Мертваго ¹⁾, время для образованія еврейскаго народа прошло и созданіе своей національной территоріи, даже въ Палестинѣ, не приведетъ къ сохраненію его національной силы.

¹⁾ *А. Мертваго*. Нація, народъ, территорія.

Такой организм не может существовать, соединяя людей, осуществляющих только либеральную профессию, а еврейская нация, благодаря своему *высококультурному* уровню не может выдвигать из себя достаточно неудачников, которые бы легли в основу трудовых сил государства».

Мнѣ кажется, однако, что неспособность заниматься устойчивым трудом характеризует далеко не высокую культуру нации, а именно ея вырожденіе, дряблость и измельчаніе. Проявленіем высокой культуры нации служат: высокій умъ, образцовыя знанія, твердый и благородный характеръ, высокая нравственность. Этого всего у евреевъ именно и нѣтъ. Поэтому я гораздо болѣе склоненъ признать мнѣніе М. О. Меншикова, Гофштеттера и др., «которые въ еврейской нации принимаютъ именно паразитную націю». Въ отличіе отъ низшихъ кочевниковъ, которые живутъ какъ паразиты своихъ кочующихъ стадъ, евреи живутъ на человѣческихъ племенахъ, эксплуатируя трудъ послѣднихъ и направляя энергію ихъ въ свою пользу... Евреи были бы совсѣмъ ничтожными, если бы дѣйствовали собственными средствами,—но они всегда пользуются чужимъ трудомъ, чтобы плодами этого труда составить свое благополучіе. И въ этомъ отношеніи евреи никогда не могутъ исправиться. Опыты съ земледѣльческими колоніями на югѣ Россіи показали, что евреи свою землю отдали въ аренду, а сами занялись гешефтмахерствомъ. То, что евреи стремятся теперь закусить землю,

вовсе не значитъ, что евреи намѣрены заняться земледѣльческимъ трудомъ, а только то, что они желаютъ возможно больше извлечь пользы отъ христіанъ, обрабатывающихъ имъ ихъ землю. И въ этомъ случаѣ еврейскій паразитизмъ выражается въ очень яркой степени.

«Типичный еврей—существо особаго человѣческаго типа, именно паразитнаго, и въ силу этого онъ по природѣ существо преступное въ отношеніи тѣхъ обществъ, на тѣлѣ или, вѣрнѣе, въ тѣлѣ которыхъ онъ живетъ», говоритъ М. О. Меншиковъ ¹⁾.

И дѣйствительно исторія евреевъ всѣхъ временъ и странъ показываетъ, что они могутъ жить только паразитно, т. е. высасывая жизнь и блага у другихъ народовъ, среди которыхъ они живутъ.

Съ этой точки зрѣнія евреи—народъ антисоціальный и даже преступный.

«Мы видимъ въ еврействѣ, говоритъ Марксъ, общій современный антисоціальный элементъ, приведенный историческимъ развитіемъ, которому ревностно содѣйствовали евреи, къ его теперешнимъ размѣрамъ, къ тѣмъ размѣрамъ, когда онъ неизбежно долженъ исчезнуть... Деньги единственный богъ Израиля и нѣтъ у него бога иного, кромѣ его»... (Гофштеттеръ ²⁾).

Съ этимъ божкомъ въ рукахъ, евреи и пара-

¹⁾ М. О. Меншиковъ. Еврейская имперія.

²⁾ М. О. Меншиковъ. Сверхъ народъ.

³⁾ Гофштеттеръ. Капиталъ и юдаизмъ.

зиствуютъ во всемъ свѣтѣ. Каковы ихъ занятія? Торговля, контрабанда, перекупничество, комиссионерство, ростовщичество и проч.,— вотъ ихъ занятія. Не подлежитъ сомнѣнію, что финансы—важнѣйшій міровой двигатель. Эти финансы въ рукахъ евреевъ и само правительство въ настоящее время не въ состояніи справиться съ евреями. При помощи денегъ, евреи держатъ въ рукахъ привилегію, держатъ въ рукахъ общество, держатъ рабочій классъ. Развращающее дѣйствіе денегъ безпредѣльно и національная наглость и пронырство евреевъ вполне прикрываются подкупамъ.

Имѣя въ рукахъ деньги, евреи захватили въ свои руки печать, газеты и журналы. Свободныя профессіи, докторская, адвокатская, актерская, оперная и проч.,— все это монополизировано евреями. При помощи денегъ имъ доступны департаменты, канцеляріи губернаторовъ, суды и всѣ прочія учрежденія.

«Пронырливые, льстивые, угодливые, лицемерные—они покоряютъ насъ безъ боя, насъ—лѣнивыхъ, звѣвующихъ, податливыхъ, неустойчивыхъ, легковѣрныхъ. Окольными путями, закоулками, всякой неправдой евреи пробираются къ народнымъ сокровищамъ и овладѣваютъ ими. А славянская стихія покорно отступаетъ передъ чарамъ сіонскаго бѣса. О, эти «сіонскія чары: тутъ и подкупъ, и развратъ, и лесть, и порокъ, и ложь, и гордыня, все чѣмъ силенъ врагъ рода человеческого, чѣмъ покоряетъ онъ малодушныхъ, без-

вольныхъ и легковѣрныхъ. На сильнаго—раблѣ-пшемъ, на слабого—нахальствомъ, на малодушнаго—рублемъ, на мечтателя—посулкомъ, на чувствительнаго—похотью—такъ шествуетъ по Руси воинственный Израиль, такъ покоряетъ онъ «нечестивыхъ гоевъ». И вотъ плоды жидовскаго «очарованія».—Торговля, производства, ремесла, наука, литература, искуства, все народное хозяйство и весь духовный капиталъ—и тѣло и мысль народа—въ кабалѣ, въ откупѣ, подъ заклятіемъ евреевъ. Въ ихъ рукахъ биржа, банки, магазины, фабрики, заводы,—въ ихъ рукахъ газеты, театръ, книгоиздательства, въ ихъ рукахъ хлѣбъ и деньги, правосудіе и просвѣщеніе, все къ нимъ лишнетъ, все ими оскверняется. Еврей—если онъ не ростовщикъ, то развратитель, или предатель, или подстрѣкатель, или кровопійца, его путь—обманъ, грабежъ, его оружіе—развратъ и преступленіе. Въ торговлѣ онъ—шантажистъ, на биржѣ—стервятникъ, въ работѣ—надуватель, въ политикѣ—бунтовщикъ и предатель, на судѣ—лжесвидѣтель, въ печати и литературѣ—развратитель, отрицатель, челоѣко-ненавистникъ, въ искусствахъ—опошлитель, осквернитель, низменникъ, въ обиходѣ—нахаль, въ сношеніяхъ—сводникъ, въ обществѣ—фарисей съ улыбкой на лицѣ и съ камнемъ за пазухой ¹⁾).

При такихъ религіозныхъ, нравственныхъ и практическихъ качествахъ, естественно, еврейство во всей своей массѣ вызвало къ себѣ въ Россіи,

¹⁾ А. Буриакинъ. Въ плѣну іудейскомъ.

какъ и во всемъ мірѣ и во всѣ времена, всеобщую ненависть, презрѣніе и отвращеніе. Подобныя отношенія выразились въ формѣ погромовъ, погромовъ современныхъ и погромовъ тысячу лѣтъ назадъ. Погромы эти были и въ Испаніи, и въ Италіи, и въ Германіи и во Франціи и въ другихъ странахъ. Были они во времена недостаточнаго просвѣщенія, но были они и въ наши дни. Избиеніе евреевъ въ Венгріи было уже въ XX вѣкѣ. Едва не на дняхъ было избиеніе евреевъ въ Бельгіи и совсѣмъ недавно, о ужасъ, въ Англіи... Въ Америкѣ, гдѣ они своими капиталами оказываютъ огромное вліяніе, ихъ не допускаютъ въ приличные гостиницы, не принимаютъ въ порядочные клубы и не считаютъ себя равными. Ихъ доступъ въ Америку затрудняется почти на равнѣ съ желтою расою. Не терпятъ евреевъ въ Турціи и даже Китай признаетъ евреевъ людьми недобросовѣстными, вносящими въ промышленность и въ торговлю обманъ и подлогъ. Финляндія и Японія въ свои государства евреевъ вовсе не допускаютъ 1).

Даже украинофилы и тѣ питаютъ къ евреямъ нельзя сказать, чтобы нѣжныя чувства.

Вотъ что рассказываетъ по этому предмету г. Л. Ш.—гъ въ органѣ еврейскихъ націоналистовъ «Новый Восходъ».

Я вспоминаю 1905 г. Въ залѣ лесгафтовскихъ

1) Объ отношеніи всѣхъ современныхъ народовъ къ евреямъ смотри сочиненія М. О. Меньшикова. «Еврейская Имперія» и Дипранди. Равноправіе и еврейскій вопросъ.

курсовъ собрались на мирный конгрессъ представители народовъ Россіи. Всѣ были преисполнены самымъ пылкимъ энтузіазмомъ братства народовъ... Я случайно очутился среди группы украинофиловъ, когда на кафедрѣ сіонистскій ораторъ краснорѣчиво доказывалъ, что евреи всюду чуждый элементъ, что для ихъ блага, какъ и для блага ихъ сосѣдей, евреямъ необходима своя территория. Какъ магически дѣйствовали эти слова на моихъ сосѣдей! И, когда наступилъ перерывъ, милые украинцы съ большимъ подъемомъ заговорили о томъ, какъ правъ былъ сіонистскій ораторъ: вѣдь Украина только тогда и можетъ быть счастлива, когда она будетъ свободна отъ чуждыхъ элементовъ и станетъ единственнымъ хозяиномъ своей земли. Конечно, пока евреи живутъ среди насъ, они должны имѣть права, но лучше... *если бы они ушли въ Палестину... Украина—украинцамъ.*»

Кромѣ этихъ грубыхъ мѣръ, мѣръ насилія противъ евреевъ, нами принимаются и другія, болѣе мирныя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя, мѣры противъ натиска и захвата еврейскаго племени. Въ этомъ отношеніи уже практикуется многими даже въ Россіи, особенно въ Польшѣ, *тихий погромъ*, состоящій во всеобщемъ бойкотѣ еврейскихъ товаровъ. Этотъ тихій и законный погромъ настолько силенъ и могущественъ, что заставилъ многихъ евреевъ покинуть Россію и переселиться въ Палестину, Уганду и проч. Особенно силенъ и систематически проводится этотъ тихій по-

громъ въ Польшѣ, гдѣ поляки не стѣсняются выживать своихъ братьевъ поляковъ Моисеева Закона изъ Польши. Вотъ что говоритъ «Glos Warszawsky». «Евреи должны знать, что съ момента, какъ ихъ пребываніе въ гостяхъ стало тяжестью для поляковъ, — кончаются всѣ права на гостепрѣимство и наступить моментъ, когда евреи должны думать, какъ уйти изъ Польши».

Разумѣется, такое невыгодное мировое отношеніе народовъ къ евреямъ не могло не отразиться и на общей массѣ еврейкаго народонаселенія. И такъ стали появляться мысли о томъ, чтобы создать, наконецъ, нѣчто цѣлое, независимое, свое собственное, чтобы дало имъ опору и самостоятельность. Евреямъ понадобилась территорія, дабы составить собственное государство. И стали искать такую территорію. Воззрѣли на Палестину, — воззрѣли на Уганду, — воззрѣли на Аргентину... Но все это не то. Евреи слишкомъ не годны для того, чтобы не понять, что съ переселеніемъ въ свою землю, они лишаются своихъ основныхъ кровососныхъ паразитныхъ свойствъ. Имъ прійдется эксплуатировать самихъ себя. А они знаютъ хорошо, что не бываетъ болѣе ужасной и безпощадной борьбы, какъ если жидъ объявитъ жиду войну. Многіе прежніе мировые судьи мнѣ говорили, что на судѣ въ тяжбѣ легко примирить русскаго съ русскимъ, русскаго съ жидомъ, — но жиды съ жидомъ — никогда. Разумѣется, перспектива — грызть другъ

другу горло имъ не улыбалась, а потому всѣ эти сіонизмы — явленіе дутое и безплодное.

Тогда евреи стали разрабатывать такое положеніе, чтобы найти себѣ территорію вмѣстѣ съ рабами, отъ которыхъ они могли бы, будучи господами, легко высасывать себѣ деньги и кровь. Для этого нужно выбрать особенно податливую мягкую и стойкую народную массу. Какая же народность въ этомъ отношеніи можетъ быть наиболѣе подходящей, какъ не славянская. И вотъ теперь евреи стали заводить такіе территоріальныя очаги: въ Галиціи, Венгріи, Бессарабіи, Вѣльщини, Подоліи, Бѣлоруссіи и проч. Скупая земли за безцѣнокъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ имѣють дешевыхъ безземельныхъ бѣлыхъ негровъ, которымъ они отдають землю въ аренду и захватываютъ не только всѣ соки, — но и душу.

Такой захватъ евреями земли грозитъ намъ въ будущемъ великою опасностью и мы русскіе самымъ серьезнымъ образомъ должны обратить вниманіе на этотъ захватъ земли и, помимо воспрепятствованія законнымъ путемъ этому захвату, — установить строжайшую отвѣтственность губернаторовъ, допускающихъ обходъ законовъ въ этомъ отношеніи. Въ противномъ случаѣ мы можемъ скоро увидѣть въ своемъ государствѣ новое государство.

Но этого всего мало. Евреи добиваются многого. Для нихъ важно добиться двухъ положеній: равноправія въ Россіи и свободы въѣзда въ Россію ев-

реямъ другихъ странъ. При достиженіи того и другого, можно быть увѣреннымъ, Россія станетъ мѣстомъ сосредоточія евреевъ всего міра и превратится въ рабскую страну самыхъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ эксплуататоровъ.

И такъ, что такое еврей теперь. Это масса народонаселенія, мечтающая, что она избранный народъ божій, а потому не смѣшивающаяся съ другими народами и недопускающая другихъ народовъ въ себя. Все, что не еврей, подло, низко, гадко, хотя всякій еврей, безъ исключенія, сознаетъ, что онъ самъ собою представляетъ нѣчто подлое, отвратительное, презираемое, — а потому часто стремится прикрыть и защитить себя именемъ народа. Всѣ остальные народы въ глазахъ этой избранной массы являются жертвою эксплуатаціи во славу вечія и блага избранной націи.

Эта масса по отношенію ко всему окружающему безжалостна, безпощадна, безконечно жестока, безсердечна и презрительна. Человѣконенавистничество, людоедство, кровожадность и кровопійство по отношенію къ остальнымъ людямъ безграничны и безпредѣльны. Это освящается ихъ религіей. Это повелѣвается самимъ Іеговою. И это такъ длится давно, что стало плотію и кровію всякаго еврея.

Та же религія евреевъ освящаетъ всякій обманъ, воровство, мошенничество, шантажъ, клевету, ростовщичество и всякія другія гражданскія преступленія во славу имени Израиля. Клятвопре-

ступленіе, лжесвидѣтельство, отказъ отъ прежнихъ показаній—все это дѣтскія забавы въ сравненіи съ прочими мерзкими дѣянiями, оправдываемыми еврейскою этикою. Наглость, безстыдство, дерзость, низость—это основныя черты еврейства, какъ и, во время, самоуниженіе, продажа совѣсти, шпионажъ, торговля живымъ товаромъ и проч.

Этимъ далеко не исчерпываются всѣ спеціальныя національныя качества евреевъ. Но эти качества—ихъ прирожденные качества, освященные ихъ религіей и внушенные самимъ Іеговою. Мыслимо ли сожителство съ такимъ народомъ? Мыслимо ли равноправіе этой преступной по природѣ массы съ христіанами?

Между тѣмъ въ Россіи болѣе пяти милліоновъ евреевъ. Что же намъ съ ними дѣлать?

Наши продавшіеся или легкоумные либералы намъ говорятъ: дайте евреямъ равноправіе и всѣ наши внутреннія и внѣшнія невзгоды прекратятся сами собою. Благо. Войны не будетъ, ибо рабовладельцы водворятся мирно въ своихъ штатахъ. Послушайте, что говоритъ по этому поводу человекъ очень освѣдомленный и знающій, именно проф. Локоть ¹⁾.

«Объективныя статистическія данныя говорятъ намъ о томъ, что экономическая группировка болѣе или менѣе совпадаетъ съ группировкой національной, — а это служитъ указаніемъ съ одной стороны на то, что борьба національностей въ

¹⁾ Проф. Локоть. Оправданіе націонализма, 28.

большей или меньшей степени связана именно съ экономическимъ моментомъ, имѣетъ подъ собою почву въ неодинаковомъ уровнѣ экономического благосостоянія національныхъ группъ, какъ естественныхъ, а не социальнo-экономическихъ цѣлыхъ, а съ другой стороны будетъ заставлятъ насъ самымъ рѣшительнымъ образомъ признавать моментъ національнаго объединенія группъ въ качествѣ одного изъ могучихъ средствъ групповой самозащиты слабѣйшихъ группъ. Было бы предательствомъ по отношенію къ слабымъ группамъ, грубѣйшимъ нарушеніемъ принциповъ и интересовъ демократизма и явнымъ потворствомъ крайняго національнаго эгонизма болѣе сильныхъ національныхъ группъ. Скажемъ, если объективныя данныя говорятъ намъ о томъ, что еврейство, какъ національная группа, является въ то же время болѣе сильной экономической группой, а мы подъ флагомъ «равенства» и «равноправія» будемъ настаивать на предоставленіи еврейской группѣ еще большей возможности усиливать свое экономическое господство надъ другими, болѣе слабыми, группами, то это будетъ ни демократично, ни прогрессивно, ни гуманно, а будетъ только въ ущербъ демократіи болѣе слабымъ группамъ... Конечно, для еврейской группы въ цѣломъ «равенство» и «равноправіе» евреевъ будетъ выгодно... но съ точки зрѣнія великорусской, малорусской или бѣлорусской демократіи?.. Мы не можемъ не признать *противодѣйствіе* коренныхъ національныхъ группъ

еврейской въ борьбѣ за государственную власть *въ высшей степени законнымъ и справедливымъ* именно въ силу относительной слабости этихъ группъ, по сравненіи съ еврейской, въ экономическомъ отношеніи».

А вотъ что говоритъ по поводу равноправія евреевъ Ренанъ: До нашихъ дней еврей вкрадывается повсюду, требуя равноправія; но въ дѣйствительности не равноправія онъ хочетъ, ибо сохраняетъ вездѣ свои уставы ¹⁾. Онъ требуетъ тѣхъ же гарантій, которыми пользуются всѣ, и сверхъ того требуетъ исключительныхъ для него законовъ. Онъ хочетъ пользоваться преимуществами націи, не будучи таковой и не принимая участія въ исполненіи національнаго долга. На это ни въ коемъ случаѣ и никогда не можетъ пойти ни одинъ народъ. Націи представляютъ собою военныя учрежденія, мечемъ основанныя и мечемъ живущія; они представляютъ собою крестьянъ и солдатъ. Евреи ни чѣмъ не содѣйствовали ихъ установленію. Тутъ именно и кроется крупное недоразумѣніе, лежащее въ основѣ всѣхъ еврейскихъ притязаній. Иностранецъ, котораго терпятъ, можетъ быть полезенъ странѣ, но при томъ условіи, чтобы онъ не завладѣлъ странюю. Несправедливо требовать себѣ одинаковыхъ правъ съ членами семьи, домъ которой не вами выстроены, подобно птицамъ, устраивающимся въ чужомъ

¹⁾ Ренанъ. Антихристъ.

гнѣздѣ, подобно тѣмъ улиткамъ, которыя забиваются въ раковину другой породы».

Такимъ образомъ, помимо всѣхъ прочихъ соображеній, еврейское равноправіе въ Россіи недопустимо и невысказано изъ чисто экономическихъ соображеній.

Евреи и еврействующіе добиваются теперь другого: если нельзя равноправія, то снимите по крайней мѣрѣ для евреевъ черту осѣдлости. Благо. Легкомысленные люди поэтому и говорятъ: въ самомъ дѣлѣ, отъ чего же и не снять черту осѣдлости? Теперь жида сидятъ скопомъ на одномъ мѣстѣ и достаточно уже обѣли и выжали изъ несчастныхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ крови, — лучше евреевъ разсиропить и тогда они будутъ менѣе опасны и чувствительны для Россіи. Такъ ли? Чѣмъ на большее пространство будутъ раскинуты евреи, тѣмъ больше они используютъ народонаселеніе. Народонаселеніе Россіи, страдавшее прежде въ одной части Россіи, съ разселеніемъ евреевъ, будетъ предметомъ эксплуатаціи все и все и всюду будетъ страдать. Поэтому разселеніе евреевъ по всей Россіи будетъ преступленіемъ по отношенію къ Россіи и явнымъ попустительствомъ къ эксплуатаціи Россіи паразитнымъ народомъ.

Иной вопросъ о томъ: а какъ же быть съ малороссами и бѣлоруссами? Неужели такъ-таки, на вѣчныя времена малороссы и бѣлоруссы обречены на съѣденіе жидовъ?

Пора подумать о справедливости: за что же

несчастные малороссы и бѣлоруссы служатъ почвою для жидовскаго кровопійства. Нужно дать и имъ передохнуть и оправиться отъ съѣдающаго ихъ паразита. Малороссы хотя имѣли Гонту и Желѣзняка; но несчастные бѣлоруссы все время идутъ согнувши выю подъ жидовскимъ ярмомъ. А что же можно сдѣлать для нихъ? Одно изъ двухъ: или еврей Малороссіи и Бѣлороссіи могутъ найти себѣ исходъ на всѣ четыре стороны, или же пускай переселяются въ Польшу. Польша принесла намъ жидовъ, — Польша успѣла сродниться съ братьями поляками Моисеева закона, Польша давно знаетъ ихъ натуру, — Польша уже успѣла выработать способъ борьбы съ тѣми евреями, которые для нея являются не братьями поляками Моисеева закона, а паразитами ихъ націи.

Кромѣ Польши евреи могутъ найти себѣ исходъ въ Финляндію. Финляндцы полагаютъ, что они представляютъ собою націю высшей культуры. Отлично. И мы согласимся съ этимъ. Поэтому и еврей, какъ лица высшей въ культурномъ отношеніи націи, легко могутъ переселиться въ Финляндію, ибо финнамъ вовсе не страшна будетъ борьба съ евреями, какъ націи, стоящей выше евреевъ.

Въ послѣднее время мы встрѣчаемъ весьма энергичныя жалобы со стороны обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ евреевъ на чрезвычайно частыя несправедливости и ограниченія правъ евреевъ, живущихъ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, те ограничиваютъ 0/0 поступленія евреевъ въ университеты,

то ограничиваютъ 0/0 поступления на фармацевтическіе курсы, то ограничиваютъ поступления въ гимназіи и т. д. и т. д. Справедливо ли дѣлать эти ограниченія и назначать процентныя отношенія? Очевидно, раньше евреи имѣли эти права и только впоследствии стали ихъ обижать и ограничивать. Поэтому не лучше ли возстановить тѣ законы, при которыхъ евреи вступили въ Россію и ихъ уже держаться, не ограничивая, но и не расширяя ихъ. Посмотримъ же, каковы были эти законы?

Въ 1114 г. совѣтъ князей собрался въ Выдубичахъ и постановилъ: «выслать жидовъ изъ русской земли со всѣмъ ихъ имуществомъ и впредь непринимать ихъ, а *если они тайно войдутъ, то вольно ихъ убивать и грабить*».

Въ 1727 г. Екатерина I издала такой законъ: «Жидовъ, какъ мужска, такъ и женска полу, которые обрѣтаются на Украинѣ и въ другихъ Россійскихъ городахъ, всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно и впредь ихъ никакими образы въ Россію не впускать и того предостерегать во всѣхъ мѣстахъ на крѣпко, а при отпускѣ ихъ смотрѣть накрѣпко жъ, чтобы они изъ Россіи за рубежъ червонныхъ золотыхъ и никакихъ Россійскихъ серебряныхъ монетъ и ефимковъ отнюдь не вывозили; а буде у нихъ червонные и ефимки, или какая Россійская явится, и за оныя дать имъ мѣдными деньгами».

Въ 1740 г. императрица Елизавета Петровна издала такой законъ: «Какъ то уже по неодно-

кратнымъ предковъ нашихъ указамъ, по всей нашей имперіи жидамъ жить запрещено. Но нынѣ намъ извѣстно учинилось, что оныя жиды еще въ нашей имперіи подъ разными видами жительство свое продолжаютъ, отъ чего ни иного какого плода, но токмо нашимъ вѣрноподаннымъ крайняго вреда ожидать должно. А понеже наше матернее намѣреніе есть отъ всѣхъ чаемыхъ нашими вѣрноподанными и всей нашей имперіи случиться могущихъ худыхъ послѣдствій крайне охранять и отвращать, того да всемилостивѣйше повелѣваемъ: изъ всей нашей имперіи, какъ то великороссійскихъ, такъ и то малороссійскихъ городовъ, сель и деревень всѣхъ мужска и женска пола жидовъ какого бы кто званія и достоинства ни были, со всѣмъ ихъ имѣніемъ немедленно выслать за границу и впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ въ нашу имперію ни для чего не впускать»¹⁾.

Вотъ тѣ основные законы, въ силу которыхъ существуютъ на Руси евреи. Оказывается, что они на Руси запрещенный плодъ, контрабанда. А если это такъ, то значить они на Руси не имѣютъ ровно никакихъ правъ,—а потому и объ ограниченіи и угнетеніи ихъ говорить не имѣютъ никакого права.

Логическая послѣдовательность требуетъ: во избѣжаніе обвиненій въ нарушеніи ихъ правъ въ Русскомъ государствѣ, примѣнить къ нимъ тотъ законъ, который существовалъ во времена Федора

1) *Липранди*. Равноправіе и еврейскій вопросъ.

Алексѣевича и Екатерины I. Тогда по крайней мѣрѣ не будутъ они жаловаться, что ихъ обижаютъ и несправедливо ограничиваютъ ихъ права.

Изъ всего разсмотрѣннаго общій выводъ слѣдующій:

1. Въ религиозномъ отношеніи евреи народность самообольщающаяся, жесточайшая, челоѡвѣконенавистническая и людоѡдская, полагающая своимъ идеаломъ господство надъ всѣми народами и безчелоѡвѣчное ихъ истребленіе и истязаніе.

2. Въ нравственномъ отношеніи—высоко-бесправденная, оправдывающая всякіе недостойные поступки по отношенію къ лицамъ другой націи.

3. Въ соціальномъ отношеніи евреи народность паразитная и преступная, проявляющая по отношенію къ членамъ всѣхъ другихъ націй всякія низкія преступныя дѣянія, какъ допустимыя и должныя.

Во имя блага державной русской націи, совмѣстное сожителство евреевъ въ Россіи недопустимо и не позволительно.

Но что же съ ними дѣлать?

1. Самое коренное разрѣшеніе вопроса—новый исходъ евреевъ—куда имъ угодно, внѣ Россіи.

2. Менѣе желательный исходъ—ассимиляція ихъ въ Россіи, но съ непремѣннымъ условіемъ—перехода въ православіе.

3. Еще менѣе желательный—исходъ ихъ въ Польшу и Финляндію. Переселеніе ихъ въ Польшу имѣетъ за себя оправданіемъ—братское содруже-

ство этихъ народовъ: поляки-евреи католическаго закона,—евреи-поляки Моисеева закона. Они другъ друга знаютъ давно. Они сражались плечомъ къ плечу противъ ихъ общаго врага—Россіи. Имъ будетъ легче сожителство. Для Финляндіи евреи тоже не будутъ въ тягость. Финны—нація, какъ они думаютъ, высокой культуры, а потому для нихъ не будетъ опасно сожителство съ паразитной націей. Высоко культурная финская нація не позволитъ себя эксплуатировать паразитной еврейской націи.

А. А. Столыпинъ предлагаетъ еще одну мѣру: изысканіе научнымъ путемъ мѣры вымиранія этой паразитной и вредной для міра народности. Будущее покажетъ—насколько онъ правъ.

Достойно вниманія засѣданіе Государственной Думы 2 ноября 1911 г. Въ этомъ засѣданіи, обсуждавшемъ вопросъ о равноправіи русскихъ въ Финляндіи, между прочимъ П. Н. Крупенскій внесъ важное предложеніе о допущеніи евреевъ въ Финляндію на правахъ евреевъ въ чертѣ осѣдлости въ Россіи. Это предложеніе встрѣтило жесточайшій отпоръ со стороны всѣхъ партій. Положительнымъ рѣшеніемъ Дума допустила бы по отношенію къ Финляндіи «насильщину», «жестокое оскорбленіе чувства брезгливости финскаго народа», «прививку яда», «издѣвательство надъ челоѡвѣчествомъ», «зло», «наглое издѣвательство», «величайшее зло»...

И такъ для Финляндіи евреи являются суще-

ствомъ со всѣми вышеуказанными качествами. Ну а для Россіи «всѣ эти качества терпимы», допустимы? Нельзя ли хоть капельку подумать о несчастной Бѣлоруссіи, которая стоитъ подъ еврейскимъ игомъ...

Предложеніе П. Н. Крупенскаго было не фарсъ, а гражданскій подвигъ, указавшій на возможный «исходъ» еврейскаго ига и хотя нѣкоторое облегченіе отъ него для русскаго народа. Такъ поняли и серьезные члены Государственной Думы предложеніе П. Н. Крупенскаго.

Такъ ч. д. Червинскій между прочимъ заявилъ, что «задача каждаго государства эмансипироваться отъ евреевъ, а не устраивать еврейское равноправіе»,—а членъ г. д. Воейковъ думаетъ, что «нужно ограниченіе правъ евреевъ въ Финляндіи и распространеніе его на всю Россію».

Такимъ образомъ предложеніе П. Н. Крупенскаго въ Думѣ было понято, но не было поднято. Будемъ надѣяться, что П. Н. Крупенскій выждетъ и дождется момента, когда его аналогичное предложеніе еврейскаго «исхода» встрѣтитъ въ Государственной Думѣ больше гражданскаго мужества и большей заботливости о благѣ державной націи, находящейся въ предѣлахъ своей державы въ плѣну у своей паразитной подчиненной народности.

V.

Основы русскаго націонализма.

Въ основѣ исповѣданія русской національной партіи лежатъ слѣдующія три положенія: *самодержавіе, православіе и русское единодержавіе*. На первый взглядъ эти три положенія, особенно же первое, кажутся нѣсколько отсталыми и устарѣлыми. Однако, эти положенія взяты были не случайно и не по капризу, а на основаніи историческихъ данныхъ.

Весьма знаменательно, что верховоды изъ жидовъ и другихъ инородцевъ въ тяжелые годы 1904—1906, на митинговыхъ собраніяхъ, въ своихъ рѣчахъ обдавали полнымъ презрѣніемъ исторію Россіи, ея прошлое, ея характеръ. Мало того, митинговые ораторы изъ жидовъ грязью забрасывали исторію Россіи и во весь голосъ кричали, что исторія—это анахронизмъ.—Это дѣлалось не даромъ. Нигилизмъ 900-хъ годовъ былъ злостнѣе нигилизма шестидесятыхъ годовъ. Новѣйшіе нигилисты изъ жидовъ отлично знали исторію Россіи и важное ея значеніе въ государственной жизни и потому усердно поливали ее своими зловонными помоями. Нигилисты же изъ армянъ дѣлали это

по своей глупости. Это было Панургово стадо въ рукахъ жидовъ.

Между тѣмъ исторія Россіи имѣетъ весьма поучительное значеніе въ ея настоящихъ историческихъ судьбахъ. И кто хоть немного потрудится освѣжить ее въ своемъ умѣ и немножко подумаетъ, тотъ ясно увидитъ, что *самодержавіе, православіе и недѣлимость имперіи* не пустые звуки и не проявленіе захватнаго деспотизма и насилія, а всецѣло и по существу вытекаютъ изъ свойствъ и характера самой націи и основываются на историческихъ судьбахъ ея.

Эти три основныхъ положенія бытія русскаго государства исповѣдывались еще во времена Московской Руси. Современникъ царя Алексѣя Михайловича, Юрій Крижаничъ утверждаетъ слѣдующія основы государства: вѣра православная, самовладство совершенно (самодержавіе), нераздѣльность королевства и обереженіе отъ чужевладства, запертіе рубежей и недопущеніе празнующаго и бездѣльнаго житія. Исключивъ нынѣ устарѣвшіе два послѣдніе пункта, мы и имѣемъ три основныхъ пункта нашей національной партіи: самодержавіе, православіе и единоедержавіе.

Тотъ же Крижаничъ полагалъ, что *самодержавіе*—это философскій камень, который вылечиваетъ всѣ политическія болѣзни. Этотъ камень есть только у Россіи; поэтому если какой нибудь народъ страдаетъ, какъ Польша, неизлечимой политической болѣзнию, для него единственное сред-

ство спасенія—союзъ съ Россіей... «У ляховъ, и у чеховъ, и у задунайскихъ словенцевъ, сія рѣчь *господарь* знаменуетъ домовнаго отца и всякій отецъ, или челяди и дому господиць, хочь богатъ, хочь убогъ, словеть тамо *господарь*. А русскіи языкъ, не простыхъ людей, но владателевъ зоветь господарями. И тѣмъ ея ознаютъ, еже, что есть челядный отецъ или господарь во своемъ дому, то долженъ быть краль во своемъ краlestвѣ»¹⁾. Поэтому русскіе такъ довѣрчиво и относятся къ своимъ царямъ,—но въ тоже время требуютъ, чтобы они также внимательно заботились о своемъ народѣ, какъ отецъ о своей семьѣ.

Прежде всего начнемъ съ *самодержавія*. Наши предки скифы, сарматы и славяне были храбры, воинственны и отважны, тѣмъ не менѣе они платили дань, въ одномъ мѣстѣ варягамъ, а въ другомъ—жидкамъ—хозарамъ. Почему? Потому что они были страшно свободолюбивы, не любили никому подчиняться, жили разрозненно и проявляли склонность къ ссорамъ. Древніе греческіе и арабскіе писатели прямо указываютъ, что славяне были бы непобѣдимы, если бы не ихъ взаимная разрозненность и склонность къ разьединенію.

Греческіе писатели Прокопій и Маврикій утверждаютъ, что славяне питаютъ *необыкновенную любовь къ свободѣ*. По мнѣнію Шлецера²⁾, древніе славяне имѣли отъ природы пламенную лю-

¹⁾ В. Э. Вальденбергъ, Юрій Крижаничъ 181.

²⁾ Шлецеръ. Несторъ, т. II, стр. 294.

бовь къ свободѣ. Маврикій говоритъ: славяне никакой власти не терпятъ и другъ къ другу питаютъ ненависть, — отъ того не знаютъ порядка и не сражаются соединенными силами. Между ними постоянно царитъ *раздоръ*. Всѣ они питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ *не хочетъ повиноваться другому*... Руководителями ихъ были князьки, которыхъ было много, — и они-то, повидимому, были первою причиною раздоровъ и несогласій, — чѣмъ особенно пользовались греки ¹⁾.

Многія племена славянскія питали древнюю вражду другъ къ другу, чему служитъ доказательствомъ презрительный отзывъ Нестора о древлянахъ, вятичахъ и пр. Это чувство было общее всѣмъ племенамъ и, по всей вѣроятности, было взаимнымъ (С. А. Хомяковъ ²⁾). Тоже утверждаетъ и А. Д. Нечволодовъ ³⁾.

И дѣйствительно, разрозненность славянъ была нашихъ предковъ, губить и потомковъ — даже до сего дня.

Сербы и болгары были освобождены отъ турецкаго ига, — и что они сдѣлали? Прежде всего бросились другъ на друга и стали рвать другъ друга! За что же Россія проливала кровь своихъ дѣтей? Поляки, какъ въ австрійскомъ, такъ и въ германскомъ парламентахъ являются самыми яркими врагами всѣхъ славянъ... Поляки и мазепинцы не-

1) *И. Забѣлинъ*. Исторія русской жизни, т. I, стр. 479.

2) *С. А. Хомяковъ*. Сочиненія, т. I, стр. 232.

3) *А. Д. Нечволодовъ*. Исторія Россіи, 1911.

истово пожираютъ въ Австріи маленькую частицу несчастныхъ русскихъ галичанъ и угорцевъ. — А какое чувство благодарности у этихъ славянъ за сдѣланное имъ русскими добро, — то лучше всего показываютъ поступки болгарскихъ стамбуловцевъ и каравеловцевъ по отношенію къ Россіи за пролитую кровь сотенъ тысячъ ея сыновъ за свободу Болгаріи... А чего стоятъ безстыдныя выходки *Милана Обреновича* по отношенію къ Россіи... А лучше ли былъ гнусный поступокъ сербовъ на сѣздѣ славянскихъ журналистовъ въ Бѣлградѣ въ томъ 1911 г...

Если такъ низка психологія современныхъ западныхъ славянъ, то, къ нашему счастью, психологія восточныхъ, русскихъ современныхъ славянъ иная. Имъ свойственны: благодушіе, всепрощеніе, милосердіе, состраданіе и самопожертвованіе. Во многихъ случаяхъ эти черты доходятъ до крайностей, даже унижающихъ, а не возвышающихъ. Изъ христіанской любви къ ближнему русскій народъ шелъ на спасеніе порабощенныхъ славянъ, зная завѣдомо, какую онъ за то отъ нихъ получитъ благодарность. Вотъ что говоритъ нашъ великій психологъ-романистъ Достоевскій

«Народъ не забылъ свою великую идею, свое православное дѣло», не забылъ въ теченіе двухвѣкового рабства, мрачнаго невѣжества... а православіе и православное дѣло вовсе не какое-нибудь *fanatisme religieux*, а это именно есть прогрессъ *человѣчества* и всеочеловѣченіе *человѣче-*

1) *Достоевскій*. Сочиненія, т. X, стр. 295.

ское такъ именно понимается русскимъ народомъ, ведущимъ все отъ Христа, воплощающимъ все будущее свое во храмъ и Христіанской истинѣ и не могущимъ представить себя безъ Христа...

Мы дивимся какъ русскій народъ не забылъ въ крѣпостномъ рабствѣ, въ невѣжествѣ и угнетеніи своего великаго «православнаго дѣла», не озвѣрѣлъ окончательно и не сталъ мрачнымъ замкнутымъ эгоистомъ... Но, вѣроятно, таково свойство его... подниматься духомъ въ страданіи, укрѣпляться духомъ въ политическомъ угнетеніи и среди рабства и униженія соединяться въ любви и христіанской истинѣ. Вотъ потому то, что народъ самъ былъ угнетенъ и перенесъ многовѣковую крестную ношу, потому то онъ и не забылъ своего «православнаго дѣла» и страдающихъ братьевъ своихъ и поднялся и духомъ и сердцемъ съ совершенною готовностію помочь всячески угнетеннымъ славянамъ»...

Итакъ одними изъ выдающихся чертъ характера восточныхъ славянъ являются: *свободолюбіе, разрозненность и склонность къ враждѣ*. Много этому способствовало и то, что восточное славянство жило разрозненно, отдѣльными родами, разбросанными по всему лицу великой русской земли. Много способствовало и то, что славянская земля, что славянскій народъ былъ слишкомъ великъ и, въ силу своей мощи и величія, слишкомъ *самонадѣянъ, безпеченъ, небреженъ* къ общему дѣлу и *слишкомъ благодушенъ*. Только когда грянетъ

громъ, стрясется великая бѣда надъ всѣми, тогда онъ объединялся и тогда уже становился сильнымъ, мощнымъ и страшнымъ. А обычно каждый жилъ своимъ родомъ и ни кому не было никакого дѣла до всего народа.

Интереснѣе всего, что сами древніе славяне понимали и сознавали свой этотъ недостатокъ—разрозненность, свободолюбіе, личную независимость и склонность къ ссорѣ и враждѣ,—видѣли свою немощь и бѣду въ этомъ и иногда даже пытались поправить дѣло.

Такою историческою попыткою является призваніе новгородцами славянскихъ варяговъ Руси на княженіе (П. И. Ковалевскій¹). Вотъ что по этому поводу говоритъ лѣтописецъ: «Въ 862 г. новгородцы изгнаша варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, бысть въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся»... Вотъ какое было самоуправленіе у нашихъ предковъ. Подумали, подумали новгородцы и рѣшили достать себѣ правителя извнѣ. «Поищемъ себѣ княже, иже бы володѣлъ нами и судилъ *по праву*»... Послали пословъ къ балтійскимъ славянамъ вендамъ или славянскимъ варягамъ и заявили имъ по правдѣ: «Земля наша велика и обильна, *лишь порядка въ ней нѣтъ*, придите володѣти и управлять нами».

Прошло достаточно времени. Скончался Рюрикъ, не стало и Олега. Игорь былъ замученъ

¹) Проф. П. И. Ковалевскій. Исторія Россіи.

древлянами. Царила Ольга. И вотъ она объѣзжала государство. Прибыла въ Новгородъ и что же она тамъ нашла? Населеніе жило хорошо и богато, но ее поразили раздоры между собою разныхъ «концовъ» этого города: непримиримые и драчливые. (Т. П. Мятлева).

И такъ неспособность къ разумному государственному самоуправленію являлась органическою славянскою чертою. Не то же ли намъ показываетъ исторія Польши, Чехіи и проч. Какъ только государственная власть попадала въ руки народа, такъ сейчасъ начиналась государственная суматоха, смятеніе и беспорядочность,—сила, мощь и величіе славянскаго государства падали и народъ спѣшилъ подъ чужую мощную руку и искалъ себѣ порядка въ самодержавіи. Это особенно рѣзко сказалося въ наше смутное время самозванщины.

Такимъ образомъ единая самодержавная власть въ Россіи вытекаетъ прямо изъ характера національныхъ свойствъ русскаго народа. Изъ органической неспособности славянъ къ объединенію самихъ въ себѣ и самоуправленію и является естественнымъ послѣдствіемъ и исходомъ изъ печальную національную бытія и существованія. Самодержавіе въ Россіи является такимъ образомъ органическою національною потребностью, безъ которой Россія существовать не можетъ. Въ Русскомъ самодержавіи зиждется цѣлость, крѣпость, мощь и величіе Россіи. По рукою тому является исторія Россіи,

Призванные новгородцами «князья» составили связь между областями, — дружина поддерживала ее, духовенство составляло святости закона» (С. А. Хомяковъ ¹⁾). Пришли славяно-варяжскіе князья. Объединили русскихъ славянъ и стали самодержавно править. И вотъ тѣ же славяне, которые до сихъ поръ платили дань жидкамъ-хозарамъ, подъ скипетромъ самодержавія, создали великій народъ, а о хазарахъ осталось только одно воспоминаніе. Самодержавіе, сплотивъ разрозненныя части Руси, создало силу и мощь государства. Самодержавные Святославъ, Владиміръ, Ярославъ—создали величіе Кіевской Руси... Но вотъ настало время удѣльнаго княженія. Настала государственная рознь и взаимная вражда. Настало раздробленіе и паденіе власти и самодержавія. Россія падала и пала подъ ударомъ татарской орды... Самъ народъ, опять разбитый и разъединенный, не могъ вновь встать и окрѣпнуть. Мелкіе князья напоминали собою ссопившихся князьковъ доваряжскаго періода; они препирались другъ съ другомъ и только ослабляли Россію. Пришедшіе монголы поработили Россію не потому, что наши предки были мало воинственны, не храбры и не способны къ войнѣ, а именно потому, что Россія была разбита на мелкія части и владѣтели этихъ частей не желали помочь другъ другу, объединиться и составить единое, цѣлое, мощное. Не было самодержавія и

¹⁾ С. А. Хомяковъ. Сочиненія, т. I, стр. 224.

создать его сразу было невозможно. Такое самодержавіе стало создаваться только мало по малу и строителями самодержавія и собирателями Руси явились Московскіе князья. Постепенно они собирали вмѣстѣ разбитое, разбросанное и разстроенное и создали великое цѣлое — Московскую Русь; и это все достигалось путемъ созиданія и усиленія самодержавія и единодержавія при содѣйствіи православія... Такъ создалось и создается самодержавіе...

Въ моментъ самозванства пала верховная самодержавная власть, — пала и величіе Россіи. Ее терзали, ее попирали и поляки, и шведы, и южные варяги-казаки, — и тотъ только ее не обижалъ, кто не хотѣлъ. Опять понялъ народъ, что земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. Безъ самодержавнаго царя быть ему нельзя. И избрали они себѣ царя самодержавнаго, царя православнаго, царя, обладающаго на то наследственнымъ правомъ, помазанника Божія по наследственному праву. «Въ страшное время междуцарствія, Русское государство было спасено самимъ народомъ, который сдѣлался, такъ сказать, хозяиномъ положенія и рѣшителемъ судебъ Россіи. Если бы онъ извѣрился въ самодержавіи и пожелалъ разбить цѣлость Русской земли и полноту верховной власти, то, конечно, никто бы ему не могъ препятствовать... Но ученіе православной вѣры глубоко проникло въ нашъ семейный и общественный бытъ. Подъ его вліяніемъ сложились и вошли въ Русскую жизнь идеалы родительнаго единодержав-

вія въ семьѣ и единодержавія въ государствѣ. По ученію нашей церкви и по сознанію православнаго народа, царь есть избранникъ Божій, чтобы быть отцомъ и вождемъ народа»¹⁾.

Съ воцаренія Дома Романовыхъ на Руси ведется не только конечное объединеніе разрозненныхъ отдѣльныхъ частей Русской Земли, но и присоединеніе сосѣднихъ націй, нужныхъ ей для ея величія, мощи и славы. Началось созиданіе Россійской Имперіи.

Наибольшей силы и напряженія достигло самодержавіе при Великомъ Петрѣ, — и наибольшей славы и величія достигла Россія именно при Великомъ Петрѣ. Велико было самодержавіе и Екатерины II и величіе Россіи тогда же было велико. Мощно было самодержавіе при Александрѣ III и Россія въ этотъ моментъ достигла наибольшаго внутренняго благосостоянія и благоденствія.

Никто не станетъ сравнивать и приравнивать Кіевской Руси къ Московскому государству и Московскаго государства къ Россійской имперіи. Эти три степени Россіи обязаны тремъ фазисамъ состоянія самодержавія. При этомъ важно отмѣтить и то, что всякій разъ съ паденіемъ самодержавія падала и Россія. Намъ могутъ указать, что при Иоаннѣ Грозномъ самодержавіе достигло патологическихъ границъ деспотизма, что самодержавіе тогда приняло патологическую форму, причемъ, однако, Россія не возвысилась, а пала, — но то

¹⁾ И. П. Корниловъ. Задачи русскаго просвѣщенія, стр. 262.

такъ было именно потому, что патологическій депотизмъ и есть одно изъ проявленія паденія, а не возвышенія самодержавія.

Всякое нарушеніе самодержавія немедленно влечетъ за собою подрывъ благосостоянія націи и крѣпости государства. Враги нашей родины, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, прекрасно знаютъ это и всѣми способами стараются извратить историческіе факты нашего прошлаго и подорвать въ глазахъ, особенно легковѣрныхъ, русскихъ величіе и значеніе этого принципа въ насъ самихъ.

Но народъ и по опыту и по инстинкту сознаетъ силу и мощь самодержавія и потому самъ народъ, напр. въ смутное время, даже безчинствующіе казаки, требовали избранія царя, царя самодержавнаго, царя православнаго, царя единодержавнаго, ибо самодержавіе, православіе и единодержавіе нераздѣльны, поддерживаютъ другъ друга и взаимно дополняютъ. *Государственное самодержавіе въ томъ видѣ, какъ оно утвердилось въ Россіи, возможно только у православныхъ народовъ и немислимо во всей полнотѣ у католиковъ, ибо у послѣднихъ оно сталкивается съ церковнымъ самодержавіемъ Римскихъ папъ, верховная власть которыхъ, по религіознымъ вѣрованіямъ католиковъ, выше всѣхъ земныхъ властей.* Фапатизмуруемая папскимъ духовенствомъ, католическія массы вѣруютъ, что ихъ «святой отецъ», папа, есть намѣстникъ Иисуса Христа, глава всѣхъ вѣрующихъ христіанъ, владѣющій ключами рая и

ада, прощающій грѣхи всѣхъ живыхъ и умершихъ и предающій вѣчнымъ мученіямъ всѣхъ непокоряющихся его волѣ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла, подданные государя, по приказанію папы, безусловно слушаются своего государя-папы и будутъ исполнять приказаніе папы. Естественно, что истинное самодержавіе въ такихъ случаяхъ немислимо.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, что *русскій народъ по своимъ національнымъ свойствамъ своеобразенъ и отличенъ отъ другихъ западныхъ народовъ.* Въ силу своей разрозненности и неспособности къ единенію и самоуправленію, русскій народъ не можетъ государственію существовать безъ самодержавія. Только при самодержавіи, дѣйствующемъ отъ имени народа и въ интересахъ величія, славы и могущества русскаго народа, русское государство можетъ проявлять силу, мощь и величіе. Почему слѣдуетъ естественный выводъ, что *русское самодержавіе вытекаетъ изъ свойствъ самой Русской націи* и является его органическою потребностью. Отнять въ государственномъ строѣ Россіи самодержавіе — значитъ: поставить ее въ антинаціональныя условія бытія, противныя его существу. Вотъ почему и націоналисты не устанавливаютъ самодержавіе, ибо оно въ этомъ не нуждается, а указываютъ на то, что самодержавіе составляетъ сущность и основу бытія Русскаго государства и нарушенія этой основы повело бы, если не къ гибели, то къ великимъ

погрязеніямъ и разрухѣ его. Національная партія самодержавіе ставитъ не цѣлю и не задачей своей пропаганды, ибо то было бы выше ея силъ и пожеланій, а только лишь отмѣчаетъ, что самодержавіе, православіе и единодержавіе суть основы бытія Русскаго государства и національная партія во всѣхъ дѣяніяхъ исходитъ изъ этихъ трехъ положеній, какъ основныхъ свойствъ и качествъ Русской націи.

II.

Православіе. Религія—прирожденное свойство духа признанія и исповѣданія чего-то Высшаго, чего-то отвлеченнаго, внѣ насъ существующаго, но слишкомъ намъ близкаго, насъ выполняющаго и возвышающаго. Эта способность во многомъ обусловливается воспитаніемъ и колеблется въ связи съ его содержаніемъ и направленіемъ, но по существу она природна и составляетъ свойство и особенность нашего существа. Атеизмъ или отрицаніе божества не есть отрицаніе религіи. Помимо религіи божественной можетъ быть религія естественная, политическая и соціальная. Чистый атеизмъ—абсурдъ.

Всѣ люди на свѣтѣ очень похожи другъ на друга, но всѣ они имѣютъ и свои отличительныя, личныя и индивидуальныя особенности. Такія отличительныя личныя черты бываютъ, какъ физическія, такъ и духовныя, религіозныя. Эти индивидуальныя отличительныя черты обычно стоятъ

въ наличной связи и соотвѣтствіи съ физическими особенностями организациіи человѣка. Что примѣнимо къ отдѣльному лицу, то въ такой же мѣрѣ можетъ быть примѣнимо и къ болѣе крупной единицѣ—націи.

Изъ всѣхъ религій въ цивилизованномъ мірѣ главнѣйшую роль въ настоящее время играетъ христіанство. Догмы Христа—возлюбиши ближняго твоего... легли въ основу стремленій и помысленій современнаго человѣчества. Эта любовь Христа покорила себѣ сердца современнаго человѣчества и нашла себѣ примиреніе съ современно-научнымъ принципомъ—борьбой за существованіе въ словахъ Христа: Воздадите Кесарево Кесареви, а Божію Богови.

Въ жизни церкви Христовой явились, однако, обстоятельства, которыя рѣзко раскололи ее на двѣ части или на два исповѣданія: православное и католическое. Одна вѣтвь Христовой Церкви пошла по одному пути, другая—по другому. Одна проповѣдывала именно первую половину формулы Христа «Божію—Богови», а другая постаралась захватить и кесарево. Первая разрабатывала, воспѣвала проповѣдь любви, милосердія, всепрощенія, состраданія и самопожертвованія,—а другая, исходя изъ положенія «рѣшить и вязать», начала стремиться къ кесаревому и достигла положенія не только «вязанія», но и «велѣнія». Первая церковь была церковію христіанской любви, а вторая—*воинствующею*.

«Православная церковь, говоритъ И. П. Кор-

ниловъ¹⁾, есть учрежденіе чисто церковное. Римская же церковь, утратившая свой первоначальный строго церковный характер и принявшая форму папизма, есть учрежденіе церковно-политическое».

Церковно-католическая власть не совмѣстима съ самодержавіемъ, тогда какъ православіе и самодержавіе только дополняютъ другъ друга. «Что вредно православію, сказали извѣстный литовскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, то вредно и Россіи».

«Папская власть не признаетъ полного свѣтскаго единовластія, говоритъ И. П. Карниловъ, и непремѣнно рядомъ съ нимъ и даже выше его ставить себя. Папизмъ имѣетъ глубокое вліяніе на семейную и общественную жизнь и на нравственную сторону воспитанія, внося духъ фанатизма, вражды и нетерпимости къ православной церкви и другимъ христіанскимъ исповѣдникамъ... Католическое духовенство позволяетъ себѣ нерѣдко противо-дѣйствовать верховной государственной власти и даже, злоупотребляя вліяніемъ на умы и совѣсти своей папсты, возстановляетъ ее противъ свѣтскаго правительства... Клерикалы, іезуиты, ультрамонтаны, паписты повсемѣстно разсѣянные и организованные въ сильныя политическія отрицательныя партіи повсюду враждуютъ съ государственною властію и Христіанскими церквями, непризнающими папскаго главенства...

Благодаря ученію Православной церкви, въ ис-

¹⁾ *Ив. П. Карниловъ*. Задачи Русскаго Просвѣщенія.

торіи Русскаго народа не было ни релігіозныхъ войнъ, ни борьбы свѣтской власти съ духовною за преобладаніе». Самодержавіе и православіе въ Россіи идутъ рука объ руку и поддерживаютъ другъ друга». Съ ослабленіемъ въ народныхъ массахъ Православной вѣры будетъ непремѣнно ослабѣвать авторитетъ Царскаго самодержавія и отцовской власти и начнется разложеніе древнихъ государственныхъ и семейныхъ основъ и постепенная замѣна ихъ другими. Русская государственная власть и передовые Россійскіе люди, которые дорожатъ судьбою своего отечества, счастьемъ и самобытностію своего народа, должны прежде всего быть вѣрными служителями Православной церкви и поддерживать властью, словомъ и примѣромъ эти жизненныя, релігіозныя и нравственныя основы, на которыхъ утверждены Русское государство и русская семья... Латинское духовенство, отличающееся релігіозною нетерпимостію, воспитываетъ это качество въ народахъ, исповѣдующихъ папизмъ... Если бы поляки исповѣдывали не папизмъ, а православіе, то историческая судьба Польши была бы иная».

«Церковь католическая смотрѣла на себя, какъ на царство Божіе, говоритъ проф. П. Н. Ардашевъ,¹⁾—которое на землѣ должно воплотиться во всемірную монархію во главѣ съ папой, по отношенію къ которому всѣ націи должны были стать

¹⁾ Проф. П. Н. Ардашевъ, Націонализмъ на западѣ.

подданными, всё свѣтскіе государи—вассалами, въ смыслѣ подданныхъ феодальныхъ отношеній. Дѣло шло объ осуществленіи не одного лишь моральнаго, духовнаго единства на почвѣ единой вѣры, но также и единства матеріальнаго, свѣтскаго, путемъ подчиненія всѣхъ мірскихъ властей единой верховной власти, власти «папы»... Папа Григорій VII не только подчинилъ себѣ французскихъ итальянскихъ государей,—но даже добрался до Кіевского Переяслава Ярославовича съ предложеніемъ признать себя вассаломъ св. престола, да «заслужить постоянное представительство верховнаго апостола передъ Богомъ».

Такимъ образомъ католическая церковь являлась церковью объединяющею, но не національною, а космополитическою, при чемъ тотъ космополитизмъ касался не только духа церкви народовъ, но и ихъ матеріальнаго благосостоянія, ибо папы брали дань съ королей... Эдуардъ III англійскій первый воспротивился этому матеріальному и политическому подчиненію главѣ католической церкви, пересталъ платить дань папѣ и основалъ автономную національную церковь Англии.

Въ XIV в. Филиппъ Красивый вмѣстѣ съ представителемъ французской націи точно также проявляютъ протестъ противъ средневѣковаго папскаго космополитизма и составляютъ національную обособленность и въ церкви, при чемъ націонализмъ былъ главнымъ противникомъ космополитизма.

Въ XIV же вѣкѣ Вилкельфъ является первымъ противникомъ католическаго космополитизма на національной почвѣ въ Германіи; а въ XV в. такое же движеніе идетъ въ Чехіи. Особенно же рѣзкій протестъ противъ католицизма въ Германіи возникъ при Лютерѣ, при чемъ произведенная имъ церковная реформа стала чисто національною и созданное лютеранство или протестантизмъ воплотился почти исключительно въ нѣмецкую религію.

И такъ воинственный политикующій католическій космополитизмъ въ Европѣ потерпѣлъ жестокое крушеніе и крушеніе то создано пробудившимися національными правленіями, и созданные тогда новые отгѣнки религій стали чисто національными религіями.

Воинствующій католицизмъ, не ограничивалъ поля своей дѣятельности Западною Европою,—напротивъ, онъ сначала возникновенія Россіи и до послѣднихъ дней 1911 года не покидалъ своихъ настойчивыхъ и энергичнѣйшихъ попытокъ завоевать славянскій востокъ. Этому стремленію его въ славянствѣ много способствуетъ и то, что именно въ славянахъ Польши и русской Галиціи онъ нашелъ наиболѣе покорныхъ ему рабовъ. Еще при Владимірѣ Св. папы старались навязать Россіи католицизмъ, но очень неудачно. Затѣмъ такое-же тяготивіе папства проявилось при Романѣ Галицкомъ, при первомъ нашествіи монголовъ, Даниилѣ, даже при Іоаннѣ Грозномъ, а особенно въ смутное время междуцарствія (1589—1630 гг.).

Вотъ этапы поступательнаго движенія папства въ Россіи отъ Владиміра Св. до Іоанна IV.

- 1) При Владимірѣ Св., когда онъ захотѣлъ ввести въ русской землѣ христіанство.
- 2) При сынѣ Владиміра Святополкѣ: Святополкъ былъ женатъ на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, который возстановлялъ его противъ отца и при этомъ стремился къ введенію въ Россіи католичества.
- 3) Въ 1075 г. князь Изяславъ самъ обратился къ римскому папѣ Григорію VII за помощію, при чемъ папа сталъ обращаться въ Россію, какъ бы полновластный владыка: онъ обратился къ Святославу съ заявленіемъ, что беретъ русскую землю подъ свое покровительство и назначаетъ Изяслава великимъ княземъ,—но это заявленіе имѣло такое значеніе, какъ послѣднія вмѣшательства профессоровъ германскихъ и англійскихъ университетовъ въ финскія дѣла въ Россіи.
- 4) Роману Галицкому папа Иннокентій III прислалъ проповѣдника Бернарда Клервоскаго, обѣщая ему королевскій престолъ и мечъ Петра,
- 5) Въ 1218 г. при Коломанѣ латинское духовенство приняло изъ Галича православнаго епископа и духовенство и стало царить въ Галиціи,—но царствію его наступилъ скорый конецъ.
- 6) Въ 1158 году папа Александръ III попросилъ у князя Полоцкаго позволеніе обратиться въ латинство язычниковъ ливовъ и, получивъ разрѣшеніе, крестилъ.
- 7) Въ 1270 году по повѣленію папы образовался крестовый походъ изъ знатныхъ рыцарей, воиновъ и многочисленныхъ

искателей приключеній въ Швеціи. Его вель Ярль Биргеръ въ сопровожденіи мѣстныхъ епископовъ и множества духовныхъ лицъ противъ язычниковъ финовъ и православныхъ русскихъ.

- 8) Въ 1242 году Ливонскіе рыцари съ цѣлью распространенія латинства пошли на Новгородскія земли и были жестоко наказаны Александромъ Невскимъ на Ледовомъ побоищѣ.
- 9) Въ 1246 году латинскій монахъ Плато-Карпини отъ имени папы Иннокентія IV предложилъ Васильку Романовичу принять латинство, но всѣ его старанія остались тщетными.
- 10) Въ 1250 году Иннокентій IV прислалъ письмо Александру Невскому и Новгородцамъ, требуя ихъ перехода въ католичество, при чемъ Карпини утверждалъ, что покойный отецъ Александра, будучи въ ордѣ, рѣшилъ принять католичество и не исполнилъ своего рѣшенія только потому, что умеръ дорогою въ Россію. На это посоль получилъ отвѣтъ: «Слышите, посланцы пенежстїи и прелестницы преокаянныя! Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языковъ, и отъ раздѣленія языковъ до начала Авраамля, и отъ Авраамля до прїитія Израиля сквозь Черное море, и отъ начала царствія Соломона до Августа царя, и отъ начала Августа и до Рождества Христова, и до страстей и до воскресенія Его, и отъ воскресенія Его и на небеси восшествія и до царствованія Великаго Константина, и до перваго собора, и до седьмого собора: сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ»...
- 11) Въ 1253 г. Иннокентій IV

проповѣдываетъ новый крестовый походъ епископамъ и духовенству, при чемъ презрительно смѣшиваетъ русскихъ и татаръ. Этотъ походъ былъ, однако, для латынянъ неудаченъ: Сынь Александра Невскаго Василій предводительствовалъ псковитянами и новгородцами, разбилъ рыцарей и опустошилъ ихъ страну. 12) Въ 1256 году новый походъ шведовъ и датчанъ на новгородскія земли, — но и здѣсь послѣдовала латынцевъ неудача: Александръ не только разбилъ ихъ, но и завоевалъ Финляндію. 13) Иннокентій VI старается склонить Данила Галицкаго на принятіе католичества, — но все его предпріятіе Даниломъ разрушается. 14) Въ 1341 году Шведскій король Манусъ пошелъ крестовымъ походомъ на русскихъ язычниковъ. Захвативъ Орѣшокъ онъ не избилъ всѣхъ жителей только потому, что тѣ приняли католичество и обязались и другихъ жителей страны обратить въ эту вѣру. Но новгородцы взяли обратно Орѣшокъ и жестоко отмстили шведамъ. Такъ папскія попытки возобновлялись и при слѣдующихъ царяхъ до Іоанна Грознаго включительно, — особенно же въ смутное время. Въ царствованіе Дома Романовыхъ католицизмъ и особенно іезуитизмъ дѣйствуетъ подпольно, подлогами и мошенническимъ образомъ, въ родѣ ксендза Варцинскаго, Ледоховскаго и проч.

Папы дѣйствовали съ большимъ натискомъ и жестокими приѣмами іезуитовъ (цѣль оправдываетъ средства) и черезъ поляковъ, и черезъ венгерцевъ,

и черезъ литовцевъ, и при помощи ливонскихъ рыцарей и даже при содѣйствіи Свейскаго короля. Приѣмы папскихъ апостоловъ, въ родѣ ксендза Варцинскаго въ Москвѣ въ наши годы, не отличались духомъ любви и милосердія, а напротивъ очень часто духомъ ненависти, жестокости, кровожадности, какъ это было во времена Гонты, гайдамакъ и проч., а также нынѣ въ русской Галиціи, — а также нерѣдко сопровождались подлогами и обманами, какъ это продѣлалъ ксендзъ Варцинскій... И это проповѣдь ученія Христа...

И тѣмъ не менѣе католицизмъ воинствующій не завоевалъ земли русскихъ славянъ и не завоеуетъ. Онъ даже не побѣдилъ той горсточки русскихъ, которые въ Галиціи стонутъ подъ игомъ окатоличенныхъ поляковъ, венгерцевъ, нѣмцевъ и даже жидовъ. Почему же такой неуспѣхъ данъ на долю католицизма въ странѣ русскихъ славянъ?

Очевидно въ Римѣ успѣхъ католицизма обусловливался не натискомъ пропаганды, а характеромъ народа, которому онъ проповѣдуется. Ибо если даже въ то или другое время насильственная проповѣдь католицизма и будетъ имѣть успѣхъ въ народѣ къ тому не предрасположенномъ, то прійдетъ время, когда этотъ насильственно окатоличенный народъ опамятуется, прійдетъ въ себя и съ ожесточеніемъ скинетъ иго насильственно ему навязанное. Такъ было въ Англии, такъ было въ Германіи, такъ было и въ Богеміи. Католицизмъ силенъ тамъ, гдѣ онъ въ духѣ и характерѣ на-

рода. Католицизм силенъ былъ въ Италиі, въ Испаніи, во Франціи. Но и здѣсь трудно сказать, что больше дѣйствовало: католицизмъ ли, нашедшій себѣ почву въ романской расѣ, или даровитая романская раса, нашедшая себѣ формулу въ католицизмѣ. И я убѣжденъ въ послѣднемъ. Еще до христіанства древній Римъ, Римъ цезарей проявилъ всемірное господство. Цезари — воплощеніе міровой власти, власти, обладающей міромъ. Военная власть цезарей пала. Грубый цезаризмъ палъ, — но его мѣсто занялъ цезаризмъ духовный. Цезари оплотились въ папѣ и обладаніе міромъ во второмъ Римѣ перешло въ папскія руки въ формѣ католицизма. Былъ цезарь — цезарь и сталъ цезарь — папа. Вскорѣ итальянскій католицизмъ сталъ слабѣть и его мѣсто заняла вторая вѣтвь романской расы въ формѣ папы Наполеона I съ третьимъ Римомъ въ Парижѣ. Этотъ папизмъ также ослабѣлъ и смѣнился четвертымъ Римомъ съ папою — французскимъ социализмомъ. Естественно, что такой папизмъ не мыслимъ при другомъ самодержавіи. И когда явилось самодержавіе Наполеона I, то папизмъ палъ предъ нимъ и воплотился въ его власти. Нынѣ власть французскаго и итальянскаго социализма стремится создать новый Римъ, новый католицизмъ, новый папизмъ, новую міровую власть. Но и эта власть окажется безсильною и немощною, ибо она основывается на исключительныхъ національныхъ чертахъ и насиліи. И эта грубая міровая власть должна будетъ

смириться передъ великою всечеловѣческою любовью и самопожертвованіемъ славянскаго русскаго міроваго обладанія.

Каждый человѣкъ стремится къ тому, что ему симпатично и что его привлекаетъ. Одни люди по своей натурѣ мягки, сердечны, уступчивы, — другіе, напротивъ, воинственны, повелительны и склонны къ господству. Что говорится объ отдѣльныхъ людяхъ, то можно сказать и о націяхъ. Эти особенности націй послужили основою къ тяготѣнію къ той или другой вѣрѣ. Романскіе народы, въ которыхъ почти равномерно царятъ и возвышенные чувства и блестящее мышленіе, увлеклись и воплотили въ себѣ католическую религію и вошли въ сферу воздѣйствія воинствующей церкви. Хладнокровная, преимущественно холодно, логически отвлеченно-мыслящая германская нація увлеклась другимъ — холоднымъ протестантизмомъ. Въ немъ она нашла удовлетвореніе стремленіямъ холоднаго разсудка къ господству, преобладанію и неуступчивости.

Славянская раса мягкая, ипжная, сентиментальная, съ возвышеннымъ чувствомъ и благородными мыслями — нашла себѣ удовлетвореніе въ православной церкви. Она всѣми своими силами увлеклась любовью, состраданіемъ, милосердіемъ, самопожертвованіемъ и всепрощеніемъ ученія Христа. Припомнимъ наши кровопролитныя войны за свободу Греціи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи. А затѣмъ наше всепрощеніе вполне примири-

лось и съ греческою безошлинною коринкою и ея тяготѣніемъ къ лагерю нашихъ враговъ,—и съ присоединеніемъ Румыніи къ тройственному союзу, и съ Миланомъ Обреновичемъ и съ Каравеловыми и Стамбуловыми. Русская нація находитъ себѣ удовлетвореніе не во вѣшней благодарности, а въ самой себѣ, въ своей религіи, въ своемъ сознаниіи исполненнаго нравственнаго братскаго долга. Это чувство мало понятно не славянской иля точнѣе не русской націи...

Православіе есть та нравственная формула, въ которой душа русскаго находитъ себѣ удовлетвореніе,—и само уже *православіе въ дальнѣйшемъ утверждаетъ и укрѣпляетъ прирожденныя, присущія націи черты*. Да впрочемъ, это черты не одной только русской національности, но и всей славянской націи. Въ православіи нашли себѣ удовлетвореніе и болгары, и сербы и черногорцы. Чехи же довольствовались католицизмомъ и созидали нѣчто болѣе имъ присущее, гусизмъ. И только поляки вовлечены воинствующею церковью. А нашли ли они тамъ удовлетвореніе? Не въ неудовлетворенности ли этой чуткой, отзывчивой и сантиментальной націи воинствующею церковью лежитъ то, что они непрерывно мятутся и переживаютъ не религію вѣры, а религію политики... И лучшіе изъ поляковъ много прозрѣваютъ въ этомъ. Недавно Немоевскій, разсматривая Холмскій вопросъ, совершенно справедливо замѣтилъ: для кого мы здѣсь больше работаемъ — для себя или

для папы? Совершенно правильно. Тутъ больше преслѣдуется кесарево, нежели Божіе. И можно отъ всей души пожелать, да скорѣе поляки прозрѣютъ и пойдутъ по пути, болѣе близкому ихъ духу, маріавитизму.

Православію и русской націи свойственны: мягкость, доброта, сочувствіе, состраданіе, любовь, милосердіе, самопожертвованіе и всеобщеніе,—тѣ же черты свойственны полякамъ,—а ихъ жестокость, агрессивность и безсердечіе — черты не ихъ націи, а воинствующаго католицизма,— все равно какъ безвѣрный эгоизмъ и эгоцентризмъ, безсердечіе, чловѣконенавистничество, безграничная эксплуатація, безнравственные принципы и злодѣйство евреевъ развились у нихъ подъ вліяніемъ ихъ бога со всѣми вышеуказанными свойствами.

Прежде чѣмъ принять христіанскую православную вѣру самому и Русскому народу, Владиміръ Св. изучилъ тщательно всѣ остальные христіанскія и нехристіанскія религіи и, только по достаточномъ обсужденіи ихъ достоинствъ и соотвѣствія народному духу и характеру, принялъ ту, которая явилась наиболѣе подходящею. Онъ выбралъ православную. И не ошибся. «Наша старая Русь, говоритъ С. А. Хомяковъ¹⁾, создана самимъ христіанствомъ. Таково сознаниіе Нестора, таково сознаниіе Св. Иларіона и др.». Не безынтересно и то, что православіе принято Русскимъ безъ вся-

¹⁾ С. А. Хомяковъ. Сочиненія, т. I, стр. 231.

каго принужденія и не потребовало насилія и жестокихъ мѣръ, какъ это было въ Германіи и др. мѣстахъ. «Церковь создала единство Русской земли и дала прочность случайности Олегова дѣла».

Православіе, никогда неискавшее и недобивавшееся въ государствѣ власти и господства, всегда шло въ уровень съ судьбою народа и не рѣдко служило русскому народу на великую пользу. Въ моменты удѣльнаго періода, когда народъ страдалъ отъ междоусобиць князей, — еще больше въ періодъ монгольскаго ига православная религія служила единственнымъ утѣшеніемъ и отрадою для страдальца русскаго народа. Еще большую и важнѣйшую пользу для государства принесло православіе въ тяжелое «Смутное время Россіи», когда государство не имѣло главы и было раздираемо внѣшними врагами и внутренними смутьями. Троице - Сергіева Лавра явилась спасительницею Россіи. Она защищала не только свои святыни, но и всю Русскую землю. Всѣ натиски поляковъ на эту твердыню разбивались какъ о каменную скалу. Незабвеннымъ для русскихъ останется также и имя Авраамія Палицына. Если для насъ дороги имена князя Пожарскаго и Минина, то рядомъ съ ними мы должны поставить и славное имя Авраамія Палицына.

Православная религія въ минуты невзгодъ въ нашемъ отечествѣ нерѣдко служила не только опорой и щитомъ, но и живительнымъ источникомъ національныхъ началъ и движеній.

«Греческое вѣроисповѣданіе, говоритъ А. С. Пушкинъ ¹⁾, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколь пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своего папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно налагало суевѣрныя преграды просвѣщенію».

Духовенство, говоритъ С. А. Хомяковъ, обращаясь къ христіанскому чувству народнаго единства, постоянно стремилось къ единенію подъ духовною рукою Москвы. Епископы, иноки, пустынники обращали все свое вниманіе и всю силу своихъ убѣжденій къ этой цѣли и какъ ни темно было понятіе въ значительной части народа о вѣрѣ, въ немъ было то христіанское смиреніе, которое любило голосъ своихъ пастырей и охотно слѣдовало ихъ призыву (стр. 237).

Кирѣевскій ²⁾ говоритъ: «управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею или приобрѣтати себѣ власть свѣтски-правительственную». «Она никогда не только не искала насильственнаго управленія надъ людьми, говоритъ Хомяковъ, но и не могла его искать, ибо для такого управленія она должна была бы отдѣ-

¹⁾ А. С. Пушкинъ. Сочиненія, стр. 614.

²⁾ Кирѣевскій. О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ Россіи.

литься отъ людей, т. е. отъ своихъ членовъ, отъ самой себя». По мнѣнію Киреевскаго, «Церковь всегда оставалась внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недостижимый свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться и который не смѣшивается съ ихъ земными пружинами».

«Большая часть сельскихъ міровъ приняла христіанство безъ всякаго отношенія къ его святости, но ихъ кроткіе нравы и семейно-общественный бытъ согласуясь съ его требованіями, освятили ея благодатнымъ вліяніемъ и прониклись ея духомъ. Сознаніе этого проникновенія выражаютъ они въ томъ, что не знаютъ другого имени, кромѣ имени *христіане* (крестьяне) и, обращаясь къ своему собранію, привѣтствуютъ его словами «православные». Подъ благословеніемъ чистаго закона развились общественныя добродѣтели, которыми и до сихъ поръ удивляются даже иноземцы, нѣсколько безпристрастные, и которымъ, можетъ быть, ничего подобнаго не представляла еще исторія міра. Благородное смиреніе, кротость, соединенная съ крѣпостью духа, неистощимое терпѣніе, способность къ самопожертвованію, правда на общемъ судѣ и глубокое почтеніе къ нему, твердость семейныхъ узъ и вѣрность преданію — подають всѣмъ народамъ утѣшительный примѣръ и великій урокъ, достойный подражанія».

«Вся исторія нашего просвѣщенія связана тѣсно съ обителями и монастырями. Высшее духовенство

любило науку и искусство... Монастыри, собирая богатые книгохранилища, тогда еще рѣдкія во всей Европѣ, служили разсадниками всякаго знанія».

Если принять православіе нравственно высоко, то и здѣсь могутъ быть увлеченія и крайности, къ которымъ мы должны относиться съ должною осторожностью и разумною кригикою. Такимъ увлеченіемъ является, напр., крайнее ученіе Л. Н. Толстого, вылившееся въ его проповѣди о непротивленіи злу ..

Все сказанное мною имѣетъ великое національное значеніе въ Россіи. *Православіе должно имѣть все преимущества господствующей религіи не потому только, что она есть религія державной русской націи, а потому, что православіе есть религія національная, эта религія существа русской націи, почему какъ религія національная, она и должна являться религіей государственной, религіей державной.* При всей нашей вѣротерпимости мы должны стойко и незыблемо отстаивать положеніе: *все религіи въ Россіи имѣютъ право на исповѣданіе и проповѣдь въ предѣлахъ своей церкви, если эти религіи не являются вредными для человѣчества и государства, — и одно православіе, какъ религія державной націи и національная, имѣетъ право на открытую пропаганду во всемъ государствѣ, какъ выраженіе національныхъ свойствъ державной націи.*

III.

Единодержавіе или недѣлимость земли русской. Третье положеніе русскаго націонализма *единодержавіе* состоитъ въ исповѣданіи той идеи, что Русская земля ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть ни раздѣлена, ни уменьшена въ объемѣ, ни расчленена на составныя части, изъ которыхъ она произошла. Она можетъ быть увеличена въ объемѣ. Къ ней могутъ быть произведены приращенія—но уменьшеніе недопустимо и немыслимо. Точно также немыслимо расчлененіе ея на отдѣльныя части въ видѣ штатовъ, автономій, федерацій и проч. Всякій сепаратизмъ и всякія подраздѣленія—праздныя, глупыя и преступныя мечтанія. *Россія есть недѣлимое и нерушимое цѣлое и въ ней мыслимо только лишь единодержавіе.*

Нынешній составъ государства и нынѣшнюю территорию земли Русской мы получили отъ нашихъ предковъ русскихъ. На завоеваніе этого пространства и этихъ народовъ Россіей пролито море крови ея вѣрныхъ сыновъ. Милліарды денегъ были истрачены на все войны, которыми Русское государство строилось. Масса заботъ, масса стараній, безмѣрные нравственныя страданія бывшихъ на полѣ битвы, были затрачены нашими предками. Больше тысячи лѣтъ *русскій народъ* созидалъ Россію, покоряя сосѣднія народности и включая ихъ въ составъ

своего государства. Историческая работа русскаго государства заключалась въ дѣйствіи *ею центральной силы*, при чемъ политическая власть распространялась изнутри на наружныя крайныя части. Эти окраины подчинялись мощи *русскаго народа*. Рядомъ съ этимъ культура *русскаго народа* общалась возсоединеннымъ народамъ и тѣмъ самымъ уподобляла ихъ русскимъ и вводила ихъ въ составъ единого цѣлаго. Россія не только покоряла, но и уподобляла, ассимилировала эти народности. Русскій народъ есть создатель и собиратель Руси. Въ Россіи русскій народъ является господствующею и державною націей. Только русскій народъ и онъ одинъ имѣетъ *право* разсуждать о состояніи Россіи и на немъ лежитъ *великій долгъ* охранять цѣлокупность и несокрушимость земли русской, полученной имъ по завѣту и кровію его предковъ. И кто смѣетъ думать о расщепленіи земли русской?.. Все это даетъ намъ завѣтъ хранить и укрѣплять пріобрѣтенное нашими предками. И мы не смѣемъ рѣшиться отдѣлить и отщепить завоеванное отъ цѣлаго и единого нашей родины. Тѣмъ болѣе цѣнны и важны для насъ единство, единодержавіе, цѣльность и недѣлимость Россіи, что почти все эти завоеванія сдѣланы съ цѣлю огражденія окраинъ государства отъ хищническихъ набѣговъ сосѣдей, или съ цѣлю охраны государства отъ внѣшнихъ враговъ. Отщепленіе той или другой части государства ведетъ къ ослабленію

моши нашей родины, или къ уменьшенію ея защитѣ отъ внѣшнихъ посягательствъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе, особенно же въ 1904—1906 гг. очень энергично и нагло злословили у насъ объ автономіи поляки, и финны, и эсты, и латыши, и армяне, и грузины, и якуты, и чукчи и многіе, многіе другіе. Заговорили объ автономіи даже евреи,—не остались безъ претензіи цыгане. Всю Россію ихъ языки распластали на части и превратилась она въ федерацію, или въ нѣчто собирательное.

Эта сепаратистическая дерзость была такъ нагла, что сначала ей даже почти не возражали. *Tempora mutantur*—и нынѣ эти сепаратисты присмирѣли.

Я позволю привести нѣсколько мнѣній, которыя съ достаточною ясностью доказываютъ права объединенія и недѣлимости земли русской. Вотъ что пишетъ въ 1795 г. *Императрица Екатерина II* по поводу замѣтки прусскаго министра Герцберга: «Этого дурака, Герцберга, стоитъ побить; онъ столько же знаетъ исторію, сколько мой попугай. Онъ смѣетъ говорить, что Россія не имѣла никакого права овладѣть Полоцкомъ. Ему слѣдовало бы сказать, что она не заявляла своего древнѣйшаго права на Полоцкъ, который еще Владиміромъ I данъ былъ въ удѣлъ своему старшему сыну Изяславу, родоначальнику князей Полоцкихъ. Литву онъ отдалъ другому сыну своему Святославу, не имѣвшему потомства... Въ 1386 году, пятый сынъ Ольгерда, Ягеллонъ или Іаковъ, при-

нявъ латинскую вѣру и женившись на Ядвига, королевѣ польской, сдѣлался польскимъ королемъ. Онъ и соединилъ Литву съ Польшей. Этого не знаетъ глупый и невѣжественный министр. Этотъ самовѣренный неучъ и тутъ тяжелъ, какъ Померанскій быкъ, и не подозреваетъ, что не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ всѣ дѣла во всѣхъ судахъ въ XVII столѣтіи производились на русскомъ языкѣ, что въ литовскихъ архивахъ всѣ акты писаны русскими буквами на русскомъ языкѣ, что годы обозначались отъ сотворенія міра по греческому церковному счисленію и непременно съ показаніемъ греческихъ церковныхъ индиктовъ. Это доказываетъ, что въ XVII в. греческая вѣра не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ была господствующею и что ее исповѣдывали князья и великіе князья. Всѣ церкви, въ особенности соборы, строились такъ, что ихъ алтари были обращены на востокъ, по обычаю Восточной Церкви»... (Письма Екатерины II). Дальше она продолжаетъ: «При раздѣлѣ Польши я не получила ни одного вершка Польской земли, но взяла то, что сами поляки называли и называютъ Червонною Русью, т. е. воеводства Кіевское, Подолію, Волинь съ ея столичнымъ городомъ Владиміромъ, основаннымъ Владиміромъ I въ 992 г. Что касается Литвы и Самогитіи, то онъ никогда не были Польшею... Продажные, испорченные легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляющіе свои имѣнія въ управленіе евреямъ, которые сосутъ кровь

изъ подданныхъ и платягъ за то очень мало,— вотъ вамъ живой портретъ поляка»... Вотъ прекрасный отвѣтъ сепаратистамъ по поводу чайній и помышленій польскихъ.

Достойно также вниманія письмо нашего славнаго историка Карамзина Императору Александру I по поводу отдѣленія той же Польши ¹⁾. (Стр. 26).

Не менѣ правдивый голосъ въ томъ же родѣ принадлежитъ и другому вѣрноподанному по поводу того же предмета, К. П. Побѣдоносцеву: (Императоръ Александръ) «мечталъ о восстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему, что царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего русскаго народа». Вотъ что писалъ по этому поводу прусакъ Гарденбергъ лорду Кастиври: «Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мы должны уступить на счетъ политическаго вопроса потому, что я здѣсь вижу гораздо большія выгоды, чѣмъ опасность для спокойствія Европы вообще и для сосѣдей Россіи въ особенности. Сила Россіи скорѣе ослабѣетъ, чѣмъ увеличится отъ этого новаго польскаго королевства, подъ скипетромъ одного съ нею государя находящагося. Собственно Россія потеряетъ области весьма значительныя и плодородныя. Соединенныя съ герцогствомъ Варшавскимъ, онѣ получатъ конституцію, совершенно отличную и гораздо болѣе либеральную, чѣмъ конституція импе-

¹⁾ Князь Н. П. Мещерскій, Старшина и повизна, 1897.

ріи. Поляки будутъ пользоваться привилегіями, какихъ нѣтъ у русскихъ. Скоро духъ націй станетъ въ совершенной оппозиціи, зависть между ними помѣшаетъ единству, родятся всякаго рода затрудненія, императоръ россійскій и вмѣстѣ король польскій будетъ гораздо менѣ страшень, чѣмъ государь имперіи Россійской, присоединяющей къ Россіи большую часть Польши, которую у ней оспариваютъ какъ провинцію.. Однимъ словомъ, въ моемъ умѣ образовалось самое глубокое убѣжденіе, что, пріятствуя императору возстановлять королевство Польское подъ своимъ скипетромъ, мы работаемъ противъ нашего собственнаго интереса».

С. А. Хомяковъ ¹⁾ говоритъ слѣдующее: «Россія принесла въ свое великое лоно много разныхъ племень, финновъ прибалтійскихъ, приволжскихъ татаръ, сибирскихъ тунгузовъ, бурятъ и проч.,— но имя, бытіе и значеніе получила она отъ русскаго народа (т. е. отъ членовъ Великой, Малой и Вѣлой Руси). Остальные должны съ ней слиться вполне: разумные, если поймутъ эту необходимость,— великіе, если соединятся съ этою великою личностью,— ничтожныя, если вздумаютъ удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвѣщеніе— жизнь Россіи».

Позволю себѣ сдѣлать еще одну выдержку и при томъ довольно объемистую, въ виду большой важности лица, написавшаго эти строки.

¹⁾ С. А. Хомяковъ. Сочиненія, т. I. стр. 27.

«Народы подвластные большому государству и происходящіе не отъ господствующаго въ ономъ, но отъ другихъ племенъ, желаютъ всегда для себя независимости и отдѣльнаго политическаго существованія: утверждаясь на правѣ составлять особыя государства и называя оное *правомъ народности*. Съ другой же стороны стремится всякое большое государство къ установленію границъ, крѣпкихъ мѣстнымъ положеніемъ и сильныхъ естественными оплотами, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремится и къ тому, чтобы силы маленькихъ народовъ, его окружающихъ, умножая силы собственныя его, а не силы какого либо другаго, сосѣдственнаго большаго государства: основывая сіе стремленіе и стараніе на правѣ безопасности и называя оное *правомъ благоудобства*.

Перевѣсь на сторону права народности или на сторону права благоудобства долженъ опредѣляться третьимъ правиломъ или третьимъ соображеніемъ, состоящимъ въ томъ, что право народности существуетъ истинно для тѣхъ только народовъ, которые, пользуясь онымъ, имѣютъ возможность оное сохранить, и что право благоудобства принимается въ соображеніе для утвержденія безопасности, а не для какого либо тщеславнаго распространія предѣловъ государства. Такимъ образомъ племена подвластные большому государству, не могушія по своей слабости пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующія, слѣдовательно, непремѣнно состоятъ

подъ властью или покровительствомъ котораго либо изъ бывшихъ сосѣдственныхъ государствъ, не могутъ ограждаться правомъ народности, ибо оно есть для нихъ мнимое и не существующее. Къ тому же маленькіе народы, между большими находящіеся, служатъ всегдашнимъ поприщемъ военнымъ дѣйствіямъ, разореніямъ и гибельнымъ бѣдствіямъ всякаго рода. А посему полезнѣе для нихъ самихъ, когда они соединятся духомъ и обществомъ съ большимъ государствомъ и совершенно сольютъ свою народность съ народностью господствующаго народа, составляя съ нимъ только одинъ народъ и переставая безпечно мечтать о дѣлѣ невозможномъ и несбыточномъ...

Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земли киргизовъ, всѣ народы Сибирскіе и разныя другія племена, внутри государства обитающія, никогда не пользовались и никогда пользоваться не могутъ самостоятельною независимостью и всегда принадлежали или самой Россіи, или же, по временамъ, если не Россіи, то Швеціи, Даніи, Пруссіи и вообще какому нибудь сильному государству. Да и на будущія времена, по слабости своей, никогда не могутъ составлять особыхъ государствъ; а посему и подлежатъ всѣ они праву благоудобства, *долженствуя* при томъ *навѣки отречься отъ права отдѣльной народности*. Вслѣдствіе сего подводягся всѣ вышеназванныя страны со всѣми племенами, въ нихъ обитающими, подъ право бла-

гоудобства для Россіи, и объявляются, въ удолетвореніи оному и на основаніи онаго, на вѣчныя времена оставаться имѣющими въ составѣ Россійскаго государства.

Государства бывають или нераздѣлимья или федеративныя. *Россія есть государство единое и нераздѣлимое.* Нераздѣлимыми называются тѣ, въ коихъ всѣ части или области, государство составляющія, одну общую Верховную Власть, одинъ образъ правленія, одни законы имѣють и признають и въ коихъ ни одна область не имѣеть права частно для себя издавать законы и постановленія. Федеративными же называются тѣ государства, въ коихъ области, ихъ составляющія, хотя и признають общую надъ собой Верховную власть и обязываются совокупно дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ вышнихъ, но при всемъ томъ право свое сохраняють законы дѣлать и постановленія издавать для собственнаго своего внутренняго гражданскаго и политическаго образованія и устраивать свое правленіе по частному своему усмотрѣнію. До какой степени федеративное образованіе государства было бы для Россіи пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ различными языками говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ; жители оныхъ различное происхожденіе

имѣють, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; а потому ежели сію разнородность еще болѣе усилить черезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро тогда потеряетъ не только свое могущество, величіе, славу, но даже можетъ быть и бытіе свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенный древней Россіи удѣльною системою, которая также не что иное была какъ родъ федеративнаго устройства государства; и потому если какое нибудь другое государство можетъ еще сомнѣваться во вредѣ федеративнаго устройства, то Россія уже никакъ сего сомнѣнія раздѣлять не можетъ; она горькими опытами и долготѣльными бѣдствіями жестоко заплатила за свою ошибку въ прежнему ея государственномъ образованіи. А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредствомъ или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ такому устройству государства вести бы могло.

Вслѣдствіе всего здѣсь сказаннаго объявляется Россійское государство единымъ и нераздѣльнымъ,

отвергающимъ при томъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Обращаясь къ отдѣльнымъ частямъ Имперіи, авторъ даетъ такое назначеніе. Для западныхъ и юго-западныхъ губерній, Литвы и Бѣлоруссіи: «Присоединивъ оныя опять къ своему составу, возвратила Россія древнее свое достоиніе, тѣмъ болѣе для нея близкое, что колыбелью Россійскаго государства могутъ быть почтены: въ сѣверной сторонѣ Новгородъ съ окружающими его губерніями, а въ южной сторонѣ Кіевъ съ губерніями Черниговскою, Кіевскою, Полтавскою, Подольскою и Волинскою — симъ древнѣйшимъ средоточіемъ Россійскаго государства. Изъ сего явствуетъ, что никакого истиннаго различія не существуетъ между разрядами, коренной, русскій народъ составляющими и что малые отѣнки замѣченные должны быть слиты въ одну общую форму. А посему и постановляется правиломъ, чтобы всѣхъ жителей, населяющихъ губерніи Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Кіевскую, Подольскую и Волинскую истинными россиянами почитать и отъ сихъ послѣднихъ никакими особыми названіями не отдѣлять... Когда въ прошедшемъ столѣтіи часть Финляндіи была Россією приобрѣтена (то писалось въ 20-хъ гг. прошлаго столѣтія), тогда введены были въ оную законы, правленіе и языкъ русскій, такъ что народъ, въ оной обитающій, въ скоромъ времени по-

чти совсѣмъ обрусѣлъ. Съ приобрѣтеніемъ остальной Финляндіи въ нынѣшнемъ (прошломъ) столѣтіи была старая Финляндія къ новой присоединена и обѣимъ дарованы законы и правленіе особое отъ прочихъ областей Россійскихъ. Присоединя къ сему соображенію рѣшительное отверженіе всякаго федеративнаго устройства и непремѣнное введеніе политической единообразности, обязывается Верховное правленіе *вести во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, которые для самихъ губерній русскійскихъ предоставляются.* Что же касается до языка, то *надлежитъ ввести въ Финляндію русскій языкъ,* устраивая нужныя для сего училища и принимая другія къ той же цѣли ведущія мѣры, но усмотрѣнію Верховнаго правленія... *Латыши, эсты, литва и ляхи должны быть поставлены въ тѣ же условія, какъ и жители остального государства.* Интересно замѣчаніе автора относительно колонистовъ: «обратить старательное вниманіе на введеніе между ними русскаго языка... и на предбудущее время не составлять изъ нихъ новыхъ особыхъ волостей, но вводить ихъ въ составъ русскихъ волостей, уже существующихъ, дабы они удобнѣе и скорѣе могли обрусѣть». Относительно евреевъ: «Тѣсная между евреями связь даетъ имъ средства большія суммы накапливать или собирать для общихъ ихъ потребностей, особенно для склоненія разныхъ начальствъ къ лихоимству и ко всякаго рода злоупотребленіямъ,

для нихъ, евреевъ, полезныхъ... По причинѣ же большого ихъ числа не можетъ честная торговля всѣмъ доставлять достаточное пропитаніе и потому пѣтъ тѣхъ обмановъ и фальшивыхъ дѣйствій, коихъ бы они себѣ не позволяли, въ чемъ имъ равнины еще болѣе способствуютъ, говоря, что обманывать христіанъ не есть преступленіе... посему разоряютъ они ужаснымъ образомъ край, гдѣ жительствоуютъ. Принимая всѣ сіи обстоятельства въ полное соображеніе, явнымъ образомъ усмотрѣть можно, что *евреи составляютъ въ государство свое собственное, совсѣмъ отдѣльное, государство и при томъ нынѣ въ Россіи пользуются большими правами, нежели сами христіане... Такой порядокъ вещей не можетъ dalje длиться...* Ежели Россія не выгоняетъ евреевъ, то тѣмъ болѣе не должны они ставить себя въ непріязненныя отношенія къ христіанамъ... Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что *безпрестанно должно непремѣнную цѣль имѣть въ виду, чтобы составить изъ всѣхъ населяющихъ Россію племенъ только одинъ народъ и всѣ различныя отпрыски въ одну общую массу слить такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства російскаго государства всѣ были русскіе...* А для сего потребно, чтобы на цѣломъ пространствѣ російскаго государства господствовали одинъ только языкъ російскій и чтобы нынѣ существующее различіе въ названіяхъ народовъ и племенъ исчезли и чтобы гсѣ сіи различныя имена были уничтожены и вездѣ

въ общее названіе русскихъ воедино слить, чтобы одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія по всѣмъ частямъ Россіи существовали и тѣмъ самымъ въ политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ вся Россія на цѣломъ своемъ пространствѣ, являла бы видъ *единородства, единообразія и единомыслія*.

Какъ вы, читатель, думаете, кто бы это писалъ? Несомнѣнно, человекъ начала прошлаго столѣтія. Несомнѣнно, человекъ властный и повѣлавшій... Все это писалъ глава революціонеровъ декабристовъ, П. И. Пестель, повѣщенный за свой заговоръ, — и писалъ онъ въ Наказѣ для Верховнаго правительства, которое заговорщики имѣли въ виду ввести. Этотъ наказъ подъ именемъ «Русской Правды», изданъ въ 1906 году еврейской фирмой «Культура», какъ Поученіе для дѣйствовавшихъ тогда послѣдователей революціонной партіи. Я рѣшительно ничего не имѣю противъ того, чтобы современные русскіе революціонеры усвоили эти мудрыя слова П. И. Пестеля ¹⁾.

Таковы были наши революціонеры начала XIX в. Не таковы они въ началѣ XX в. Почему? Революціонеры начала XIX в. имѣли передъ собою примѣромъ Францію. Французская и русская революція XX в. различны какъ по формѣ, такъ и по существу.

Французскій революціонный конвентъ безпощадно казнилъ смертію всѣхъ желавшихъ раздѣ-

¹⁾ П. И. Пестель. Русская Правда, 1906.

ленія Франціи на областныя автономіи, всѣхъ стремившихся устроить ее на федеративномъ началѣ, т. е. уничтожить государственное единство. Съ начала и до конца основнымъ лозунгомъ французской революціи было — *единая Франція*. Когда явилась опасность иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, когда, подъ видомъ подавленія революціонной смуты, сосѣднія государства задумали воспользоваться ею для корыстныхъ цѣлей, французскіе революціонеры возстали за неприкосновенность и цѣлость Франціи и энергично призывали на защиту отечества весь народъ, воодушевляя его своими рѣчами.

У насъ мы видѣли и видимъ совершенно противоположное. Русскіе революціонеры воспользовались войной на дальнемъ востоцѣ для своихъ разрушительныхъ цѣлей, радовались пораженьямъ Россіи, рукоплескали японскимъ побѣдамъ, находились въ сношеніяхъ съ японцами, получали отъ нихъ деньги на революцію и всячески помогали имъ, смущали Русскій народъ, препятствовали правительству отстоять цѣлость, честь и достоинство Россіи и злодѣйски не дали довести войну до конца. Лозунгомъ нашей революціи является не единая Россія, а наоборотъ — разграбленіе и уничтоженіе Россіи, созданной тысячелѣтней работой русскихъ царей и русскаго народа, обращеніе одной половины ея въ систему инородческихъ автономій и въ подчиненіе еврейско-инородческому игу другой половины. Въ противоположность французскимъ,

россійскіе революціонеры казнятъ строго всѣхъ стоящихъ за единство и цѣлость Россіи, всѣхъ стоящихъ за русскую національность. Они объявили своимъ лозунгомъ войну съ бюрократіей. Но и изъ бюрократіи отъ бомбъ и браунинговъ революціонеровъ погибли и погибаютъ только исключительно русскіе по духу люди. Ни одинъ изъ русскихъ измѣнниковъ — бюрократовъ и изъ инородцевъ, которыми кишитъ наша бюрократія, не подвергся казни революціонеровъ.

И это вполне понятно, потому что наша російская революція не русская, а анти-русская, инородческая, — потому что революція эта есть ни что иное, какъ бунтъ инородчества, во главѣ съ еврействомъ, противъ Россіи и русскаго народа, какъ внутреннихъ ея «дванадцати языковъ» противъ ея національнаго, т. е. государственнаго единства и цѣлости (А. П. Липранди¹⁾).

Все вышеизложенное укрѣпляетъ насъ въ неизбѣжномъ положеніи: Россія должна быть единою и нераздѣльною. Во главѣ государства должны стоять Русскій народъ во всѣхъ его трехъ развѣтвленіяхъ. Тѣ изъ инородцевъ, кои имѣютъ культурное право на самостоятельное существованіе, въ такой только мѣрѣ могутъ стать равноправными, въ какой мѣрѣ они станутъ русскими. Народности съ низшей культурой должны слиться съ русскими и тогда они получатъ всѣ права русскихъ гражданъ.

Наши права на господство въ русскомъ госу-

¹⁾ А. Липранди. Равноправіе и еврейскій вопросъ.

дарствъ будутъ—*права крови*. Державная господствующая нація достигла такого своего состоянія путемъ пролитія моря крови своихъ дѣтей и потери сотенъ тысячъ своихъ гражданъ. Данную территорию и всякую соподчиненную націю она получила путемъ упорной борьбы. Если бы она не побѣдила, то была бы побѣждена и ея судьба была бы таже, въ какой пребываютъ соподчиненныя націи. Затѣмъ — *права историческаго бытія*, Русскій народъ не имѣетъ права забывать свою историческую судьбу и долженъ отстаивать свое положеніе и назначеніе. *Права имущественныя*, ибо Россія затратила миллиарды на свое строительство, проценты которыхъ она платитъ и нынѣ. Далѣе — право *самосохраненія* своего цѣлаго, своей мощи, своей силы, своего единства, своего бытія. Право—*культурнаго бытія* и культурнаго превосходства надъ прочими націями. Въ этомъ отношеніи даже патентованный кадетъ, Петръ Струве, отдаетъ Россіи должное. Выдѣляя Польшу и Финляндію, по долгу службы, онъ говоритъ, что «кромѣ Финляндіи и Польши, приобщеніе къ русской культурѣ означаетъ подъемъ на высшую степень»¹⁾. Наконецъ, *право побѣдителя* и *право собственности*: кто не сохраняетъ, тотъ теряетъ.

IV.

Да позволено будетъ остановиться на одной невыгодной особенности характера русскаго народа.

¹⁾ Петръ Струве. Patriotica, 301.

Русскіе отличаются застѣчивостью, добродушіемъ, снисходительностью, кроткостью и смиреніемъ. Все это добродѣтели. Но С. А. Хомяковъ¹⁾ правъ, говоря: «Всякая добродѣтель имѣетъ свою крайность, въ которой она становится нѣсколько похожей на порокъ. Мы впадаемъ иногда и въ ту крайность, которая, безъ сомнѣнія, лучше самохвальства; но всегаки не заслуживаетъ похвалы и унижаетъ насъ въ глазахъ западныхъ народовъ. Наша сила внушаетъ зависть. Собственно признаніе въ духовномъ и умственномъ безсиліи лишаетъ насъ уваженія,— вотъ объясненіе всѣхъ (злостныхъ) отзывовъ запада о насъ. Неуваженіе къ нравственному и духовному историческому закону унижаетъ неизбѣжно нашу націю въ глазахъ другихъ народовъ. Намъ случается впадать въ эту крайность» Достоевскій идетъ даже дальше. Онъ отмѣчаетъ въ русскомъ человѣкѣ самоосужденіе и самоумаленіе и даже признаетъ ту черту не заслуживающую порицанія. М. Н. Толстой самопожертвованіе доводитъ до непротивленія злу... Все это быть можетъ и симпатично въ теоріи, но въ практикѣ политической жизни державнаго народа кроткость, смиреніе и самопожертвованіе часто бываютъ не только излишни, но и вредны.

Такъ и въ вопросѣ господства русской націи въ предѣлахъ Русскаго государства сплошь и рядомъ мы являемся излишне уступчивыми и из-

¹⁾ С. Хомяковъ. Сочиненія, т. I, стр. 8.

лишне кроткими. Сказавъ, что «Россія для русскихъ», мы сейчас же стараемся смягчить ту фразу тысячами оговорокъ, которыя нерѣдко низводятъ основную мысль къ нулю.

Нѣтъ, въ дѣлѣ единодержавія мы должны точно и опредѣленно сказать и стоять на томъ: Россія едина и недѣлима. Всѣ составныя части ея не есть отдѣльныя части, а нераздѣльныя части единого тѣла и нѣтъ между этими частями никакихъ границъ. *Русская нація есть единая державная и господствующая нація и только она одна имѣетъ право господства въ государствѣ.* Всякій инородецъ тогда только сможетъ пользоваться всѣми правами русскаго, когда онъ станетъ поистинѣ духомъ русскимъ человѣкомъ. Всѣ русскіе и инородцы, помышляющіе злое Русскому государству, не имѣютъ права на пользованіе правами русскаго гражданина.

Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ мнѣніемъ М. О. Меньшикова ¹⁾, который говоритъ слѣдующее: «Самое имя націонализма обяываетъ заботиться о возстановленіи націи во всемъ значеніи ея титула, а этотъ титулъ, какъ царственный, противоположенъ понятію о рабствѣ. Подобно другимъ независимымъ народамъ, русскій народъ именуется себя государственнымъ, а государственство есть полнота свободы. Не съ цѣлью умаленія, а съ цѣлью укрѣпленія величества на-

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Отвѣтъ на выстрѣлъ.

роднаго націоналисты настаиваютъ на законномъ укрѣпленіи свободы, ибо беззаконіе — одинаково вверху или внизу — есть прежде всего слабость».

«У насъ, русскихъ, есть двѣ страшныя силы, говоритъ Достоевскій, стоящія выше всѣхъ остальныхъ во всемъ мірѣ, — это всецѣлость и духовная нераздѣлимость миліоновъ народа нашего и тѣснѣйшее единеніе его съ монархами». Мы укажемъ на третью силу, еще болѣе укрѣпляющую первыя двѣ — православіе.

«Задача Россіи на окраинахъ, говоритъ А. П. Липранди ¹⁾ не въ томъ, чтобы всегда быть наготовѣ къ подавленію мятежныхъ вспышекъ инородческаго сепаратизма, а въ томъ, чтобы именно этого не требовалось, — ergo — чтобы, какъ показывала Екатерина II, «исчезла грань инородія и области русскія были русскими не однимъ именемъ, а душою и сердцемъ». Это и есть окраинная инородческая политика, которой Россія искони держалась и единственно которая отвѣчаетъ смыслу ея исторіи и государственности, ограждая права и значенія русскаго народа.

И обезпечивая ея единство и цѣлостность отнюдь не обозначаютъ собою «угнетенія» инородцевъ, вообще умаленія въ чемъ бы ни было ихъ благополучія. Это не означаетъ вовсе, что финны, латыши, литовцы, поляки, армяне, грузины, та-

¹⁾ А. П. Липранди. Инородческой вопросъ и наши окраины.

тары и т. д. должны стать русскими. Это означает лишь, что *всѣ части Россіи суть Россія*, ergo—не могутъ быть Швеціей, Ливоніей, Литвой, Польшей, Арменіей, Грузіей», и т. д. «Русская національность, говоритъ М. Н. Катковъ, не требуетъ, чтобы всѣ живущія на ея территории народы были одного племенного происхожденія, чтобы всѣ они были одной вѣры. Но нельзя допустить, чтобы къ намъ приходили завоеватели съ притязаніями на власть, съ презрѣніемъ къ народу, припявшему ихъ въ свои пѣдра. Какого бы ни были происхожденія русскіе граждане, они не должны имѣть иного отечества, кромѣ Россіи. Нельзя требовать, чтобы всѣ были ревностными русскими патриотами, но должно, чтобы русскіе подданные не имѣли иного патриотизма, кромѣ русскаго. Государственное единство допускаетъ широкой просторъ для всякаго разнообразія, но оно не можетъ терпѣть никакихъ государствъ въ государствѣ, не можетъ допустить, чтобы какія бы то ни были части страны могли организоваться въ смыслѣ особыхъ политическихъ національностей. Единое государство, значитъ единая нація».

V.

Національная партія и благу народа. Русскій языкъ, несомнѣнно весьма богатый, въ пѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ еще недостатки и требуетъ дальнѣйшей разработки и совер-

шенствованія. Доказательствомъ тому служатъ иностранныя слова и нынѣ употребляемая въ русской рѣчи и русской литературѣ,—и при томъ такіа слова, безъ которыхъ мы никакъ не можемъ обойтись. За примѣромъ не далеко ходить. Мы употребляемъ слова «нація», «національный», «націонализировать» и проч. Эти слова безспорно не русскія и въ русскомъ языкѣ вы не найдете словъ, которыя въ точности могли бы ихъ замѣнить.

Возьмемъ слово «нація». Какое русское слово его можетъ замѣнить? Народъ?.. Нѣтъ. Слово народъ или шире, или уже слова «нація». Говорятъ: «русскій народъ». Прежде всего подъ этотъ терминъ подходятъ всѣ жители Россіи, состоящіе болѣе, чѣмъ изъ 150 національностей. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи слово народъ будетъ шире понятія о «націи». Съ другой стороны «народъ» обозначаетъ простую массу народонаселенія, противопоставляемую второй части понятія о націи — аристократіи. Въ такомъ случаѣ понятіе «народъ» значительно уже понятія о націи.

Мы надѣемся, наступитъ время, когда русскіе создадутъ свое собственное слово, которое замѣнитъ собою слово «нація»,—а до тѣхъ поръ приходится пользоваться этими словами.

Всякая нація дѣлится на двѣ неравныя части: народъ и аристократію. Народъ: земледѣльцы, рабочіе, мелкіе и средніе землевладѣльцы, городская мелкая и средняя буржуазія (мѣщанство, ремесленники и проч.), громадное большинство сель-

скаго и городского духовенства и значительная часть служилой и вольнопрофессиональной интеллигенции. Это—масса государства, которая составляет его жизненную силу, его почву, его энергию, его гений. Это те люди, которые почти исключительно дают войско. Это те люди, которые дают государству хлеб. Это те люди, на которых держатся фабрики и заводы. Это те люди, которые дают государству доход и средства.

Аристократия делится на три отдела: аристократия ума—высшее духовенство, ученые, профессора, министры, журналисты, писатели, художники и проч.,—аристократия рода—княжеские фамилии, дворянство и проч.,—аристократия финансовая—крупное купечество, промышленники, фабриканты, заводчики, крупные землевладельцы, финансисты и проч.

Ну, а аристократия развита не из народа? Очень даже из народа, хотя часто забываешь об этом. И если бы народ не пополнял, не обновлял ее, то она давно бы уже выродилась. Если высшие сословия и интеллигенция — соль земли, то простой народ есть хлеб ее. Сама интеллигенция и высшие сословия плоть от плоти и кровь от крови народа. Это тот же народ, но только культивированный и вышлифованный, при чем и своей шлифовкой он обязан поту и крови того же народа. А если эта отборная частица народа получила свое бытие от народа, то и она должна отдать свою жизнь народу, чтобы извлечь его из

темноты, душевного мрака, бедности и несчастной доли,—и поднять его до себя. Ибо этот народ много выстрадал и нередко по нашей вине... «Россия для русских»,—но и русские для России»...

Говорят, закрепощение русского народа началось со времен царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. На деле оно началось от начала Руси. Император Петр I желал надлежаще устроить государство, дать ему мощь и величие, вместе с тем значительно отягчить положение простого народа усилением крепостничества. При его преемниках эта тягота была усилена и значительно расширена. Екатерина II приказала уничтожить уничижительное звание раба, но это не помешало ей, как говорит Пушкин, закрепить миллионы вольных малороссов и прочих. Император Александр II дал свободу крестьянам. До тех пор крестьяне были равны со всеми людьми только перед Богом. Александр II сравнивал их с остальными гражданами и перед законом. Александр III посвятил свою жизнь устройству жизни этих несчастных и по праву может назваться царем крестьян и даже больше *царем - националистом*, нежели царем-миротворцем. Только Император Николай II дал народу права гражданства и призвал его, наравне со всеми сословиями, к участию в законодательстве и законодательной деятельности государства, оставаясь, по национальным свойствам народа Самодержавным царем.

Тѣмъ не менѣе и нынѣ нашъ народъ остается темнымъ, бѣднымъ, невѣжественнымъ, то совершенно безправнымъ, то дерзкимъ нарушителемъ, неумѣющимъ даже работать. Кто научить его уму-разуму, тотъ его возьметъ въ руки и поведетъ за собою.

Во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ интеллигенція всегда брала бѣдный людъ и непросвѣщенный народъ подъ свою защиту и покровительство. Было и у насъ тоже. Но лѣтъ 25—30 назадъ русская либеральная интеллигенція забыла о своемъ народѣ. Иногда, на словахъ, она являлась какъ бы его печальникомъ, но на дѣлѣ это было не такъ. На дѣлѣ она взяла подъ свое покровительство quasi-тѣсныхъ и угнетенныхъ инородцевъ. Съ пѣною у рта и съ горячностью, часто наемною и достойной лучшей участи, она защищаетъ тѣсныхъ русскій народъ жидовъ, поляковъ, финновъ и проч. Причиною тому служить то обстоятельство, что русское государство, вопреки интересамъ своего державнаго народа, даетъ высшее образование непропорціонально большому числу инородцевъ передъ своими дѣтьми. Эти вскормленные на средства, трудъ и потъ русскаго народа инородцы, пробравшись въ кружокъ интеллигенціи, захватили прессу, воздѣйствуютъ и направляютъ русскую интеллигенцію и проявляютъ вліяніе даже на ходъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Это социальное уродство. Это общественная ненормальность. Это государственное

преступленіе. Но это фактъ. Русская либеральная интеллигенція идетъ противъ интересовъ русскаго народа. Если это такъ въ большинствѣ, то меньшая часть интеллигенціи—національная партія—должна взять на себя великую и священную обязанность защиты интересовъ русскаго народа. Это ея доля. Національная партія должна стать не только *національною*, но и *націально-демократическою*. Если многіе изъ интеллигентовъ не пожелали стать націоналистами, какъ это мы видимъ теперь, то народъ создастъ свою интеллигенцію и съ презрѣніемъ отнесется къ тѣмъ, кто пренебрегаетъ своимъ дѣломъ. Всякъ, кто получилъ образованіе, обезпеченіе и благосостояніе на народныя средства обязанъ отплатить за это своему народу. И всякъ, кто пренебрегаетъ своимъ народомъ и своимъ долгомъ по отношенію къ нему, является безчестнымъ по отношенію къ народу.

Какъ же національная партія можетъ служить своему народу? Прежде всего она должна изучить его нужды, его природныя богатства, его условія жизни,—а за тѣмъ научить народъ пользоваться этими природными богатствами на благо и благоденствіе этого народа. Если національная партія сѣмѣетъ разрѣшить эту задачу, то тогда за этой партіей пойдутъ не только православные, но и католики и магометане,—и русскіе и поляки, и армяне и татары,—только не жида! Жиды останутся всегда сами собою.

Съ другой стороны и національная партія тог-

да только будетъ національною, когда она будетъ народною. Она будетъ заключать въ себѣ не только одну интеллигентную часть націи, но объединить въ себѣ интеллигенцію и народъ—основу націи,—а также и другія національности. Она по всей справедливости будетъ партией государственной. Таково ея будущее и такую она можетъ стать,—но при одномъ условіи: *съ народомъ, черезъ народъ и для народа.*

Всякая политическая партія, желающая въ государствѣ преобладанія и господства, должна поставить своими задачами и цѣлями такія положенія, которыя удовлетворяли бы запросы если не всего государства, то во всякомъ случаѣ большинства. Если же задачи и цѣли партіи не удовлетворяютъ потребностямъ державнаго народа, то все трудятся зияющіе... Возьмемъ для примѣра кадетскую партію, ея задачи и цѣли: защита сепаратизма, равноправіе и покровительство еврейству, обѣщаніе разныхъ свободъ, граничащихъ съ разнузданностью. Поставивши такой флагъ, партія обеспечена. Къ ней примкнутъ евреи, все сепаратисты, все либеральничавшіе чиновники и даже комерсанты, воспитанные въ безвѣріи, національномъ безразличіи, презрительномъ отношеніи къ родинѣ и нравственномъ анархизмѣ. Партія готова. Партія довольно вліятельная и стойкая. Что за важность, что она возбуждаетъ сомнѣніе, недоувѣріе и презрѣніе честныхъ людей. Эта партія жизненна, ибо въ Россіи найдутся измѣнники своей

родинѣ и русскому народу. И будетъ это до тѣхъ поръ, пока русскимъ народомъ не будутъ приняты мѣры къ уничтоженію современнаго ненормальнаго положенія государственной жизни.

Русскій народъ долженъ принадлежать къ русской національной партіи. И это будетъ на самомъ дѣлѣ, если эта партія не будетъ сонною и поставитъ на своемъ флагѣ жизненные интересы *русскаго народа* и будетъ во главѣ имѣть людей, заслуживающихъ довѣріе и умѣющихъ оправдать обѣщаніе. Придетъ время, когда и инородцы познаютъ важность этихъ интересовъ и незлобіе русскаго народа и сольются съ нимъ—въ одну государственную партію.

Главную основу государства, его мощь и силу составляетъ простой русскій народъ, народъ—крестьянинъ, народъ—труженикъ. Его то интересы и должны стоять на первомъ планѣ въ программѣ дѣятельности русской національной партіи.

Въ числѣ первыхъ и важнѣйшихъ вопросовъ въ программѣ русской національной партіи должно стоять надлежащее воспитаніе и образованіе народа. Разумѣется, въ основу воспитанія должны быть поставлены три основныхъ положенія русскаго націонализма: православіе, самодержавіе и недѣлимость земли русской. Это—мани, факель, фаресь... Это—аксіома, вытекающая изъ существа русскаго народа.

Объ этомъ и толковать излишне. Во главѣ русской народной школы должны быть поставлены

русские люди. Преподавание всюду должно быть на языкѣ державнаго народа, на русскомъ. Русскій языкъ долженъ быть всюду введенъ на судѣ и дѣлопроизводствѣ. Первыми и важнѣйшими предметами преподаванія въ школахъ должны быть: Евангеліе, родиновѣдѣніе, исторія Россіи, исторія всѣхъ народностей, населяющихъ Россію и литература своего народа. Всѣ эти истины должны неукоснительно соблюдаться министерствомъ просвѣщенія и всякія уклоненія въ данномъ направленіи жестоко караться. Государственная Дума должна строжайше слѣдить за законѣрнымъ выполненіемъ даннаго положенія.

Всѣ эти требованія настолько важны и непоколебимы, что о нихъ говорить много не стоитъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Русскій народъ.

Приступая къ изложенію предположенія—какимъ должно быть воспитаніе и образованіе *дѣтей русскаго народа*, я считаю необходимымъ хотя въ краткихъ чертахъ указать на особенность души русскаго народа, дабы тѣмъ отмѣтить какія стороны жизни нужно особенно поощрять и развивать въ школахъ для русскихъ людей и какія нужно сдерживать и даже тормозить.

Великимъ психологомъ русскаго народа и историкомъ его душевныхъ качествъ является Ѡ. М. Достоевскій и я съ большою охотою буду его цитировать въ данномъ отдѣлѣ.

Вотъ что онъ говоритъ о душѣ Русскаго чело-вѣка: «Въ русскомъ чело-вѣкѣ изъ престо-народья нужно умѣть отличать красоту его отъ нано-снаго варварства. Обстоятельствами всей почти рус-ской исторіи народъ нашъ до того былъ преданъ разврату и до того былъ развращаемъ, соблазняемъ и постоянно мучимъ, что еще удивительно, какъ онъ дожилъ, сохранивъ чело-вѣческой образъ, а не то, что сохранивъ красоту его. Но онъ сохранилъ и

красоту своего образа... *простодушіе и честность, искренность и широкій всеоткрытый умъ, чистоту, кротость, незлобіе*,—въ противоположность всему измышленному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному,—а все это въ самомъ привлекательномъ, гармоничномъ соединеніи» 1)...

Русскій народъ, въ своемъ цѣломъ, дѣлится на двѣ весьма неравныя части: интеллигенцію и простой народъ. Я мало ошибусь, если скажу, что количество простого темнаго народа, та масса, которую мы привыкли называть *народъ*, въ десять двадцать разъ превосходитъ ту частицу, которую составляетъ интеллигенція, часть народа образованную, просвѣщенную и пользующуюся благами науки, искусства и благоденствія. Сущность и основу націи даетъ именно народъ, его масса, ибо интеллигенція или просвѣщенная часть русскаго народа болѣе чѣмъ на половину состоитъ изъ инородцевъ не русской націи. Поэтому простой народъ даетъ характерныя черты, опредѣляющія націю. И если мы хотимъ дать большую или меньшую характеристику душевныхъ свойствъ русской націи, то мы должны имѣть въ виду именно преимущественно народную массу и только отчасти и съ осторожностью ея интеллигенцію.

«Русская нація необыкновенное явленіе, говоритъ Ф. М. Достоевскій,—въ исторіи всего чело- вѣчества. Характеръ русскаго народа до того не

похожъ на характеръ всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ, что европейцы до сихъ поръ не понимаютъ его и понимаютъ въ немъ все обратно. Всѣ европейцы идутъ къ одной и той же цѣли... Но всѣ разъединяются между собою почвенными интересами, исключительными другъ къ другу до непримиримости и все болѣе и болѣе расходятся по разнымъ путямъ. Идея общечеловѣчности все болѣе и болѣе стирается между ними. *Въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность,—въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко-синтетическая, способность всемірности, всечеловѣчности.* Въ русскомъ чело- вѣкѣ *нѣтъ европейской условности, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всеми уживается и во все втягивается. Онъ сочувствуетъ всему чело- вѣческому, безъ различія націи, крови и почвы.* Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько нибудь есть общечеловѣческаго интереса. *У него инстинктъ общечеловѣчности.* Онъ инстинктомъ угадываетъ общечеловѣческую черту, даже въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ, тотъ часъ же соглашается, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ, находитъ имъ мѣсто въ своемъ умозаключеніи и нерѣдко *открываетъ точку соединенія и примиренія* въ совершенно противоположныхъ, соперническихъ идеяхъ, двухъ различныхъ европейскихъ націй,—идеяхъ, которыя сами собою, у себя дома, еще до сихъ поръ у себя, къ

1) Ф. М. Достоевскій. Сочиненія. т. X, ч. I, стр. 50.

несчастію, не находятъ способа примириться, а можетъ быть никогда и не примирятся.

Мы должны преклониться предъ народомъ и ждать отъ него всего, и мысли, и образа; преклониться передъ *правдой* народной и признать ее за правду.

Обращаясь къ нашимъ предкамъ, скифамъ, сарматамъ и славянамъ, мы видимъ, что они были *воинственны, храбры, безстрашны и неотразимы*, но такими они являлись не въ силу алчности и побужденія къ грабежу, а просто изъ молодечества и прирожденной отваги. «Не для добычи и не для власти стремятся они къ завоеваніямъ, говоритъ Хомяковъ¹⁾. Не требуютъ они ни золота, ни земли, ни рабовъ. Власть ихъ кротка, оброки легки. Они ищутъ *побѣды не для плодовъ ея*, а для того, *чтобы побѣжденные признали ихъ превосходство въ бояхъ*. И эту жажду славы, рыцарскую, безкорыстную встрѣчаемъ мы при самыхъ первыхъ началахъ исторіи въ племени, котораго грубые нравы не озарились еще ни слабѣйшимъ лучемъ просвѣщенія».

При такомъ безкорыстномъ стремленіи къ побѣдѣ и славѣ, Русскій народъ отличается вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенною *скрытностью* и даже излишней *стыдливостью*. Онъ не станетъ важничать и бахвалиться, а скорѣе станетъ себя осуждать. «Мы не отвергаемъ способности самоосуж-

1) Хомяковъ. Сочиненія т. I, стр. 77.

денія, любимъ ее и признаемъ ее за лучшую сторону русской природы. За ея особенность, за то, что ея на Западѣ нѣтъ» (Достоевскій). Сознывая въ себѣ силу и мощь, у насъ нѣтъ *щепетильности и обидчивости*. Мы *вѣруемъ въ силу русскаго народа* не менѣе, чѣмъ кто бы то ни было». Вмѣстѣ съ тѣмъ «въ русскомъ человѣкѣ видна самая *пылкая способность самой здоровой надѣ собой критики*, самаго *трезваго на себя взгляда* и *отсутствіе всякаго самовозвышенія*, вредящаго свободѣ дѣйствія».

Русскому чужды насиліе, наглость и нахальство. Онъ долго бываетъ сдержанъ и остороженъ; но когда онъ сознаетъ свою силу и рѣшится на дѣйствіе, то удержу его *рѣшимости* нѣтъ предѣла. «Въ лицѣ Петра I мы видимъ примѣръ того, на что можетъ рѣшиться русскій человѣкъ, когда онъ выживетъ въ себѣ полное убѣжденіе и почувствуетъ, что пора пришла, а въ немъ самомъ созрѣли и сказались новыя силы. И страшно, до какой степени свободенъ духомъ человѣкъ русскій, до какой степени сильна его воля!»..

Въ силу историческихъ обстоятельствъ, русскіе на много отстали въ своихъ знаніяхъ отъ Запада,—въ силу тѣхъ же обстоятельствъ русскій народъ несъ великую тяготу рабства. И то и другое поставило русскихъ въ фальшивое положеніе по отношенію къ иностранцамъ. Русскій какъ бы стѣсняется и съ одной стороны держитъ себя слишкомъ сдержанно и приниженно, а съ другой—

боится показаться ниже, чѣмъ онъ есть. Это вынуждаетъ его казаться инымъ, толкаетъ на лесть и заставляетъ молчать, когда ему говорятъ не лестныя слова о немъ и его родинѣ.

Нѣтъ слова, въ это время онъ самъ себя стыдится и осуждаетъ, но у него не хватаетъ силы духа защитить свое личное достоинство и честь своей родины. *Грѣжданское самосознаніе и сознаніе своего достоинства у насъ слишкомъ еще низки*, что является естественно послѣдствіемъ нашего многовѣкового рабства. Это влечетъ за собою естественно *недостаточное уваженіе въ другомъ человѣкѣ къ человѣку. Недостаточное исполненіе своего долга и даже недостаточное уваженіе къ чужой собственности.* Многовѣковые са-трапы и многовѣковые рабы дали потомковъ съ атрофированными чувствами долга и собственности одни потому, что имѣли рабовъ, всецѣло имъ принадлежавшихъ, другіе потому, что были рабами и составляли чужую собственность.

Въ силу особенности природы русскаго славянина къ широкому челоуѣколюбію и въ силу многовѣкового рабства съ его великою физическою и душевною тяготою, русскій народъ, живущій своимъ православіемъ и находящій въ его любви и самопожертвованіи свое единственное утѣшеніе, — и воспиталъ въ себѣ чувство безпредѣльной любви къ ближнему и самопожертвованію. На этомъ основывается его русскій міровой рухъ на освобожденіе православныхъ братьевъ славянъ отъ турецкаго ига.

Самъ зная по себѣ, что значить рабство онъ всей душой несъ свои копѣйки и себя самого въ жертву для спасенія православныхъ рабовъ въ Турціи. И не оскорбляли его стамбуловцы, каравеловцы, Обреновичи и другіе освобожденные отъ рабства русскою кровію, но оставшіеся рабами и хэмами въ душѣ, — ибо русскій народъ проявилъ свою *любовь и самопожертвованіе* не ради благодарности, а по своему внутреннему православному дѣлу.

По мнѣнію Достоевскаго, «нашъ народъ *тихъ и разуменъ*». Это значить, что ко всякому жизненному явленію онъ относится вполнѣ осмысленно, сознательно и съ наблюденіемъ; но познавъ и усвоивъ то, или другое жизненное явленіе, онъ на него не набрасывается, а выжидаетъ удобнаго случая и даже иногда является только благороднымъ свидѣтелемъ, не принимая дѣятельнаго участія.

Англичанинъ Берингъ, основательно изучившій Россію и русскій народъ, въ своей книгѣ «Русскій народъ» очень хорошо опредѣляетъ его характеръ. Славянскій типъ, по его мнѣнію, является понятіемъ диаметрально противоположнымъ понятію варварства. Славяне *миролюбивы, уступчивы, пластичны*. Они отличаются *большою остротою ума* и раздражательными способностями, — за то имъ не достаеетъ оригинальности и инициативы (очевидно, Берингъ мало наблюдалъ русскихъ славянъ). Въ славянскомъ характерѣ замѣчается *мало воли, но мною идейности и чувства...* Русскіе крестъ-

яне меньше всего отличаются *грубостью* (brutality),— но за то часто авторъ наблюдалъ *мякоть* и *доброту* русскаго народа. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по Берингу, нѣтъ второго народа, который былъ бы способенъ въ такой высокой степени на *короткое*, но *очень большое напряженіе и усиліе* и въмѣстѣ съ тѣмъ *вполнѣ непривычнаю и приспособленнаю къ регулярной напряженной работѣ*. Берингъ устанавливаетъ, что русскій способенъ «дать немного больше, чѣмъ тахитит усилія и напряженія». *Постоянная усидчивая и систематическая работа русскому характеру не свойственна*. Поэтому между русскими вы найдете очень многихъ, которыхъ *знанія весьма разнообразны и разносторонни, но поверхностны*. Важно и то, что если между русскими найдется достойный специалистъ, то онъ какъ бы *стыдится, что онъ знаетъ только свое дѣло*, и не знаетъ всего остального... Отсутствие воли влечетъ за собою *недостатокъ нравственной дисциплины*... Въмѣстѣ съ этимъ русскіе отличаются *удивительнымъ богатствомъ умственной жизни*: они необычайно легко приспособляются къ самымъ новымъ и неожиданнымъ для нихъ обстоятельствамъ. Поэтому едва ли другія націи сравниваются съ русскими въ пониманіи другихъ націй. Богатство умственной жизни присуще не только русской интеллигенціи, но и крестьянству, при чемъ послѣдніе способны на *самый разнообразный трудъ*. По

Берингу, русскіе должны быть великолѣпные колонизаторы.

Весьма яркимъ и характернымъ проявленіемъ характера русскаго челоѣка—это его склонность къ *великодушію* и при томъ къ *великодушію* даже съ самопожертвованіемъ даже жизнью, *безъ рисовки*, безъ фигурированья, безъ расчета на то, чтобы это даже стало извѣстно другимъ,—не говоря уже о томъ, что это дѣлается *безъ всякаго расчета на благодарность и отплату*. Таковы геройскіе подвиги Архипа Осипова, Ѳомы Данилова и многихъ, многихъ нашихъ нижнихъ чиновъ и простыхъ людей. Это, такъ сказать,—эмблема Россіи, всей Россіи, всей нашей родной Россіи, подлинный образъ ея, говоритъ Достоевскій... *Даръ великодушія есть даръ вѣчный, стихійный даръ, родившійся вмѣстѣ съ народомъ и тѣмъ болѣе чтимый, если и въ продолженіе вѣковъ рабства, тяготы и нищеты, онъ всетаки уцѣлѣлъ неповрежденнымъ въ сердцѣ этого народа*... Въ своемъ великодушіи русскій челоѣкъ все это дѣлаетъ и проявляетъ просто, твердо, не требуя *ни награды, ни похвалы, собою не красуясь*: во что вѣрую, то и исповѣдую... Совершенно *безкорыстно*...

Принимая во вниманіе высшія качества душевныхъ ствойствъ русскихъ славянъ, наши великіе русскіе мыслители предсказываютъ нашему народу великое будущее.

«Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что

въ немъ то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, приобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли всѣмъ имъ предназначенной». Такъ мыслилъ древній Римъ, такъ мыслила Франція, такъ мыслила Германія. Та же судьба и нашей родины.

«Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всего движенія, говоритъ Хомяковъ,—но если есть какая нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви, правды и добра не призракъ, а сила живая, неумирающая: зародышъ будущей жизни міровой не германецъ, аристократъ и завоеватель,—а славянинъ, труженикъ и разночинецъ призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію».

«Кто знаетъ, господа иноземцы, говорятъ Достоевскій,—можетъ быть Россія именно предназначено ждать, пока вы кончите; тѣмъ временемъ проникнутыя вашей идеей,—понять ваши идеалы, цѣли, характеръ стремленій вашихъ; согласить ваши идеи, возвысить ихъ до общечеловѣческаго значенія и, наконецъ, свободной духомъ, свободной отъ всякихъ постороннихъ, сословныхъ и почвенныхъ интересовъ, двинуться въ новую широкую, еще невѣдомую въ исторіи дѣятельность, начавъ съ того, чѣмъ вы кончите,—и увлечь васъ всѣхъ за собою»...

Уже прежніе наши славянофилы утверждали,

что Россія купно со славянствомъ и во главѣ его, скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ когда либо слышала, и что это слово именно будетъ завѣтомъ *общественнаго единенія*, и уже не въ духѣ личного эгоизма, которымъ люди и нации, *искусственно и неестественно единятся* теперь въ своей цивилизаціи, изъ борьбы за существованіе, положительной наукой опредѣляя свободному духу нравственныя границы, въ тоже время роя другъ другу ямы, произнося другъ на друга ложь, хулу и клевету. *Идеаломъ славянофиловъ было единеніе въ духѣ истинной широкой любви*, безъ лжи, безъ матеріализма и на основаніи *лично великодушнаго примѣра*, который предназначено дать собою русскому народу во главѣ свободного всеславянскаго единенія въ Европѣ... Поэтому, если національная идея русская есть, въ концѣ концовъ, лишь всемірное общечеловѣческое единеніе, то значить вся наша выгода въ томъ, чтобы *всѣмъ прекратить всѣ раздоры, до времени стать поскорѣ русскими и националистами...* (Достоевскій). Стать русскими, значить, перестать презирать народъ свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы начали уважать народъ нашъ и національность нашу, такъ тотчасъ же и онъ начнетъ насъ самихъ уважать... Ставъ самими собою, мы получамъ, наконецъ, обликъ человѣческой, а не обезьяній. Мы получимъ видъ свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; насъ сочтутъ тогда за людей, а не

за международную обшмыгу... Мы убѣдимся тогда, что настоящее соціальное слово несетъ въ себѣ никто иной, какъ *народъ нашъ*, что въ идеѣ его, *въ духъ его заключается живая потребность всеединенія человеческого, всеединенія съ полнымъ уваженіемъ къ національнымъ личностямъ и къ сохраненію ихъ, къ сохраненію полной свободы людей и съ указаніемъ въ чемъ именно эта свобода и заключается — единеніе въ любви гарантированное уже дѣломъ, живымъ примѣромъ, потребностью на дѣлѣ истиннаго братства, а не гильотиной, не милліонами огрубленныхъ головъ.*

Общечеловѣчность, какъ одно изъ основныхъ чертъ характера русскаго славянина явно выражается во множествѣ историческихъ фактовъ русскаго бытія. Россія вступаетъ за поправныя права итальянскихъ народовъ революціонуящею Франціей и шлетъ своихъ славныхъ сыновъ на защиту справедливости. Великіе и славные подвиги Суворова и его чудо-богатырей — міровые факты. Россія освобождаетъ отъ турецкаго ига Грецію. Россія спасаетъ Румынію, Россія заступаетъ за поправныя права Австрійскаго императора. Россійскій народъ проливаетъ море крови, теряетъ сотни тысячъ своихъ сыновъ и милліарды денегъ за свободу болгаръ и сербовъ...

Всѣ эти факты утверждаютъ насъ въ мысли и о будущемъ величіи Россіи. Силою своей любви, милосердія, взаимопомощи, состраданія и самопожертвованія, Россія въ будущемъ объединитъ всѣ

подвластныя ей племена и станеть на дѣлѣ великою и славною Россіей. Она объединитъ всѣ славянскія племена и станеть всесоединеннымъ единымъ великимъ государствомъ. Она объединитъ и всѣ остальные племена Европы и станеть одно великое общечеловѣческое государство. И произведеть это объединеніе она не оружіемъ, не физическою силою, а силою своего русскаго національнаго гения: силою любви, милосердія, состраданія и самопожертвованія. Сѣмена историческаго прошлаго дадутъ свои плоды въ будущемъ и создадутъ величіе и славу *Единой Россіи*.

Нужно строго отличать «космополитизмъ» и «общечеловѣченіе». Космополитизмъ есть объединеніе человѣчества путемъ поглощенія національностей. Это есть объединеніе путемъ насилія и истребленія слабѣйшаго. Тогда какъ общечеловѣченіе или всечеловѣчество — объединеніе различныхъ націй въ одно цѣлое, съ сохраненіемъ психическаго лица каждой націи, при чемъ въ основѣ объединенія лежитъ миръ, любовь, согласіе и взаимопомощь другъ другу.

Эту нашу мощь, эту нашу силу, это наше величіе всѣ западные и другіе народы видятъ, чувствуютъ, — но не понимаютъ и ненавидятъ Россію. Они ея не знаютъ, но боятся. Они ее не понимаютъ, но судя по себѣ, завидуютъ и ожидаютъ агрессивности и завоеваній. Они ожидаютъ ея побѣды и своего низверженія и потому боятся и ненавидятъ ее.

Прежде всего мы имѣемъ какое то особенное влеченіе къ инородцамъ и иностранцамъ. Уже Крижаничъ отмѣтилъ эту склонность славянъ къ иностранцамъ и считалъ ее источникомъ многихъ бѣдствій. Онъ называетъ эту склонность чужебствомъ и находитъ «избытно бѣшено вѣрованіе къ инородникамъ».

Мы сами виноваты во многомъ. Прежніе рабы (рабъ не только тотъ, кто служить рабомъ, но и тотъ, кто владѣетъ рабами) и отсталые въ знаніяхъ, наши предки не могли не преклониться передъ научнымъ и социальнымъ величіемъ запада. Въмѣстѣ съ тѣмъ они стыдились своего рабства и невѣжества, молчали передъ издѣвательствомъ надъ ними за глаза и даже сами нерѣдко поддерживали и терпѣли это презрѣніе и издѣвательство. Болѣе умные и честные, по крайней мѣрѣ стыдились себя и своей низости,—но болѣе глупые и съ добавленіемъ хамства, сами приставали къ хору заграничныхъ шакаловъ и не стыдились позорить свою мать-родину и свой народъ.

«Не хотѣли насъ европейцы почестъ за своихъ ни за что, ни за какія жервы и ни въ какомъ случаѣ. И чѣмъ больше мы имъ въ угоду презирали нашу національность, тѣмъ больше они презирали насъ самихъ... Они удивлялись тому, какъ это мы, будучи такими татарами, никакъ не можемъ стать русскими; мы же никогда не могли растолковать имъ, что хотимъ быть не русскими, а общечеловѣками... Кончилось тѣмъ, что они прямо обозвали

насъ врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации... Чтоже намъ дѣлать? *Во первыхъ и прежде всего стать русскими.* Если общечеловѣчность есть идея національная русская, то *прежде всего надо стать русскими*, т. е. самими собою... Стать русскими значить—перестать презирать народъ свой... И этого нѣмцы и другіе западные народы страшно боятся. Они боятся, что Илья Муромецъ проснется и потому страшно рады всѣмъ нашимъ неудачамъ. Они всѣми силами желаютъ втянуть насъ въ союзъ съ собою, чтобы воспользоваться для себя нашею мощью и тѣмъ самымъ ослабить насъ. Они понимаютъ наши недостатки, наше смиреніе, довѣріе, доброту, состраданіе и самолюбіе и очень удачно играютъ на этихъ струнахъ русской славянской души. Наши враги, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе пользовались закрытыми глазами дремлющаго богатыря и нашептывали ему сладкія, но ложныя рѣчи. Не видя дѣла, онъ вѣрилъ имъ. Слѣдовалъ ихъ лукавымъ дружескимъ совѣтамъ. Шель неясно видя впереди. Часто ранилъ себя. А друзья—шакалы и гиены издавали радостный вой...

Но русскій богатырь проснулся. Илья Муромецъ открылъ глаза... *Tempora mutantur et nos mutamur in illis...*

Высказавъ и указавъ на добрыя, положительныя стороны характера и свойства души русскаго славянскаго племени, нашъ долгъ отмѣтить, отмѣнить еще ярче и правдивѣе отрицательныя

стороны нашихъ братьевъ, дабы надлежащимъ воспитаніемъ возможно было исправить и вытравить то, что наложено нашими условіями жизни и тысячелѣтнимъ рабствомъ.

Уже Крижаничъ отмѣтилъ у славянъ русскихъ: *простоту, безхитростность и доверчивость*. Этимъ пользуются другіе народы и различными хитростями и обманами прельщаютъ славянъ... Вмѣшиваютъ насъ въ свои войны, и сами въ наши войны вмѣшиваются, обѣщаютъ намъ помощь, а на дѣлѣ приносятъ поражение... Но чаще бываетъ такъ, что они выжидаютъ окончанія военныхъ дѣйствій, а затѣмъ какая нибудь держава выступаетъ посредницей при заключеніи мирнаго договора и разумѣется это посредство оказывается не къ нашей выгодѣ... И это говорили болѣе трехъ сотъ лѣтъ назадъ... Какъ мы безумно и несчастно вѣрны себѣ... Дипломатическія отношенія Россіи съ иностранными государствами ничего не приносятъ ей, кромѣ вреда и униженія... Въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Россіей западныя государства не смотря на нее, какъ на равную величину, поэтому не уважаютъ ее,—стремятся не къ обоюдной, а только своей выгодѣ... Если жизненные потребности Россіи приведутъ въ столкновеніе съ иностранными державами, то слѣдуетъ твердо и открыто выставить свои требованія и въ случаѣ отказа добиться ихъ исполненія вооруженною силою (Крижаничъ)... Становится невѣроятно больно на душѣ, какъ вспомнишь нашу

дипломатію въ Персіи, Китаѣ,—а также Воронцова-Дашкова на Кавказѣ... Боже, доколѣ мы будемъ терпѣть все это...

Живя на безпредѣльной равнинѣ и обладая землею сколько кому было нужно, русскіе славяне селились не вмѣстѣ, не купно, не сплоченными поселками, а родами и каждый изъ этихъ родовъ составлялъ самостоятельную единицу. Старшій въ родѣ глава и повѣлитель. До другихъ родовъ никому нѣтъ дѣла, да и другимъ родамъ до этого нѣтъ дѣла. Русскіе славяне любили свободу и были независимы. Подчиненность и зависимость были для нихъ невыносимы. Они не переносили власти надъ собою. Всякое усиленіе одного рода вызывало сомнѣніе, недоверіе, зависть и противодействие въ другихъ родахъ. Нѣтъ слова, въ случаяхъ бѣды, опасности и массовыхъ неудачъ роду помогали,—но въ обычной жизни между родами существовала *рознь, несоласіе, недоверіе, склонность къ ссорамъ и междоусобицѣ*. Свои не могли властвовать надъ многими родами. Власть постороннихъ какъ бы уничтожала взаимную зависть и могла сдерживать роды въ подчиненіи и повиновеніи, да и то не долго и до тѣхъ поръ, пока эта власть была не слишкомъ крута. Въ противномъ случаѣ отдѣльные роды объединялись, возставали противъ власти и изгоняли ее. Таковы были новгородцы, таковы были киевляне, таковы были и всѣ русскіе славяне. Бывали случаи, что они сами извнѣ призывали эту власть,

только бы не свой оказался чѣмъ нибудь лучше, чѣмъ нибудь сильнѣе, чѣмъ нибудь превосходительнѣе.

Эта національная рознь свойственна не только русскимъ славянамъ, но и всѣмъ славянамъ, что подтверждается тысячелѣтней исторіей славянскаго народа.

Вотъ съ этой рознью, съ этой взаимной враждой, съ этимъ несогласіемъ, завистью и недоверіемъ намъ нужно бороться всѣми силами и всѣми способами. Путемъ воспитанія мы должны добиться взаимнаго *довѣрія, единенія, душевнаго согласія и совокупнаго дѣйствія во всѣхъ дѣлахъ*. Нужно твердо помнить, что единеніе не только не есть насиліе надъ свободой и независимостью, а напротивъ повышеніе свободы и укрѣпленіе независимости.

Далѣе, тысячелѣтнее рабство во времена Киевской Руси, удѣльнаго княженія, татарскаго ига и крѣпостнаго права убило въ народѣ *сознаніе собственнаго достоинства* и поселило чувство *недоверія къ себѣ, отсутствіе инициативы или начинанія, отсутствіе заботъ о будущемъ, безразличіе къ настоящему, отсутствіе интереса и уваженія къ собственности и т. д.*

Естественнымъ послѣдствіемъ отсутствія сознанія собственнаго достоинства является *отсутствіе уваженія въ друиомъ челоувѣкъ челоувѣка*. Отсюда слѣдуетъ то грубое, то непочтительное отношеніе ко всему близкому и окружающему.

Иначе и быть не могло. Рабъ не могъ уважать раба. Они оба были безличны. Рабъ не могъ уважать рабовладѣльца, — онъ его боялся. Рабовладѣлецъ не могъ уважать раба, его собственности. Да едва ли могъ рабовладѣлецъ уважать и рабовладѣльца.

Изъ такого положенія людей между собою вытекаетъ слѣдующее: *отсутствіе сознанія и исполненія своего долга*: къ Богу, ближнему, природѣ и собственности. Этотъ недостатокъ къ огорченію, слишкомъ рѣзко выраженъ не только въ бывшихъ рабахъ, но и бывшихъ рабовладѣльцахъ.

Изъ того же рабства вытекаетъ *отсутствіе чувства собственности*, а послѣднее порождаетъ непониманіе надлежащей работы количествомъ и качествомъ: *лѣнь и недобросовѣстное исполненіе*. Подобное положеніе дѣла вызывало *принужденіе, взысканія, униженія и наказанія*. Съ другой стороны рядомъ съ этимъ существовало *отсутствіе чувства обиды, самолюбія, оскорбленія личности какъ въ себѣ, такъ и въ друиыхъ*, а также *заискиваніе, лесть, обманъ, лживость и самоуниженіе*. Къ сожалѣнію эти послѣднія свойства присущи не только простому народу, тысячелѣтнимъ рабамъ, но и образованнымъ русскимъ, прожившимъ среди рабства и вынесшимъ въ прошломъ иго и отчужденіе отъ знанія и умнѣнія.

Душевная пустота, отсутствіе чувства собственности, недостатокъ стремленія къ лучшему, апатія, безнадежность породили пороки — *забытъя*

и исканья наслажденія въ алкогольѣ. Прежде для русскихъ славянъ было «пити—веселіе», теперь пьянство являлось заполненіемъ той пустоты, той безсодержательности, той безнадежности и безсознательности отчаянія, каковыя явились послѣдствіемъ отсутствія въ нихъ всего человѣческаго, всего духовнаго.

Въ послѣднее время обвиняють русскій народъ въ *озвѣреніи*, въ склонности къ жестокости, разрушительности и даже убійствамъ. Это неправда. Это невѣрно. Въ моментъ революціоннаго движенія 1905 г. простой народъ дѣйствительно проявилъ и безчеловѣчность, и жестокость и разрушительность. Но это было не его собственное душевное проявленіе, а навѣянное,—это былъ моментъ опьяненія анархіей и алкоголемъ,—а во главѣ этого направленія стояли жестокіе сыны Іеговы. Никогда безъ участія и руководства злѣйшихъ и челоуѣконеаистивѣйшихъ сыновъ Іеговы нашъ народъ не дошелъ бы до такого озвѣренія...

Говорять, что и теперь парни деревни являются образцовыми варварами, разбойниками и разрушителями. Если это и вѣрно, то только отчасти. Но прежде всего нужно замѣтить, что революціонное время еще не кончилось и наускиваніе поклонниковъ Іеговы, при содѣйствіи нашей заблуждающейся молодежи и многихъ развращенныхъ народныхъ учителей, тоже еще не закончилось. Сѣмена, разсеиваемыя кадетами, даютъ плодъ и будутъ еще нѣкоторое время давать плодъ,—но

пусть эти лжеучители помнятъ, что плодъ этотъ для народа слишкомъ горекъ, народъ имъ этого не забудетъ и проклятіе его падетъ какъ на лжеучителей, такъ и на ихъ потомковъ.

Русскій народъ самъ по себѣ не жестокъ и не изувѣръ. Онъ забить, онъ угнетенъ, онъ апатиченъ, онъ не смѣлъ, онъ остороженъ, онъ нерѣшителенъ, онъ безличенъ, онъ недовѣрчивъ,—но это было. А нынѣ русскій народъ просыпается со всѣми своими добрыми русскими славянскими качествами. Въ добрый путь!..

II.

Национальное воспитаніе.

До настоящаго времени въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія нашихъ дѣтей мы руководствовались тѣмъ, что давали намъ просвѣщенные государства Европы и Америки. Во многихъ случаяхъ это совершенно правильно и справедливо. Эти страны въ области знанія часто оказываются впереди насъ. Они имѣли возможность больше работать въ этомъ направленіи и имѣютъ за собою большой опытъ. Поэтому весьма естественно, что мы должны присматриваться къ тому, что у нихъ дѣлается, учиться у нихъ и стараться заимствовать у нихъ то, что намъ окажется пригоднымъ и полезнымъ. Но цѣликомъ переносить все ихнее къ намъ едва ли будетъ и разумно и полезно.

Въ дѣлѣ воспитанія и образованія должно считаться съ свойствами и качествами даннаго народа. Русскій народъ совершенно своеобразный и особенный. Поэтому въ дѣлѣ воспитанія дѣтей русскаго народа нужно съ запада заимствовать только

то, что для него полезно. И въ этомъ отношеніи требуется большая осторожность.

Въ дѣлѣ воспитанія юношества мы должны строжайше руководствоваться особенностями и основными качествами нашей націи,—поощрять то, что мы въ ней находимъ цѣннаго и досгойнаго дальнѣйшей культивировки, и бороться и уничтожать то, что является въ націи неудовлетворительнымъ, недостаточнымъ, бесполезнымъ и вреднымъ. Одни изъ этихъ свойствъ являются природными, другія—наносными, заимствованными, образованными подъ вліяніемъ жизненныхъ неблагоприятныхъ условій, дѣйствующихъ столѣтіями и тысячелѣтіями. Нѣтъ слова, эти особенности слишкомъ стойки, слишкомъ крѣпки. Но если наследственность является великимъ факторомъ въ дѣлѣ организаціи чловѣка, то и воспитаніе не менѣе важно и сильно. И какъ наследственность дѣйствуетъ вѣками и долгимъ временемъ,—то и воспитаніе даетъ благія послѣдствія только при выдержкѣ, настойчивости и систематической послѣдовательности. Почему въ усиліяхъ воспитанія никогда не должно отчаиваться.

Россия представляетъ собою великое государство, въ которомъ господствуетъ великая и многочисленная русская народность и въ которой заключается множество малыхъ и мелкихъ народностей, ей соподчиненныхъ, какъ: польская, финская, армянская, грузинская, татарская и т. д. и т. д.

По отношенію къ русской народности должно

быть принято неизбежнымъ и основнымъ положениемъ слѣдующее: *воспитаніе и образованіе дѣтей гражданъ русской народности должно производиться въ духъ русской народности и быть чисто русскимъ національнымъ, — образованіе и воспитаніе дѣтей русскихъ гражданъ другихъ культурныхъ народностей, соподчиненныхъ русской народности, должно производиться въ духъ патріотическомъ, т. е. въ духъ уваженія и преданности своей родинѣ и той народности, которая составляетъ основу государства; что же касается націй не культурныхъ, какъ лопари, самоѣды, чукчи, юкагиры и пр., то они все должны воспринять чисто русское национальное воспитаніе и стать нераздѣльной частью русскаго народа.*

Для большаго удобства дальнѣйшаго изложенія, я позволю себѣ говорить отдѣльно о воспитаніи и образованіи.

Воспитать — значитъ внѣдрить въ человѣка извѣстныя душевныя качества, какъ питать, напиться — значитъ ввести въ организмъ и его питательные соки — физическія, матеріальныя вещества.

Воспитать въ національномъ духѣ — значитъ внѣдрить въ человѣка такія душевныя, духовныя и даже физическія свойства, кои присущи и свойственны той или другой народности.

Каждая народность живетъ въ условіяхъ извѣстной природы, — слѣдовательно, прежде всего ея дѣти должны быть такъ воспитаны, чтобы они

смогли легко, свободно и безъ опасности переносить все условія даннаго климата, сѣвера, юга, приморья, горъ и пр.

Далѣе, воспитаніе должно быть въ духѣ той религіи и государственныхъ устоевъ, въ которыхъ живетъ та или другая народность. Воспитаніе должно соответствовать исторіи, характеру и особенностямъ данной народности.

Воспитаніе бываетъ семейнымъ или домашнимъ, школьнымъ и общественнымъ. Народность, начинающая жить въ своемъ духѣ, какъ напр. русская, должна выяснить все простѣйшіе приемы воспитанія и домашняго, и школьнаго и общественнаго.

1. *Семейное воспитаніе.* Всякое произвольное дѣйствіе въ началѣ бываетъ вполне сознательнымъ, но затѣмъ, вслѣдствіе повторности, оно можетъ стать настолько привычнымъ, что совершается нами вполне механически и бессознательно. Таковы наши процессы: ходьбы, письма, танцевъ и т. д. То же всецѣло относится и къ душевнымъ движеніямъ и чувствованіямъ. То же должно быть сказано и о семейномъ національномъ воспитаніи. У націй, которыя сознательно только начинаютъ жить, точно устанавливаются формы проявленія національнаго воспитанія, затѣмъ они проводятся въ жизнь, прививаются ко всему обществу и, путемъ повторности изъ поколѣнія въ поколѣніе, становятся столь прочными, что совершаются уже бессознательно, механически, какъ нѣчто должное, какъ нѣчто органическое.

Этого нельзя сказать о русской нации, только вступающей въ фазисъ сознательнаго націонализма. Она находится еще въ этомъ отношеніи въ младенческомъ состояніи и потому въ ней неудивительны проявленія и странныя, и непонятныя и недѣльныя.

Въ семьѣ, ведя другъ съ другомъ разговоры, мы невольно воздействуемъ другъ на друга, невольно воспитываемъ другъ друга. Такое воспитательное воздействие въ семьѣ особенно важно по отношенію къ дѣтямъ и членамъ семьи съ установленными національными взглядами.

Я глубоко убѣжденъ, что *всѣ русскіе религіозны*, всѣ искренно исповѣдуютъ православную вѣру, но только это исповѣданіе заключается внутри ихъ самихъ и они ее какъ бы стѣсняются проявить внѣ себя, какъ бы таятъ ее внутри своей души. Это исповѣданіе вѣры не книжника и фарисея, а мытаря. Такое тихое, задушевное исповѣданіе вѣры православной имѣетъ много за себя, оправдывая тѣмъ русскую славянскую *кротость, смиреніе и искренность*. Но имѣетъ это и противъ себя, особенно въ семейномъ отношеніи. Молодые члены семьи, не видя, или видя рѣдко и слабо исповѣданіе вѣры во внѣшности, могутъ принять это за религіозное малодушіе и безразличіе и сами стануть относиться къ религіи слишкомъ слабо и безразлично. Поэтому важно, чтобы каждый изъ насъ открыто и безъ стѣсненія исповѣдывалъ свое православіе на глазахъ своей семьи и тѣмъ были бы ея примѣромъ и руководителемъ.

Мы всѣ уважаемъ наши православные храмы и благоговѣнно относимся къ нимъ. Но этого мало. Мы должны стремиться къ этому, чтобы составить у себя *церковный приходъ*, чтобы каждый изъ насъ сталъ *дѣятельнымъ членомъ этого прихода*, дабы принимать участіе не только во взаимной общей молитвѣ, но и во взаимномъ общеніи для дѣлъ взаимопомощи, милосердія и состраданія. Въ этомъ приходѣ мы объединимся и положимъ первое начало къ *взаимообщенію* для поддержанія нашихъ общихъ дѣлъ не только духовныхъ, но и мірскихъ. Здѣсь мы можемъ помочь другъ другу въ веденіи хозяйственныхъ дѣлъ, устройствѣ приходскихъ школъ, школъ ремесленныхъ для данной мѣстности, ибо никому не могутъ быть такъ извѣстны семейныя нужды, какъ приходу,—устройство богадѣлень, рабочихъ домовъ, пріютовъ и т. д. Такое единеніе будетъ первымъ воспитательнымъ *противодѣйствіемъ* нашему національному недостатку—*славянской розни*. Единеніе прихода создастъ ту *православную церковь*—собраніе вѣрующихъ, какая была у древнихъ христіанъ и на древней Руси. Это еще болѣе сблизитъ вѣрующихъ братьевъ и положитъ основу образованію истинной православной церкви. Такая церковь не только объединитъ взрослыхъ, но дастъ примѣръ и молодымъ членамъ семьи жить въ мирѣ, согласіи, взаимной любви, поддержкѣ и взаимопомощи и поставитъ противовѣсъ нашему національному разединенію.

«Внутренняя задача Русской земли, говорит Хомяковъ, есть проявленіе общества Христіанскаго православнаго, скрѣпленнаго въ своей вершинѣ закономъ живого единства и *стоящаго на твердыхъ основахъ общины и семьи*».

Создавая церковный приходъ мы не должны стѣсняться и конфузиться внѣшнихъ приѣмовъ нашей церкви и всегда быть примѣромъ нашей семьѣ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ во всѣхъ случаяхъ, когда это можетъ быть умѣстнымъ. Если прежнее фарисейство можетъ быть не симпатичнымъ, то и слишкомъ скрытое мытарство можетъ послужить неудобнымъ примѣромъ религіознаго безразличія для молодыхъ членовъ семьи.

Явное и открытое исповѣданіе нашей православной вѣры обязываетъ насъ и къ другому нашему человѣческому и гражданскому долгу: *явному и открытому исповѣданію любви и безпредельной преданности къ нашему отечеству*.

У насъ, у русскихъ, при существующемъ нынѣ національномъ безразличіи, сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что попавшій къ намъ инородецъ, исполненный великой наглости, начинаетъ порицать нашу націю, наши порядки, нравы, обычаи и проч., причемъ исходнымъ пунктомъ для него является одинъ какой-нибудь фактъ, изъ котораго затѣмъ производится слишкомъ смѣлое и неприличное обобщеніе. И мы, изъ любезности и деликатности, не только молчимъ, но даже ему поддакиваемъ, хотя въ душѣ коренно несогласны съ этимъ. При этомъ

мы совершенно забываемъ, что такимъ своимъ отношеніемъ мы сознательно и въ здоровомъ умѣ начинаемъ чернить и позорить нашу мать-родину...

Но этого мало. Мы не только сами совершаемъ гнусный фактъ, но мы развращаемъ членовъ своей семьи, своихъ дѣтей. Мы гасимъ въ нихъ уваженіе къ родинѣ и даемъ право и поводъ и имъ относиться къ своей народности и родинѣ легкомысленно и непозволительно дерзко. Мы совершенно не сознаемъ, что это поступокъ съ нашей стороны великой гнусности. Наша любезность и наша вѣжливость переходятъ въ подлость. Мы должны имѣть всегда мужество покойно и рѣшительно дать понять нашему невѣжественному и дерзкому гостю, что его поступокъ нарушаетъ всякіе предѣлы порядочности. И если онъ имѣетъ наглость проявлять дерзость по отношенію къ нашей народности, то и мы должны имѣть еще большую рѣшимость, чтобы его осадить. Это будетъ не мужество и не геройство, а только *нравственный долгъ*. Такой поступокъ будетъ наилучшимъ урокомъ для нашихъ дѣтей и навсегда укоренитъ въ ихъ умѣ и душѣ *долгъ и обязанность смѣло и твердо отстаивать честь и величіе нашего народа и нашей родины*.

Да и помимо такихъ случаевъ мы должны *всегда твердо помнить, что мы—русскіе*, и обязаны относиться ко всему русскому съ уваженіемъ и любовью и не допускать огульныхъ обвиненій и порицаній безъ отпора и надлежащаго отвѣта.

Тогда и наши дѣти научатся любви, уваженію, почтенію и преданности къ родинѣ. Скажутъ, любви нельзя научиться. Да, чувству любви не научишься, но способу проявленія этой любви приходится и должно учиться.

Кто не уважаетъ своей родины, тотъ не уважаетъ себя, тотъ не имѣетъ права на уваженіе къ себѣ со стороны другихъ лицъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ строгаго осужденія еще одно печальное явленіе въ нашей жизни. Сплошь и рядомъ мы наблюдаемъ, что люди, такъ называемаго, высшаго общества позволяютъ себѣ публично въ Россіи говорить по-французски, нѣмецки и проч. Почему такъ? Или русскій языкъ есть хамскій языкъ, который они считаютъ допустимымъ только при разговорѣ съ людьми, стоящими ниже себя?.. Еще простительно, если это дѣлаютъ прожигатели жизни, или пустыя барыни, — совершенно непозволительно, если это дѣлаютъ люди серьезные, позволяющіе себѣ говорить о націи и національности. Не будетъ ли это просто игра въ национализмъ? И можно ли въ такомъ случаѣ ожидать успѣха въ дѣлѣ всего родного русскаго? Не должны ли именно эти люди показать примѣръ, что прошлое забыто и мы вступили въ дѣйствительно новую русскую жизнь... Не пора-ли бросить мысль о томъ, что они стоятъ выше суда общественнаго... Тогда только и будетъ толкъ отъ нашего дѣла, когда наше слово и наше дѣло не будутъ расходиться между собою. Гдѣ вы найдете

въ Германіи общественное собраніе, гдѣ бы нѣмцы говорили по французски, — или въ Англии, гдѣ-бы англичане говорили по французски... Истинный англичанинъ даже въ Англии не станетъ говорить иначе, какъ по англійски. А наши клубы во что обращаются...

Значитъ ли это, что мы должны замалчивать обо всемъ, что въ Россіи дѣлается дурно? Ничуть. Всякій организмъ имѣетъ язвы и болѣзни, но это не значитъ, что онъ разлагается. Его легко исправить и излѣчить, — только не слѣдуетъ скрывать болѣзнь и заглушать ее. Изъ того, что между интендантами оказалось 200—300 воровъ и мошенниковъ, вовсе не слѣдуетъ, что слово интендантъ равнозначно съ казнокрадомъ и взяточникомъ, — и между интендантами есть люди честные, чистые и порядочные. Пусть и дѣти наши знаютъ, что и въ Россіи, какъ и во всякомъ государствѣ, есть люди безчестные, враги своей націи, которые позволяютъ себѣ мошенничать, обкрадывать государственныхъ и общественныхъ средства и являются измѣнниками родины и обидчиками бѣднаго люда, солдата. И изъ-за того, что между желѣзнодорожниками множество воровъ и мошенниковъ, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ они воры и мошенники, а есть между ними много честныхъ людей. Пусть и это наши дѣти знаютъ, какъ знаютъ и то, что между этими служащими много инородцевъ, которымъ не дорога ни русская народность, ни русское государство, — они даже при этомъ забываютъ

объ обязательномъ для нихъ патриотизмъ. Разумѣется, подобные случаи должны служить намъ урокомъ не пускать въ русскія дѣла зря инородцевъ, а тѣмъ болѣе большими скопленіями въ одномъ и томъ же учрежденіи.

Но вполне признавая наличность существованія этихъ общественныхъ язвъ и давая имъ надлежащую оцѣнку, не слѣдуетъ уже слишкомъ и кричать о нихъ и не трубить на всѣхъ перекресткахъ, залушая то доброе и славное, что даетъ намъ жизнь. Ибо не рѣдко выходятъ такъ, что мы видимъ только на нашей родинѣ одно худое и слѣпы ко всему доброму и славному. Здоровый, мощный и крѣпкій организмъ долженъ быть веселъ, бодръ, исполненъ вѣры и надежды въ будущее, любви къ настоящему и вниманія къ прошлому. Не должно въ прошломъ питаться однимъ неудачнымъ, но оцѣнивать въ немъ и то доброе, что составляетъ обратную сторону медали. Примѣромъ тому служить Цусима.

Нѣтъ слова, это больное мѣсто нашей народности. По винѣ небрежности, и можетъ быть того хуже, погибъ нашъ несовершенный флотъ и тысячи бывшихъ на немъ нашихъ братьевъ, моряковъ. Нѣтъ слова, это большая рана нашей народности. Но какъ жалко и еще болѣе больно то, что мы видимъ въ Цусимѣ только одно пораженіе и совершенно замалчиваемъ о величайшемъ геройскомъ подвигѣ этихъ нашихъ славныхъ русскихъ братьевъ-моряковъ, сознательно положив-

шихъ свою жизнь за родину. Вѣдь всѣ они знали, что идутъ на флотъ негодномъ и на вѣрную смерть. Всѣ они знали, что они не вернуться и не увидятъ свою любимую родину, и при всемъ томъ, не только не было списавшихся съ этой эскадры изъ-за боязни за свою драгоценную жизнь, но были весьма многіе, которые, зная предстоящее будущее, все-таки просились на эту эскадру, бросая свои покойныя и почетныя мѣста, дорогія семейства, дѣтей, женъ. Они славно погибли за свою родину.

Цусима—великій и славный подвигъ, достойный нашей великой родины. Но объ этой геройской Цусимѣ мы молчимъ, а говоримъ о Цусимѣ жалкой и невѣжественной.

Недостойно и непростительно замалчивать доблестные поступки славныхъ сыновъ нашей родины,—но является еще болѣе преступнымъ взводить ложь на государственныя учрежденія родины, извращать правду дѣяній высшихъ ея учреждений, оставлять это безъ возраженія и лишать возможности сдѣлать это другимъ. А между тѣмъ это у насъ практикуется и практикуется избранниками нашей родины въ нашей Государственной Думѣ. Я не буду говорить о рѣчахъ такихъ депутатовъ, какъ Гегечкори, Чхендзе и другіе, цѣну рѣчей которыхъ мы всѣ знаемъ. Но бываютъ случаи, когда и люди порядочные дѣлаютъ неправду и не отвергаютъ ее.

Зачѣмъ же напрасно бросать тѣнь на вѣдомство. Вѣдь это вліяетъ на духъ служащихъ... Это

убиваетъ бодрость, энергію, желаніе работать... Это пріемъ лѣвыхъ деморализировать государство... Не такъ мы должны вести наши общественныя и семейныя дѣла...

Особенно возмутительно, не прилично, недостойно и преступно очень часто наблюдаемое при дѣтяхъ, а иногда и вмѣстѣ съ дѣтьми, высмѣиваніе школьныхъ учителей. Такъ могутъ поступать только люди безъ ума и безъ сердца. А такихъ людей ахъ какъ много у насъ?! Прежде всего они забываютъ, что они возвращаютъ своихъ же собственныхъ дѣтей. Школа для дѣтей, особенно тѣхъ семействъ, гдѣ воспитаніе падаетъ именно на школу, а не на семью, есть храмъ науки и нравственности. Ее всегда должно ставить высоко въ уваженіи дѣтей. Начальники и преподаватели—это учителя добра и нравственности. Къ нимъ мы сами, по долгу совѣсти, чести и любви къ нашимъ дѣтямъ, должны относиться съ уваженіемъ и благодарностью,—тому же учить должны и нашихъ дѣтей. Вѣдь эти люди отдають свою жизнь на воспитаніе нашихъ же дѣтей. Вы скажете — они продають свою жизнь, свою душу... Тѣмъ хуже. Это имъ дается не легко. Нужда ихъ заставляетъ на это дѣло. И не затруднять ихъ жизнь мы должны, а облегчать. Что у нихъ есть недостатки—а мы ангелы? Не забывайте, что они люди, они наши братья, они изъ нашей среды. Если у нихъ есть недостатки, то всѣ эти же недостатки и у насъ. Поэтому осмѣивать учителей и начальныя

школы, особенно при дѣтяхъ неприлично, недостойно и преступно. Осмѣивая учителей, мы осмѣиваемъ передъ дѣтьми себя. Учителя замѣняютъ у дѣтей насъ самихъ. Они дѣлають для нашихъ дѣтей то, что мы должны были бы дѣлать для нихъ. Поэтому нашъ долгъ поддерживать въ нашихъ дѣтяхъ уваженіе, почтеніе и любовь къ преподавателямъ. Унижая ихъ въ глазахъ дѣтей, мы доказываемъ еще худшее положеніе наше, тѣхъ лицъ, кого они замѣщаютъ. Если даже между учителями окажутся люди недостойные (а гдѣ ихъ нѣтъ?), то и тогда мы должны поступать безъ участія и вѣдома дѣтей. На это долженъ быть приходъ. Всѣ родители, дѣти которыхъ подвергаются злостному, или вредному воздѣйствію учителя, должны собраться вмѣстѣ, безусловно безъ вѣдома дѣтей, обсудить дѣло и заявить объ этомъ лицамъ, управляющимъ школою. Нѣтъ той администраціи, которая нынѣ стала бы потворствовать злу въ школѣ. Бываютъ учителя нетерпимые въ школѣ, политиканствующіе и стремящіеся развратить дѣтей. Это зло немедленно и безъ колебаній должно быгъ изгнано изъ школы, но дѣти объ этомъ не должны и знать.

Нашъ долгъ поддерживать авторитетъ руководителей и преподавателей школы, ибо они замѣняютъ насъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Подрывая авторитетъ и значеніе руководителей и наставниковъ школы у дѣтей, тѣмъ самымъ мы не только унижаемъ себя, но и губимъ нашихъ дѣтей.

Вотъ почему, желая воспитать нашихъ дѣтей въ національномъ духѣ, мы въ своей семьѣ сами должны быть для нихъ примѣромъ уваженія, преданности и любви къ своей родинѣ и ко всему родному.

II. Особенно важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія юношества имѣетъ школа. Школу мы должны пользоваться во всей силѣ для проведенія національнаго воспитанія. «Наши желанія и упованія, говоритъ Д. И. Менделѣевъ, которыми опредѣляются всѣ наши дѣйствія, слагаются именно въ школьный періодъ жизни и будутъ они безъ плановѣрныхъ школъ противорѣчивыми, сбивчивыми, разрозненными, эгоистичными и больными... Школа представляетъ громадную силу, опредѣляющую быть и судьбу народовъ и государствъ, смотря по основнымъ предметамъ и по принципамъ, вложеннымъ въ систему школьнаго образованія, особенно средняго... Основное направленіе русскаго образованія должно быть жизненнымъ и реальнымъ... Между тѣмъ настоящія дѣла, которыми живетъ народъ и страна, не въ фаворѣ въ нашей школѣ, ни въ литературѣ, а юноши по сейчасъ, на древній манеръ, полагаютъ, что вся суть жизни сводится только на философскія представленія и на слова да мѣропріятія полигического свойства... Весьма печально, что русскій реализмъ вовсе не пускается въ школу и не воспитывается... Мы сѣмъ и жнемъ, одолевая невзгоды природы, торгуемъ и промышляемъ просто по преданію и смѣт-

къ обыкновенно безъ всякой школьной подготовки, зря»... 1).

Поэтому весьма естественно пожеланіе нашего ученаго, чтобы въ нашу русскую школу вложено было образованіе, соответствующее «народному желанію и благу Россіи, понимаемому въ томъ смыслѣ возможно общаго народнаго благоденствія, который заложенъ въ нашей исторіи и долженъ естественно развиваться будущими поколѣніями»...

Всѣ русскія школы, низшія, среднія и высшія, должны быть обязательно строго національными.

Въ допетровскія времена всѣ школы находились въ вѣдѣніи церкви и духовенства, а потому были и національны, и религіозны и высоконравственны.

Императоръ Петръ I въ инструкціяхъ Земскимъ

1) Во Франціи «L'idée nationale, будить которую призвано образованіе, есть ничто иное, какъ укорененіе въ душѣ французскаго ребенка съ ранняго возраста (6—7 лѣтъ) сознаніе привычки думать и чувствовать, что французская нація—прежде всего... Разказы и отдѣльные отрывки, составленные въ образцовой формѣ и содержащіе въ себѣ описанія какихъ-нибудь историческихъ событій или биографій должны положить въ дѣтскихъ душахъ зародышъ идеи о Франціи и любви къ ней» (Ив. Чистяковъ. Образованіе народа во Франціи, 1904, стр. 75).

Въ инструкціяхъ учителямъ народныхъ школъ недвусмысленно сказано: «школьнику нужно показать, что только въ націи человѣкъ осуществляетъ свою природу, что только въ ней онъ дѣлается истиннымъ человѣкомъ»...

комиссарамъ и магистраторамъ и въ Духовномъ регламентѣ обращаетъ вниманіе какъ на обученіе полезнымъ знаніямъ, такъ и на религіозное и нравственное просвѣщеніе народа, при чемъ церквамъ и духовенству поручалось слѣдить за этимъ дѣломъ.

Но съ того же времени начинается заведеніе и домашняго воспитанія и образованія преимущественно въ домахъ дворянства и аристократіи. Для этого выписывались воспитатели изъ Франціи, Швейцаріи и проч. Какого рода это были духовные руководители, усматривается изъ Наказа Императрицы Екатерины: «Учители чужестранцы, обучающіе наше юношество въ домахъ, конечно, больше вреда, нежели пользы намъ приносятъ, потому что несравненно большая часть негодныхъ, нежели хорошихъ сюда пріѣзжаютъ... Мадамы, также и мамзели пользуются преимуществами учить и воспитывать наше юношество, безъ одобрительнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи, а въ самомъ дѣлѣ многія изъ нихъ не только худого, но и безчестнаго поведенія»...

Тѣмъ не менѣе и при Петрѣ I и при Екатеринѣ II школы отличались духомъ патріотизма и были строго національны. По требованію И. И. Бецкаго, школа должна была готовить для самостоятельной жизни и полезной общественной дѣятельности, людей бодрыхъ духомъ и тѣломъ, любящихъ свой народъ и свое отечество, преданныхъ ученію православной вѣры и вѣрныхъ своей

верховой власти и законному правительству. А такъ какъ воспитаніе питомцевъ въ духѣ православія и любви къ Россіи можетъ быть ввѣрено только людямъ, которые сами глубоко и искренно преданы этимъ основнымъ Русскимъ культурнымъ началамъ, то на такое великое дѣло призывались не иновѣрцы и не иностранцы, но *исключительно русскіе православные люди*.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II произошолъ возвратъ русскихъ областей Бѣлоруссіи и Литвы. И вотъ мудрая царица вполне основательно предусмотрѣла, что только школы русскія и православныя могутъ укрѣпить нашихъ братьевъ и въ вѣрѣ православной и въ преданности Родинѣ и престолу. Жизнь скоро оправдала предначертанія Царицы. Населеніе, совращенное прежними владѣтелями, поляками, въ унию и католицизмъ, теперь массами стало переходить вновь въ православіе.

«Съ кончиною Екатерины II и съ воцареніемъ Павла I рѣзко и круто измѣнился весь строй и направленіе государственной политики, говоритъ И. П. Корниловъ ¹⁾,—и русская исключительно національная политика замѣнилась раззорительною для Россіи политикою вмѣшательства въ посторонніе интересы»... И въ западныхъ губерніяхъ взамѣнъ русской культуры и русскаго просвѣщенія и училища на коренной русской землѣ снова стали открываться въ значительномъ числѣ при латин-

¹⁾ *Ив. П. Корниловъ*. Задачи русскаго просвѣщенія, стр. 7.

скихъ и униатскихъ монастыряхъ и костелахъ политически враждебныя намъ польскія школы. Особенно же великій вредъ русской школѣ, русскому народу и русскому государству нанесенъ былъ въ царствованіе Императора Александра I, когда всемогущимъ владыкой явился въ дѣлѣ просвѣщенія Адамъ Чарторыйскій.

Оторванная отъ Польши Бѣлоруссія и литовскія губерніи были присоединены къ Россіи, но далеко еще не закрѣплены. Русская власть пошла по дорогѣ обрусенія путемъ введенія русскаго языка и русской школы. Безспорно, это два важныхъ и мощныхъ дѣятеля. Но еще сильнѣйшимъ дѣятелемъ является вѣра. Русскіе, въ силу своей всегдашней вѣротерпимости, не хотѣли производить религіознаго давленія и насилія на совѣсть и исповѣданіе своихъ братьевъ. Совѣмъ иначе посмотрѣли поляки и во главѣ ихъ Чарторыйскій. Они не постѣснялись и не постыдились произвести самое сильное и самое жестокое давленіе на совѣсть и вѣру бѣлоруссовъ и литовцевъ. Цѣлые легіоны іезуитовъ и другихъ монаховъ были пущены на нашихъ братьевъ и при помощи агрессивной воинствующей церкви и школы съ польскимъ языкомъ они вполнѣ усилили замутить все то, что сдѣлано было въ царствованіе Екатерины II. Мало того, сторонниками трехъ поляковъ Чарторыйскаго, бывшаго Виленскимъ попечителемъ учебнаго округа, Чацкаго — Харьковскаго округа, и Коллонтая — Кіевскаго округа, русскій край былъ ополяченъ

гораздо, неизмѣримо больше, чѣмъ подъ властью симихъ поляковъ. Министръ просвѣщенія графъ Завадовскій, ярый націоналистъ при Екатеринѣ, теперь сталъ совершенно послушнымъ рабомъ трехъ поляковъ и всѣхъ помѣщиковъ. Въ западныхъ губерніяхъ безстыдно и безпощадно вводился католицизмъ, польскія школы и польскія воззрѣнія на жизнь, — а въ Россіи космополитизмъ и полный религіозный индиферентизмъ. Такое направленіе было настолько сильно, что даже царствованіе Николая I безсильно было исправить и ослабить общее теченіе. Къ сожалѣнію, царствованіе Александра II въ этотъ отношеніи было скорѣе продолженіемъ направленія Александра I, чѣмъ Николая I и только Александръ III ясно и опредѣленно повелѣлъ чисто русскую національную политику.

Съ этой поры можно было точно и опредѣленно сказать, чего Россія хочетъ и что она преслѣдуетъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія народа.

Теперь незыблемымъ должно быть установлено положеніе, на которое указалъ И. П. Корниловъ. «Школа должна служить своему народу и государству и потому должна быть національною и патріотическою. Она должна утверждать въ своихъ питомцахъ и слушателяхъ твердыя религіозныя вѣрованія и національныя нравственныя убѣжденія, которыми преисполненъ и живетъ Русскій народъ и на которыхъ основанъ весь строй его многовѣковой религіозной семейной и государственной жизни. Всякое русское дѣло, особенно воспи-

таніе дѣтей—надо дѣлать надежными русскими руками и не очень полагаться на услуги, иногда самостоятельных, чужихъ людей». Естественно, какъ отъ католическаго патера нельзя ожидать безпристрастнаго сужденія о православной вѣрѣ, такъ и отъ челоуѣка равнодушнаго къ судьбѣ русскаго народа и государства нельзя ожидать, чтобы онъ съ воодушевленіемъ и искренностью воспитывалъ во вѣранныхъ ему дѣтяхъ любовь къ Россіи и вѣрность православію и самодержавію—этимъ кореннымъ русскимъ началамъ для него совершенно чуждымъ и непонятнымъ. Это доказали нѣмцы въ Эльзасѣ и Лотарингіи, русскіе въ Бѣлоруссіи и Литвѣ при Екатеринѣ II и поляки такъ же при Александрѣ I. Все это указываетъ какое важное значеніе имѣютъ національность и вѣроисповѣданіе при выборѣ педагогическаго персонала, и какъ необходимо для единодушной и согласной дѣятельности и для неуклоннаго русскаго направленія воспитанія, чтобы начальники и наставники въ русскіхъ учебныхъ заведеніяхъ были люди преданные и вѣрные Россіи и ея историческимъ основамъ. Оберегая цѣлость и нераздѣльность государства, Русское правительство усердно должно прежде всего оберегать основную государственную силу т. е. Русскій православный народъ, и устранять то, что вредитъ его благосостоянію и нравственности, и что ослабляетъ его и унижаетъ передъ иновѣрцами и инородцами. Православный русскій народъ есть тотъ могучій организмъ, силами

котораго создалась Россія и поддерживается ея единство и могущество.

Школьное воспитаніе національнымъ должно быть въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

а) *Физическое національное воспитаніе.* Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ весьма широкій кругъ дѣятельности. Физическое воспитаніе должно состоять въ томъ, чтобы организмы дѣтей съ дѣтства развивались крѣпкими, мощными, гибкими и ловкими, способными удачно противодѣйствовать всѣмъ неблагоприятнымъ воздѣйствіямъ природы страны. Природа Россіи, какъ мы знаемъ, слишкомъ разнообразна. Она представляетъ всѣ климатическія разновидности отъ полюса до тропиковъ и отъ востока до запада. Поэтому дѣтскіе организмы нужно воспитывать такъ, чтобы они прежде всего были крѣпкими и мощными. Въ этомъ отношеніи весьма важную и серьезную роль должна играть гимнастика и, по моему, лучше всего военная гимнастика, насколько она примѣнима въ дѣтскомъ возрастѣ.

Военная гимнастика, кромѣ физическаго воздѣйствія, будетъ въ дѣтяхъ съ ранняго дѣтства воспитывать военный духъ, уваженіе къ военному званію и желаніе отличиться въ данномъ направленіи и послужить—на славу и благо своей родины. Такое воспитаніе помимо нравственнаго вліянія, важно и въ практическомъ отношеніи. Оно съ дѣтства приучитъ людей ко всѣмъ вышнимъ

пріемамъ, облегчить имъ прохожденіе воинской службы, а при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ даже и сократить этотъ срокъ. Но мнѣ скажутъ: въ этой гимнастикѣ нѣтъ ничего національнаго, нѣтъ ничего народнаго? Я съ этимъ несогласенъ. Въ военной гимнастикѣ будетъ выражень *прирожденный русскимъ воинственный духъ*. Вспомнимъ нашихъ предковъ славянъ, ходившихъ на Царьградъ и на Кавказъ... Вспомнимъ нашихъ рыцарей—запорожцевъ, въ своихъ утлыхъ ладьяхъ всегда бывшихъ грозою всему черноморскому побережью. Вспомнимъ Ермака Тимофѣевича, давшего намъ Сибирь... Хомяковъ говоритъ: «Не было у запорожцевъ ни кораблей, ни возможности строить корабли. На легкихъ челнокахъ, часто на однодеревкахъ и душегубкахъ, пускались они въ бурное море, изгари страшное мореплавателямъ, и тысячами налетали на берега вѣчныхъ враговъ имени христіанскаго... Отъ Батума до Царьграда гремѣла ихъ гроза. Трапезундъ, Синопъ и самыя замки Востора дрожали передъ ними. Турецкіе флоты, смѣло гулявшіе по Средиземному морю и нерѣдко грозившіе берегамъ Франціи, Итали и Испаніи, прятались въ пристани передъ лодками запорожцевъ. Не изъ хвастовства, но по истинной правдѣ говоримъ мы: свидѣтелями намъ самыя Турецкія лѣтописи и еще теперь незабытыя преданія. Не было въ цѣлой Европѣ ни одного народа, который могъ бы похвастаться такими дивными подвигами мужества на моряхъ,—и опять безъ

хвастовства можемъ сказать, что люди отважные ни чѣмъ не уступаютъ своимъ южнымъ братьямъ». И много другихъ было славныхъ походовъ русскихъ воиновъ, сосгавившихъ силу, славу, честь и мощь Россіи, припоминаются нами и даютъ намъ право и возлагаютъ на насъ обязанности воспитывать и нашихъ дѣтей физически и нравственно въ воинственномъ духѣ. Нашъ историкъ Карамзинъ говорить слѣдующее: «Слава была колыбелью русскаго народа,—а побѣда вѣстницею бытія его. Римская исторія узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорили о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ... Мужество есть важное свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою»...

Вотъ почему я полагаю, что военная гимнастика для русскихъ есть вполне національный методъ воспитанія по духу, почему эта гимнастика должна быть введена во всѣхъ низшихъ народныхъ и среднихъ школахъ Россіи. Къ окончанію срока ученія въ народныхъ школахъ она должна быть усвоена вполне, чтобы уходящія изъ школы дѣти составляли свои взводы, а совмѣстно съ другими дѣтьми деревни—роты, батальоны и полки. *Военныя упражненія должны практиковаться и послѣ школы даже до періода отбытія воинской*

службы, неправильно названной воинской повинностью. Такія учреждения, не имѣя въ себѣ никакихъ отрицательныхъ сторонъ, создадутъ Россіи развитыхъ, крѣпкихъ, мощныхъ, красивыхъ и ловкихъ молодыхъ людей и славно воспитанныхъ солдатъ, для которыхъ военная служба будетъ состоять только въ изученіи спеціальныхъ военныхъ приѣмовъ. Даровыхъ же учителей по селамъ, въ лицѣ отставныхъ солдатъ, особенно бывшихъ на войнѣ, можно найти сколько угодно. Этому способу воспитанія я придаю очень большое значеніе. Но въ настоящее время, въ формѣ «потѣшныхъ», мы имѣемъ уже осуществленіе приводимой мною мысли. Только это—начало и начало, еще весьма не прочно установленное. Потѣшные стали у насъ «въ модѣ» прежде всего потому, что это учрежденіе покровительствуется Верховною Властью. Это учрежденіе у насъ существуетъ на началахъ вольнаго дарового труда. Въ дальнѣйшемъ это учрежденіе должно стать органическимъ, неотъемлемою частью всякаго воспитанія и, какъ таковое, основываться не на началахъ благотворительности, а на началахъ обязательности и государственности.

«Учителя и наставники всей русской молодежи, говоритъ нашъ морякъ, А. Бѣломоръ¹⁾, поголовно должны преслѣдовать одну главнѣйшую задачу своего великаго дѣла—воспитать въ русскихъ людяхъ всѣхъ сословій страстную и несокрушимую

¹⁾ А. Бѣломоръ. Портъ-Артурская эскадра накануне гибели. 1908.

волю доказать въ новомъ, неизбежномъ столкновеніи съ Японіей на азиатскомъ континентѣ, непреодолимость русской мощи... Главнѣйшее условіе свободы гражданъ—сознаніе совмѣстно всѣхъ и каждаго отдѣльно своего гражданского долга передъ родиной. А первый долгъ—защита родины до послѣдняго издыханія всѣми возможными матеріальными и духовными средствами. Въ вооруженной арміи, въ воссозданномъ флотѣ, въ ихъ силѣ и крѣпости тлѣетъ искра истинной свободы русскаго народа»...

Рядомъ съ обученіемъ учениковъ строю, должно учить ихъ и *стрѣльбѣ*. Въ послѣднее время на стрѣльбу въ цѣль, какъ воспитательное средство, въ Англии, Германіи, Японіи и пр. обращено особое вниманіе. И это весьма естественно почему,—оно развиваетъ не только мѣткость глаза, но и мускульное чувство рукъ и организма и готовитъ дѣльныхъ воиновъ.

А вотъ что говоритъ полковникъ Полторацкій¹⁾ о Швеціи. Ученики всѣхъ 4 классовъ гимназій каждую осень въ теченіе нѣсколькихъ недѣль занимаются подъ руководствомъ офицеровъ строевыми упражненіями, а весь годъ *систематически упражняются въ стрѣльбѣ* изъ ружей Маузера 6,5 калибра. Шведская гимнастика, твердо поставленная во всѣхъ безъ исключенія шведскихъ учебныхъ заведеній, —низшихъ, среднихъ и высшихъ, кромѣ благотворнаго вліянія на физическое развитіе,

¹⁾ А. Полторацкій. Шведская военная гимнастика. 1909.

является прекраснымъ дисциплинирующимъ средствомъ, такъ какъ требуетъ строжайшаго порядка на урокахъ и *безукоризненной точности начальныхъ положеній* передъ каждымъ движениемъ, *самыхъ движеній и окончательныхъ положеній*... А такъ какъ на всѣхъ урокахъ шведской гимнастики поминутно приходится строиться, равняться, становиться смирно, рассчитывать на ряды, смыкаться и т. д. и все это дѣлается отчетливо и быстро по военнымъ командамъ, то всѣ шведы съ раннихъ лѣтъ въ сущности проходятъ на урокахъ гимнастики превосходную школу первоначальнаго фронтоваго обученія и по своей дисциплинѣ и выправкѣ въ общемъ значительно превосходятъ нашихъ кадетъ.

Добавивъ къ этому широкое развитіе въ Швеціи спорта, особенно зимняго, нельзя не сознаться, что въ своей *гражданской* школьной молодежи Швеція имѣетъ прекраснѣйшій матеріалъ для выработки будущихъ офицеровъ. Всѣ эти молодые люди приходятъ въ армію дисциплинированными, физически развитыми и закаленными и умѣющими стрѣлять, а по своей научной подготовкѣ не оставляющими желать ничего лучшаго.

Не менѣе, если не болѣе важно въ школѣ въ воспитательномъ отношеніи и *ручной трудъ, ручная работа*.

На съѣздѣ по вопросу «о нравственномъ воспитаніи» въ Англии въ 1909 г. было высказано, что *ручной трудъ* у шведовъ занимаетъ въ школѣ

видное мѣсто въ ряду предметовъ, воспитывающихъ характеръ. Истинная цѣль его — не ремесленный навыкъ, но вліяніе на умственный и нравственный обликъ ученика, восстановление равновѣсія и гармоніи между его физическими и духовными способностями. Развивая физическую ловкость, смѣлливость, сообразительность, ученикъ въ то же время запасается увѣренностью въ своихъ силахъ, умѣlostью вѣрно цѣнить свои знанія, когда они должны быть приложены «къ дѣлу», любовью къ созданію своихъ рукъ. Ручной трудъ поощряетъ въ немъ стремленіе къ творчеству, научаешь самостоятельности и находчивости въ трудномъ положеніи, внушаетъ ему уваженіе къ всякаго рода работѣ и искореняетъ предрасудки людей, живущихъ умственнымъ трудомъ, въ отношеніи ихъ къ ремесленникамъ. А это служить въ свою очередь важнымъ факторомъ въ дѣлѣ сближенія классовъ и уничтоженія социальныхъ перегородокъ»¹⁾.

Я въ этомъ отношеніи иду гораздо далѣе и расширяю ручной трудъ на степень всякаго *профессиональнаго труда*. По моему мнѣнію профессиональный трудъ имѣетъ громаднѣйшее воспитательное значеніе.

Профессиональное образованіе и знаніе вселяетъ увѣренность въ личной матеріальной обезпеченно-

¹⁾ Инна Вл. Ковалевская. Вопросъ нравственнаго воспитанія.

сти, создаютъ сознание личной независимости, господство надъ окружающей природою, чувство самоувѣренности и собственного достоинства, личной обезпеченности, уваженіе къ собственности, поддержку, взаимную помощь и добрыя отношенія къ сосѣду и согражданину.

Въ образованіе народа должны быть введены такія начала, которыя самому народу показали бы всю важность и всю необходимость образованія ихъ дѣтей именно по программѣ національнаго воспитанія и образованія. Нашъ великій народный геній, покойный профессор Менделѣевъ, давно уже проповѣдывалъ ту великую истину, что образованіе нашего народа должно быть реальнымъ. Это значитъ: нашимъ дѣтямъ нужно дать точныя и серьезныя знанія той природы, которая вокругъ насъ и у насъ подъ ногами. Это важно для того, чтобы мы умѣли использовать и употребить на свои нужды всю окружающую насъ природу. Для чего рядомъ съ изученіемъ окружающей насъ природы нашимъ дѣтямъ нужно дать и познанія, какъ ею пользоваться и показать на дѣлѣ эти самые способы пользованія.

До сихъ поръ Государственная Дума настойчиво проводила всеобщее обученіе грамотности въ народѣ. Это хорошо. Но этого очень мало. Умѣть читать, писать и считать—хорошо. Но это умѣние хорошо, если есть что считать. Грамотность должна быть не цѣлью, а средствомъ для пріобрѣтенія познаній. Сама же по себѣ грамотность часто без-

полезна, скоро забывается и потраченное на нее время пропадаетъ.

Нашъ народъ слишкомъ бѣденъ. Но этого мало. Онъ видитъ, что другіе люди живутъ на такой же землѣ, какъ и онъ,—но они умѣютъ извлекать изъ нея такую пользу, что они богатѣютъ. А онъ не знаетъ, какъ это сдѣлать. Долгъ—важнѣйшій долгъ національной школы—просвѣтить его въ этомъ отношеніи. Дать народу познаніе ближайшей природы: чернозема, глины, лѣса, озера, рѣки и проч. и дать свѣдѣнія, какъ использовать его злаки, траву, разведеніе скота, птицеводство, глиняное производство и т. д. и т. д.

Поэтому національная партія всѣми своими силами должна заботиться объ устройствѣ *школъ для народа не грамотности только, а профессиональныхъ школъ* по потребамъ природы,—и при томъ такихъ школъ, гдѣ бы они на дѣлѣ выучились все это дѣлать лично. Эти познанія дадутъ насущный кусокъ хлѣба простому человѣку. Онѣ поднимутъ его благосостояніе. Онѣ дадутъ ему широкій кругъ мышленія. Онѣ укажутъ путь правильной жизни. Онѣ породятъ любовь къ собственности. Онѣ создадутъ идею о родинѣ. Онѣ разбудятъ любовь къ родинѣ. Онѣ откроютъ глаза на пользу, проводимую національной партіей. Онѣ дадутъ въ руки національной партіи весь народъ. Онѣ заставятъ и инородцевъ уважать и быть благодарными той странѣ, которая даетъ имъ благо и благополучіе.

Такая профессиональная школа привлечетъ къ себѣ не только русскихъ, но и татаръ, и армянъ, и грузинъ и всѣхъ другихъ инородцевъ, и объединитъ ихъ, и свяжетъ общими интересами и ассимилируетъ русскою культурою.

Повсюдное введеніе профессиональныхъ школъ, соотвѣтственно природнымъ богатствамъ на мѣстѣ, — дѣло не легкое. Но зато важное и серьезное. Для края лучше имѣть одну профессиональную школу, чѣмъ десять школъ грамотности.

Для того же, чтобы эти школы были истинно полезны, нужно, чтобы комитеты изучили природу, нужды и потребности каждой мѣстности. Разумѣется, для этого національные отдѣлы должны войти въ сношеніе съ земствами, городами, учрежденіями и проч.

Если мѣстныя нужды могутъ быть удовлетворены мѣстными средствами, — благо. Если нѣтъ, — дѣло центрального комитета исходатайствовать въ министерствахъ устройство фермъ, птичниковъ, огородовъ, мастерскихъ и проч. Нынѣ времена нынѣ и министерства постепенно теряютъ свою прежнюю закуску — дѣлать наоборотъ тому, о чемъ вы просите.

Изученіе народныхъ богатствъ, народныхъ нуждъ и способовъ ихъ исправленія — дѣло не новое. Еще Крижаничъ, во времена Юанна Грознаго, указывалъ на это и требовалъ поднятія народнаго благосостоянія, дабы избавиться отъ инородчиковъ и остаться національными. Онъ требовалъ, изу-

чить природныя способности, таланты и нравственныя качества народа по сравненію съ другими народами, — природу, среди которой населенію приходится жить, ея богатства и недостатки, — жизнь народа съ точки зрѣнія богатства и бѣдности, — способы наилучшаго пользованія, какъ талантами народа, такъ и богатствами. Земледѣлецъ кормитъ и богатитъ и себя, и ремесленника, и торговца, и боярина и краля. Но по недостатку предприимчивости, отсутствію необходимыхъ для того знаний и другимъ причинамъ земледѣліе у насъ недостаточно развито. Необходимо назначить особыхъ чиновниковъ, «углядниковъ», на обязанности которыхъ лежало бы изслѣдовать почву, опредѣлять ея плодородіе и указывать населенію наиболѣе выгодныя, въ каждой мѣстности, способы пользованія землею. Эти же углядники должны подыскать наиболѣе подходящія мѣста для постройки мельницъ, крутяныхъ заводовъ и т. п. Далѣе, правительство должно снабжать население землѣдѣльческими орудіями по дешевымъ цѣнамъ и даже отпускать ихъ въ кредитъ. Должно способствовать развитію другихъ отраслей хозяйства: пчеловодства, шелководства, табаководства, виноградарства, винодѣлія и проч. Добиться экономической независимости Россіи, чтобы не было надобности покупать за-границей такіе товары, которые могутъ быть производимы съ успѣхомъ внутри страны. Правительство должно взять на себя борьбу съ праздностью, установляя за нищенство и тунеяд-

ство суровое наказаніе до ссылки въ Сибирь включительно. Правительство должно поощрять домашнюю кустарную промышленность и содѣйствовать развитію новыхъ отраслей промышленности: производства бумаги и шерстяныхъ издѣлій, издѣлій изъ кожи, металла и проч. А для этого есть и надлежащее средство: «отказаться отъ употребленія заграничныхъ издѣлій»... У насъ иностранцы являются хозяевами положенія, они прекрасно знаютъ условіе рынка и пользуются этимъ знаніемъ, обезцѣниваютъ наши товары и навязываютъ намъ по высокимъ цѣнамъ ненужныя и малоцѣныя вещи... Иностраннымъ торговцамъ должна быть торговля «запрещена совершенно»¹⁾.

Это говорилось триста лѣтъ назадъ. Увы, это можно сказать и сегодня...

Для успѣшнѣйшаго выполненія этого дѣла требуется:

а) тѣсная связь центрального комитета національной партіи съ ея отдѣлами,—

б) связь отдѣловъ съ земскими и городскими учреждениями,—

в) изученіе отдѣлами естественныхъ богатствъ различныхъ мѣстъ,—

г) изученіе отдѣлами мѣстныхъ нуждъ и потребностей.

д) а главное—устройство *профессіональныхъ школъ*.

Но этого мало. Рядомъ съ изученіемъ, познани-

¹⁾ В. Э. Ванденберъ, Юрій Крижаничъ, 1912.

ніемъ и умѣньемъ различныхъ производствъ, народъ долженъ имѣть подъ рукою *мелкій кредитъ* дабы онъ немедленно могъ примѣнить на дѣлѣ свои познанія.

При такихъ условіяхъ профессиональныя школы дадутъ народу знанія, благосостояніе, спокойную трудовую жизнь и уваженіе и преданность тѣмъ лицамъ и той партіи, которая поведетъ это дѣло и будетъ имъ руководить.

Такая система привяжетъ весь народъ къ государству, безъ различія вѣры, націи и толка. Такая система будетъ способствовать ассимиляціи народностей мало-культурныхъ, какъ лопари, чуваша и проч. Такая система объединитъ государство, такая система сама-собою, безъ всякаго насилія, націонализуетъ государство.

Партія, ведущая такую систему, не по названію, а на дѣлѣ, будетъ партіей *національной*, но для того она безусловно и непоколебимо должна быть партіей *народной*.

Государство—это народъ. Его благо должно стоять на первомъ мѣстѣ. Благо народа—благо государства. *Партія, заботящаяся о благе народа есть партія національная,—а партія національная неизбѣжно должна быть партіей народной.*

Чисто національнымъ въ дѣлѣ физическаго воспитанія юношества будетъ также *спортъ*. Россія и въ этомъ отношеніи представляетъ многообильную и плодотворную почву. Въ Россіи есть

мѣста приморскія, приозерныя, прирѣчныя, горныя, стѣнныя и т. д. и т. д. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ должно развить и воспитать соотвѣтствующій спортъ. Особенно у насъ плохо развита любовь къ мореплаванію, катанію въ лодкахъ подъ парусами на рѣкѣ и озерахъ, плаваніе, рыболовство и т. п. Недостаточно развиты также путешествія въ горы Кавказа, Урала и проч., верховая ѣзда на югѣ Россіи, ѣзда на оленяхъ, собакахъ и проч. на сѣверѣ,—на лыжахъ, буерахъ, конькахъ и проч. Разумѣется, лучше, если каждый изъ этихъ видовъ спорта развивается и прививается тамъ, гдѣ тому благоприятствуетъ природа,—но весьма полезно предпринимать по праздникамъ образовательныя поѣздки въ различныя части Россіи, чтобы на мѣстѣ знакомиться и совершенствоваться въ тѣхъ видахъ физическихъ упражненій, которыя на мѣстѣ почему либо мало доступны. На этихъ путешествіяхъ зиждется *соревнованіе* и *совершенствованіе* не только *организма*, но и *видовъ спорта или упражненій*.

Насколько народный спортъ можетъ быть важенъ въ государственномъ дѣлѣ, показываетъ фактъ, приводимый профессоромъ А. Г. Елчаниновымъ ¹⁾. При осадѣ Троице-Сергіевской Лавры, нашему славному тогда полководцу Скопину-Шуйскому не хватило конницы, чтобы парализовать

¹⁾ Проф. А. Г. Елчаниновъ. Къ 300-лѣтію осады Троице-Сергіевской лавры. 1909.

дѣйствіе поляковъ, обладавшихъ наибольшимъ количествомъ конницы. И вотъ «эта борьба со столь опасной намъ польской конницей облегчена 4-мя тысячами лыжниковъ, оказавшихъ намъ неоцѣненныя услуги...

Особенно же полезны въ смыслѣ національнаго воспитанія народныя *игры*. Ихъ нужно проводить въ жизнь очень настойчиво и старательно и стараться развивать и совершенствовать. Изъ народныхъ игръ иногда создаются цѣлыя системы гимнастическихъ упражненій, которыя затѣмъ становятся достояніемъ и богатствомъ всего міра. Такова шведская гимнастика, таково и чешское сокольство. Россія наша очень велика, имѣетъ много своеобразныхъ игръ, какъ чисто русскихъ, такъ и инородческихъ. Какъ тѣ, такъ и другія—это наши русскія родныя. Мы должны ихъ знать и изучать и быть можетъ изъ этого создастся нѣчто наше русское, самобытное. Нужно изъ всего и всюду брать то, что намъ полезно и пригодно.

Полезны также *танцы*, *пѣсни* и *музыка*. Пѣсни часто воспроизводятъ исторію прошлаго, геройскіе подвиги нашихъ предковъ и проч. Музыка, пѣніе и народные танцы въ народныхъ школахъ должны быть обязательными. Это развиваетъ любовь къ своему родному,—это связываетъ съ народностью. Россія имѣетъ много прекрасныхъ мелодій малороссійскихъ, польскихъ, грузинскихъ, армянскихъ и т. д. Есть много так-

же и народныхъ инструментовъ, какъ: балалайка, гусли, кобза, гармоника, зурна и проч.

Изученіе музыкальнаго инструмента также не лишено значенія. Прежде балалайка считалась принадлежностью приказчиковъ, дворниковъ и лакеевъ въ обществѣ горничныхъ, сидящихъ на завалинкѣ съ неразлучными сѣмячками,—а нынѣ, въ рукахъ г. Андреева, это инструментъ, восхищающій культурные народы.

Никоимъ образомъ не слѣдуетъ пренебрегать музыкой и пѣніемъ нашихъ братьевъ инородцевъ. Въдѣ они тоже наши братья по родинѣ. Чѣмъ больше мы будемъ заимствовать другъ у друга, тѣмъ станемъ ближе другъ къ другу и натянутыя формальныя отношенія должны уступить мѣсто довѣрью, взаимной поддержкѣ, уваженію и братской привязанности.

Не слѣдуетъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей забывать и другихъ нашихъ братьевъ славянъ: чеховъ, болгаръ, сербовъ, галичанъ и проч. Есть и у нихъ много такого, что намъ можетъ пригодиться. Припомните время послѣ войны за освобожденіе Болгаріи. Въ Россіи, кажется, не было ни одного деревенскаго мальчика или дѣвочки, кто не умѣлъ бы мурлыкать «Марицу». И какъ это роднило насъ съ болгарями... Не менѣе намъ близки и наши братья, поляки... Пора начинать забывать прошлую вражду нашу и учиться уроками исторіи покойниче и разсудительнѣе. Если прежде славянскія племена могли враждовать между собою, то теперь время

опомниться. Предъ нами возсталъ врагъ, грозящій не отдѣльнымъ славянскимъ племенамъ,—а всему славянскому племени. Пора намъ сомкнуться и составить одно цѣлое...

Многіе изъ физическихъ приемовъ воспитанія служатъ и *нравственному воспитанію*. Пѣсни, музыка и танцы много способствуютъ физическому воспитанію, но еще больше нравственному, эстетическому и этическому. Въ нихъ проявляется духъ народа, его нравы и жизнь, его исторія, его подвиги, его герои. Изъ этого воспитанія будетъ черпаться матеріалъ и содержаніе для будущихъ поэтовъ, музыкантовъ, скульпторовъ, живописцевъ, историковъ и даже натуралистовъ.

Особенно важны въ этомъ отношеніи экскурсіи съ цѣлью изученія природы, историческихъ памятниковъ, правовъ, обычаевъ, спорта и т. п.

б) Въ *нравственномъ воспитаніи* на первомъ мѣстѣ должна стоять наша *православная религія*, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. Православная религія есть то начало, которое объединяетъ насъ, русскихъ, въ одно нераздѣльное цѣлое и отдѣляетъ отъ западныхъ народовъ. Нѣтъ слова, между нами и нашими братьями—поляками, лежитъ прошлое,—но не это прошлое насъ такъ сильно раздѣляетъ, какъ фанатическій римскій католицизмъ. И наши братья много заблуждаются, полагая, что они своей борьбой съ нами въ Холмщинѣ служатъ себѣ. Нѣтъ, они служатъ больше Риму, чѣмъ себѣ. Одинъ изъ поляковъ, г. Немоевскій, вполне

подтверждает мое предположеніе. Вотъ что онъ говорить: «Вопросъ о Холмщинѣ далеко не такъ простъ, какъ кажется съ перваго раза. За что мы воюемъ на этотъ разъ: за Варшаву, или Римъ—за Польшу, или католицизмъ? Отстаивая это дѣло, мы своими руками дѣлаемъ новый раздѣлъ Польши». Не таково отношеніе къ намъ нашихъ братьевъ чеховъ—гуситовъ... Русскій народъ всегда отличался крайней вѣротерпимостью и рядомъ съ православіемъ свободно давалъ жить и католикамъ, и протестантамъ, и магометанамъ, и евреямъ, и язычникамъ,—только не старообрядцамъ. Къ счастью, нынѣ старообрядцы получили право гражданства. *Православная религія, какъ господствующая, имѣетъ право на пропаганду* внѣ предѣловъ своей церкви,—*остальныя же религіи пользуются свободой исповѣданія и правомъ проповѣди въ предѣлахъ своей церкви.*

Послѣ Бога, отца и матери — *наибольшая любовь должна проявляться къ своему народу и своей родинѣ.* Въ этомъ отношеніи руководители школы, преподаватели и воспитатели должны безусловно быть русскими, нелицемѣрно проникнуты сами и приучать къ тому дѣтей любовью, уваженіемъ, преданностью и самопожертвованіемъ къ родинѣ.

Вотъ что говорится въ Генеральномъ планѣ Московскаго воспитательнаго дома, составленномъ, по приказанію Екатерины II, И. И. Бецкимъ: «Буде начальники сего дома хотять, чтобы дѣти научи-

лись добродѣтели, должно имъ, прежде всего, учителей и приставниковъ учинить добродѣтельными и примѣра достойными. Нужно, *чтобы приставники были изъ Россійскихъ.* Можно ли, чтобы сіи дѣти признавали иностранныхъ родителями своими и оказывали имъ, какъ долгъ велить, любовь и дружбу?.. Всякое дѣло—особенно воспитаніе дѣтей—надо дѣлать надежными Русскими руками и не очень полагаться на услуги, иногда сомнительныя, чужихъ людей. «Наши учебныя заведенія, говоритъ Ив. П. Корниловъ, должны жить одною жизнію со своею церковью, государствомъ и народомъ. Верховная власть, управляющая судьбами государства и православная церковь должны управлять и народнымъ образованіемъ, указывать ему твердое и определенное направленіе и ограждать отъ всякихъ вредныхъ и враждебныхъ направленій. Педагогическіе персоналы нашихъ училищъ должны состоять изъ благонадежныхъ православныхъ русскихъ людей и лишь изъ такихъ иновѣрцевъ, которые извѣстны не только своею педагогическою опытностью и знаніями, но и любовью и преданностью Россіи и которые могутъ служить живымъ укоромъ для нашихъ народотушниковъ, считающихъ разныя историческія начала грубостью и отсталостью... Для подъема въ Россіи учебно-воспитательнаго дѣла необходимо, чтобы персоналъ—воспитывающихъ и обучающихъ состоялъ изъ надежныхъ русскихъ православныхъ людей. Школы суть учрежденія націо-

нальныя. Русскія школы должны свято хранить и культурно развивать тѣ живущія въ нашемъ народѣ православныя и славянскія начала, на которыхъ зиждется русская семья, общество и государство. Только русскіе наставники въ состояніи выполнить такую національную задачу школъ»¹⁾.

На Международномъ Сѣздѣ въ Англии въ 1909 г. по вопросу о нравственномъ воспитаніи шейцарець Latour и др. высказали слѣдующее:

Никакія системы, никакое программное преподаваніе мараля и Закона Божія не замѣняли личнаго вліянія одного человѣка. Судьба будущаго каждой націи въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ; лица эти—учителя народныхъ школъ, которые сѣютъ то или иное нравственное начало въ сердца дѣтей. Учителя могутъ быть благодѣтелями человѣчества, но могутъ и погубить цѣлое поколѣніе. Поэтому слѣдуетъ безусловно и безъ всякаго колебанія отвергать всякаго кандидата на роль воспитателя, если существуетъ малѣйшее сомнѣніе въ его нравственныхъ качествахъ, его характерѣ и пригодности для обязанностей нравственного воспитанія...

Начальники школы, воспитатели и преподаватели, позволяющіе въ школь проповѣдывать противное державной и юсподствующей русской

¹⁾ Инна Вл. Ковалевская. Вопросы нравственного воспитанія.

народности, какъ бы они были умны и образованы, не терпимы въ школь и немедленно безпощадно должны быть удалены изъ нея.

Всякій народъ,—говоритъ нашъ славный ораторъ Плевако,—создавшій путемъ многострадальнаго и трудового историческаго подвига свое собственное имя, свое отечество, воплощаетъ въ величайшія святѣни своей жизни—въ религію, государственность и право—отпечатокъ своей духовной личности». «Россія создана русскимъ народомъ. Ему, вложившему во всѣ устои своего строя народное міросозерцаніе, принадлежитъ право требовать, чтобы охрана этихъ устоевъ поручена была не тѣмъ, кто только знаетъ, а тѣмъ, кто *втруетъ*, кто насквозь пропитанъ началами народности, т. е. тѣми особенностями, подъ преломленіе которыхъ принимаются культурной націей блага общественнаго развитія».

Республиканская Франція ставитъ обязательнымъ положеніемъ, чтобы завѣдующій и обучающій персоналъ народныхъ школъ принадлежалъ къ французской націи. По закону 30 октября 1886 г. это требованіе абсолютно. Публичная народная школа республиканской Франціи, провозглашающей универсальный идеаль всеобщаго братства народовъ, не допускаетъ аспирантовъ учительскаго званія изъ членовъ религіозныхъ конгрегаціи потому, что часть этихъ конгрегаціи принадлежатъ не къ французской націи, а къ нѣмецкой, итальянской и проч.

Знанія всегда могутъ быть пополнены, а любовь, преданность и самопожертвованіе родинѣ не пополняются впоследствии. Германскій учитель не потому побѣдилъ Францію, что всѣ эти учителя были образованы, а потому, что его всѣ учителя были національны и патриотичны. Таковъ долженъ быть учитель и русскій. Если онъ не таковъ, ему нѣтъ мѣста въ школѣ. Лучше невѣжество, согрѣтое любовью къ родинѣ, чѣмъ образованіе, связанное съ презрѣніемъ и неуваженіемъ къ націи.

«Всякое государство, говоритъ Хомяковъ, обязано отстранять отъ воспитанія все то, что противно его собственнымъ основнымъ началамъ», — далѣе, какъ только Эльзась и Лотарингія были присоединены къ Германіи, французскіе учителя были удалены изъ школъ и замѣнены нѣмцами, — при императорѣ Александрѣ I, какъ только полякъ Чарторійскій получилъ власть въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, какъ немедленно всѣ русскіе учителя были немилосердно изгнаны изъ школъ и замѣнены поляками. Съ большимъ удовольствіемъ я позволю себѣ привести здѣсь слова великаго нашего педагога Ив. П. Корнилова, относительно требованій, какія должны быть предъявлены русской школѣ: «Во 1-хъ, наши учебныя заведенія должны жить одною жизнью со своею церковью, государствомъ и народомъ. Верховная власть, управляющая судьбами государства, и Православная церковь должны управлять и народнымъ образованіемъ, указывая

ему твердое и опредѣленное направленіе и ограждать отъ всякихъ вредныхъ и враждебныхъ влияній. Духовныя и свѣтскія власти и представители мѣстныхъ обществъ должны вести учебныя заведенія въ опредѣленномъ законномъ направленіи... 2. Школы должны служить не одному только умственному и научному образованію, но въ равной мѣрѣ и религиозно-нравственному и физическому воспитанію. Въ 3-хъ педагогическіе персоналы нашихъ училищъ должны состоять изъ благонадежныхъ нравственныхъ русскихъ людей, и лишь изъ такихъ инновѣрцевъ, которые извѣстны не только своею педагогическою опытностью и знаніями, но и любовью и преданностью Россіи»... Далѣе тотъ же авторъ говоритъ: «Для подъема въ Россіи учебно-вспомогательнаго дѣла необходимо, чтобы персоналъ воспитывающей и обучающей состоялъ изъ надежныхъ русскихъ православныхъ людей. Школы суть учрежденія національныя. Русскія школы должны свято хранить и культурно развивать тѣ живущія въ нашемъ народѣ православыя и славянскія начала, на которыхъ зиждется русская семья, общество и государство. *Только русскіе наставники въ состояніи выполнить такую національную задачу школъ.*

Проповѣдая, однако, народную любовь и преданность русскимъ дѣтямъ, никогда не слѣдуетъ оскорблять и дѣтей другихъ націй, входящихъ въ составъ нашей родины. Нужно относиться къ нимъ дружески и любовно, какъ къ братьямъ, и не

давать замѣтить нашего господства побѣдителя. Это они знаютъ и безъ насъ хорошо. Но зная это, они должны видѣть съ нашей стороны такіе отношенія, какія существуютъ между братьями одной семьи. Само будущее должно установить отношенія уваженія къ болѣе сильному и защитнику, а не чувство злобы и ненависти покореннаго и попираемаго.

Исторія Россіи должна быть извѣстна всѣмъ ученикамъ, но исторія не формальная, а исторія духа русской націи, ходъ ея развитія, разростанія и совершенствованія. Каждый ребенокъ долженъ знать все прежде всего о своемъ селѣ, своей губерніи, русской націи и народностяхъ всей Россіи, а затѣмъ о нашихъ братьяхъ—славянахъ, а тамъ уже обо всемъ свѣтѣ.

Нашъ первый долгъ—проникнуться всѣмъ своимъ русскимъ сердцемъ и во всю глубину своей души своей страной и нашъ второй долгъ, столь же важный—умѣнье цѣнить славу и подвиги предковъ и достойно увѣковѣчить ихъ словомъ и дѣломъ (А. Г. Елчаниновъ).

Между тѣмъ у насъ, русскихъ, познанія исторіи своей родины очень и очень недостаточныя и неосмысленныя. Еще А. С. Пушкинъ это отмѣтилъ: «Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистики, ея законодательство требуютъ особыхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ, преимущественно, занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, гото-

вящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлю искренно и усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ».

Къ тому ли еще ведетъ незнаніе отечественной исторіи... Къ сожалѣнію, находятся люди, которые умышленно задерживаютъ умы этихъ невинныхъ дѣтей и направляютъ ихъ на путь анархіи и революціи.

Великое воспитательное воздѣйствіе на дѣтей въ школахъ оказываютъ художественныя произведенія живописи, скульптуры и проч., а также и памятники русской старины, музеев, преданія, нравы и обычаи народа, съ которыми должно знакомить дѣтей какъ по оригиналамъ, такъ и по копіямъ. Весьма важно также знакомство съ памятниками народнымъ героямъ и извѣстнымъ историческимъ событіямъ,—только не такими памятниками, какъ Александра III на Знаменской площади, или Гоголю въ Москвѣ. Нужно имѣть гражданское мужество требовать, чтобы это издѣвательство было снято и вмѣсто нихъ поставлены дѣйствительные памятники, достойные имени народныхъ героевъ.

До сихъ поръ мы воспитывали нашихъ дѣтей геройскими подвигами грековъ и римлянъ, какъ будто бы у насъ нѣтъ своихъ героевъ, не только нисколько не меньше героевъ иностранныхъ, а на-

противъ, гораздо болѣе видныхъ и болѣе достойныхъ нашего почитанія. Но ставить за образецъ нашихъ народныхъ героевъ въ школахъ, гдѣ могутъ быть дѣти инородцевъ, слѣдуетъ такъ, чтобы они являлись великими и въ глазахъ нашихъ дѣтей и въ глазахъ дѣтей инородцевъ.

III. *Общественное національное воспитаніе* должно состоять въ проведеніи въ жизнь во всѣхъ мѣстахъ государства и во всѣхъ слояхъ общества духа любви, преданности и блага русской національности и отечества. Этому должна служить вся государственная администрація, всѣ государственныя и общественныя учрежденія, пресса, литература и всѣ гражданскія стороны жизни.

Основнымъ и неизблемымъ положеніемъ должно служить слѣдующее: *всѣ высшія государственныя должности и всѣ мѣста начальниковъ учреждений должны быть заняты людьми русскими, искренно проникнутыми духомъ націонализма.*

Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича Крижаничъ нисалъ: лучше отдавать высшія должности самымъ худымъ людямъ изъ своего народа, чѣмъ самымъ лучшимъ изъ иностранцевъ, — лучше тиранъ изъ народа, чѣмъ сладчайшій Давидъ изъ инородниковъ». Ибо невозможно, чтобы человекъ любилъ чужой народъ больше, чѣмъ свой.

Всѣхъ русскихъ людей должно невидимо сдѣлать одно чувство—поддержать другъ друга рус-

скаго и подать ему руку помощи. Это не должно говориться, но это должно пониматься и проводиться въ жизнь столь же твердо и неуклонно, какъ это дѣлаютъ поляки, нѣмцы, армяне, евреи и т. д.

Лица съ антинаціональнымъ направленіемъ изъ русскихъ нетерпимы на должностяхъ, ибо они будутъ служить не на пользу, а во вредъ родинѣ. Особенно такія лица нетерпимы въ вѣдомствѣ просвѣщенія. Точно также недопустимо сослуженіе въ одномъ вѣдомствѣ многихъ лицъ изъ инородцевъ одной и той же національности, для которыхъ интересы личные ближе, чѣмъ интересы государства. Образцомъ тому можетъ служить Владикавказская желѣзная дорога, виновники Цусимы и многія другія учрежденія, даже въ настоящій моментъ переполненныя поляками, нѣмцами, евреями и проч.

Какъ ни странно сказать, а должно, что находясь въ младенческомъ состояніи національнаго самосознанія, мы должны твердо рѣшиться имѣть гражданское національное мужество отстаивать открыто свое національное достоинство противъ наглыхъ и открытыхъ выпадовъ, оскорбленій и униженій, изливаемыхъ инородцами и русскими выродками, или продажными людьми на нашу родину и на нашъ народъ. По мѣрѣ того, какъ мы становимся скромнѣе и сдержаннѣе, наши враги становятся наглѣе и дерзче. И это естественно. Кто не умѣетъ себя защищать, тотъ невольничко

даетъ прямой поводъ къ нападенію. Уже Карамзинъ ясно формулировалъ нашу слабость — стѣсненіе открыто защищать и отстаивать себя. «Мнѣ кажется,—говорилъ онъ,—мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самъ себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ». Результаты этой нашей слабости уже успѣли сказаться во всѣхъ областяхъ. Посмотрите, какъ поляки, чехи и другіе славяне уважаютъ своихъ поэтовъ, своихъ ученыхъ... А у насъ... Еще недавно русскія диссертациі отличались необыкновенно обильнымъ количествомъ цитатъ и полнымъ перечисленіемъ всѣхъ именъ русскихъ и иностранныхъ... А теперь, со входомъ въ профессорскій составъ значительнаго количества инородцевъ, иностранныя цитаты и имена также обильны, а русскія силошъ и рядомъ замалчиваются, особенно если писанія ученыхъ не имѣли краснаго оттѣнка. На дняхъ я взялъ прекрасную книгу нашего выдающагося молодого военного ученаго проф. А. Г. Елчанинова¹⁾ и нашелъ въ ней слѣдующее мѣсто: «Въ нашей военной Академіи мы занимались болѣе 50 лѣтъ однимъ иностраннымъ военнымъ искусствомъ и только незабвенный Д. Ф. Масловскій проложилъ, всего менѣе 25 лѣтъ назадъ дорожку изученію военнаго искусства русскаго (курсивъ оригинала)... Мы доходили до взглядовъ, что война портитъ

¹⁾ А. Г. Елчаниновъ. Веденіе современной войны и боя, 1909.

войска, до отрицанія боевыхъ достоинствъ кавказскихъ войскъ, потому что они не имѣли *преданства тою времени...* Мы увѣковѣчили шефами въ частяхъ множество иностранцевъ, а въ тоже время имя Великаго Петра дали всего 1 полку и то лишь въ 1904 г., а имя Елизаветы, Екатерины, Александра I не носятъ у насъ ни одна еще часть,—не говоря уже о многихъ простыхъ смертныхъ, — вождахъ-герояхъ, даже бывшихъ при жизни шефами тѣхъ или другихъ частей. Въ *последнее время* мы тронулись въ этихъ отношеніяхъ сильно впередъ,—но все же надо еще многое сдѣлать, дабы вернуть наши ратныя силы, нашу военную науку — на исконный, сложившій Россію, народный нашъ Русскій путь»... Вообще вся книга проникнута глубокимъ знаніемъ дѣла, настоящимъ пониманіемъ сущности его и безпредѣльной любовью и преданностью Россіи... И эта книга намъ говоритъ, что и въ военномъ вѣдомствѣ что-то неладно, и оно требуетъ большой чистки въ духѣ русской дистилляціи...

И какой бы мы области не тронулись—всюду одно и тоже—паденіе національнаго духа и низкопробный индифферентизмъ и интернаціонализмъ.

Вотъ почему *важно, чтобы и наука и пресса наша открыто и громко исповѣдывали національный символъ вѣры* и давали сдержанный, покойный и вѣсскій отпоръ наглымъ нападкамъ враговъ нашей народности и нашей родины, особенно

тѣхъ, кто состоитъ на службѣ и питается на счетъ нашей же родины.

Нужно безусловно твердо установить, чтобы *промышленность, торговля, трудъ и кредитъ* были *національными*. Какъ промышленность, такъ и торговля могутъ быть національными двояко: 1-е промышленность и торговля могутъ находиться въ рукахъ лицъ данной націи и 2-е промышленность и торговля должны служить интересамъ данной націи. Весьма важно, чтобы и то и другое въ государствѣ находилось въ рукахъ державной, господствующей русской націи. Нѣтъ слова, и соподчиненныя націи могутъ вести промышленность и торговлю, — но поощрѣніе государства должно касаться только лицъ державной націи, никакимъ образомъ не поддерживая иностранцевъ и враждебныхъ инородцевъ, какъ напр. еврей.

Особенно же важна націонализація капитала ¹⁾. «Капиталъ, какъ промышленный, такъ и торговый, это—живое воплощеніе экономической и соціальной власти и поэтому передача его инородцамъ равносильна передачѣ имъ командующаго положенія надъ державнымъ народомъ на всемъ полѣ его личной, хозяйственной, политической и духовной жизни. Кто владѣетъ капиталомъ, тотъ въ нашъ капиталистическій вѣкъ владѣетъ всѣмъ: фабриками, заводами, магазинами, землею, монопо-

¹⁾ И. Гоффиттеръ. Национализація государственнаго кредита.

ліею минеральныхъ богатствъ, всѣми источниками дохода и обогащенія, жизнью и благополучіемъ массъ, владѣетъ вашимъ трудомъ и заработкомъ, командуетъ вашей волей, располагаетъ печатью, формирующею нашу психику. Въ его рукахъ общественная мысль и воля, участь каждаго гражданина, судьба государства и народа. Онъ есть настоящій властитель міра. Деньги—это узелъ міровой жизни..

Нужно ли добавлять, что государственный кредитъ, т. е. капиталъ даваемый государствомъ въ кредитъ, долженъ исключительно и безусловно идти въ руки державной націи и—ни подъ какимъ видомъ не въ руки инородцевъ, особенно жидовъ. Капиталъ, даваемый государствомъ жидамъ, есть капиталъ направленный противъ интереса и пользы государства,—а потому Государственная Дума должна всѣми своими силами стремиться къ тому, чтобы на будущее время государственный кредитъ былъ *исключительно и безусловно національный*, т. е. въ рукахъ лицъ державной націи. Что же касается прошлаго, то должно стремиться къ неукоснительному постепенному изытію русскаго капитала изъ рукъ жидовъ и другихъ инородцевъ.

За то *мелкій кредитъ* лицамъ русской націи долженъ быть возможно расширенъ и поддержанъ, что дастъ возможность поднять экономическое положеніе трудящейся массы и общее благосостояніе Имперіи.

Трудно перечислить всѣ условія жизни, при которыхъ должно поддерживать русское національное достоинство. Каждый изъ насъ долженъ это дѣлать всегда и при всѣхъ случаяхъ.

Съ точки зрѣнія пользы родины важно, чтобы земскія и общественныя учрежденія чутко относились къ потребностямъ народа, особенно въ дѣль воспитанія дѣтей. Весьма важно, чтобы народныя школы превратились въ національныя профессиональныя школы. Такт, въ областяхъ, гдѣ преобладаетъ земледѣлие, основой народной школы должно быть изученіе почвы, ея обработки, наилучшаго ея использованія,—а уже пособіемъ и средствомъ къ этому познанію должна быть грамота и изученіе книгъ, какъ касающихся сельскаго хозяйства, такъ и познаній родины.

Тамъ, гдѣ есть глина и гдѣ занимаются горшечнымъ производствомъ и проч., дѣти должны начать свои занятія съ глиняннаго производства и рядомъ съ этимъ заниматься грамотою, какъ пособіемъ къ изученію производства, а также познаніемъ родины. Таково же должно быть отношеніе и къ другимъ видамъ производства.

Для этого должны быть въ земствѣ надлежащія учителя, образцы и средства. Грамотность должна быть не цѣлью, а средствомъ къ познанію.

III.

Національное образованіе.

Образованіе, какъ и воспитаніе, должно быть для русскихъ строю національнымъ, а для инородцевъ—строю патріотичнымъ.

По отношенію къ предметамъ преподаванія, школы всѣхъ странъ болѣе или менѣе сходны. Но въ отношеніяхъ религіозномъ, національномъ и политическомъ, каждая школа, каждый учитель, должны служить своей церкви, своему народу, своему государству. Отъ русскихъ людей, воспитанныхъ инородцами, нельзя ожидать ни основательнаго знанія своей страны, ни разумной любви къ своему отечеству, ни пониманія его истинныхъ интересовъ. А потому и во главѣ школъ и преподаванія должны быть надежные русскіе люди.

Я позволю себѣ остановиться еще на одной сторонѣ нашихъ школъ. Русскія школы, говоритъ И. П. Корниловъ, еще въ недавнее время заботились преимущественно о внѣшнемъ порядкѣ и дисциплинѣ и о формальномъ исполненіи учебныхъ программъ; но въ отношеніи воспитанія воли, на-

клонностей, убѣжденій и національнаго чувства— они отличались индифферентизмомъ. Вслѣдствіе такой внѣшней постановки школьнаго дѣла, у насъ обращалось весьма мало вниманія на вѣроисповѣданіе, національность и даже на образъ мыслей лицъ, которымъ ввѣрялось воспитаніе.

Тотъ же великій нашъ педагогъ возлагаетъ на преподавателей и руководителей еще одинъ важный и существенный долгъ, чтобы они, «руководя физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ своихъ питомцевъ, оберегали бы еще не окрѣвшіе и развивающіяся природныя силы *не утомляли ихъ непосильными трудами*». Увы это требованіе и до селѣ тщетно. Сколько разъ приходилось наблюдать, что дня два почти нѣтъ никакихъ занятій, а за тѣмъ сразу назначаются со всѣхъ предметовъ дѣйствительно непосильныя заданія. Да и вообще наши русскія школы страшно грѣшатъ тѣмъ, что даютъ и требуютъ много излишнихъ и ненужныхъ мелочей и не умѣютъ сосредоточить учениковъ на главномъ и важномъ. Это грѣхи не только среднихъ, но и высшихъ школъ. Изъ нашихъ высшихъ техническихъ школъ часто выходятъ ученики съ богатѣйшими теоретическими познаніями, не умѣя провести въ домѣ электрическаго звонка. Нашъ долгъ въ будущемъ долженъ состоять въ исправленіи двухъ главнѣйшихъ ошибокъ: отягченія нашихъ школъ излишней теоретичностью и изученія ненужныхъ мелочей. Non multum, sed multa.

Разумѣется, первымъ предметомъ образованія долженъ быть Законъ Божій—Новый Заветъ и его высоко нравственныя повелѣнія въ *духъ Православной Церкви*. Я дѣлаю на этомъ особенное удареніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между славянской расой и православіемъ лежитъ органическая связь. Огромное большинство славянъ исповѣдуетъ православную вѣру потому, что православная церковь есть церковь любви, состраданія, милосердія, всепрощенія и самопожертвованія. Это тѣ качества, кои присущи и свойственны славянской народности. Католическая церковь—церковь воинствующая. Она противна духу славянской народности. Если вдуматься хорошо, то, быть можетъ, поляки много страдаютъ именно потому, что католицизмъ представляетъ дисгармонію съ духомъ ихъ мягкой, нѣжной, чувствительной народности. Если свойства русской народности откликнулись на особенности православной религіи, то съ другой стороны и православіе, въ теченіе тысячелѣтій, во многомъ отозвалось на чертахъ характера и духа славянской народности. Православіе усилило, укрѣпило и осватило славянскую любовь къ ближнему, его желаніе помочь страждущимъ и угнетеннымъ, его стремленіе къ состраданію и самопожертвованію и т. д. Посмотрите на исторію Россіи послѣднихъ столѣтій, и вы видите великія ея жертвы сотнями тысячъ ея дѣтей за благо угнетаемыхъ братьевъ,—миллиардами денегъ, проценты за которые мы платимъ и теперь... Все это воин-

ствующую церковью называется сентиментализмом и глупостью,—а православная церковь эти жертвы освящаетъ, какъ проявленіе любви и самопожертвованія «за други своя»... Православіе въ Россіи—не случайность, а религія ея духа народнаго, духа—воспріявшаго православіе какъ наиболѣе удовлетворяющую религію; оно же укрѣпляетъ и поддерживаетъ основныя народныя черты.

Кромѣ того при преподаваніи Закона Божія, нужно особенно рѣзко и настойчиво отгнать Завѣты Нашего Великаго Учителя въ Его Евангеліи, и возможно меньше останавливаться на Ветхомъ Завѣтѣ,—завѣтѣ жестокости и челоуѣконенавистничества ¹⁾).

А затѣмъ, какъ ни странно можетъ показаться, *я самымъ важнымъ предметомъ образованія въ національномъ отношеніи считаю географію родины въ самомъ широкомъ смыслѣ слова или познаніе естественныхъ, историческихъ и духовныхъ свойствъ и богатствъ родной страны.* Каждый мальчикъ и каждая дѣвочка, сознающіе, что они живое мыслящее существо, въ то же время должны сознавать и то, что они русскіе. А чтобы достойно носить это имя, они немедленно же должны знать, что такое Россія, каковы ея достоинства, естественныя сокровища и исторія и почему почетно имя русскаго. Поэтому при первомъ же пробужденіи познавательной

¹⁾ Объ этомъ я много говорю въ своей брошюрѣ „Библия и нравственность“.

дѣятельности и наступленіи времени, когда нужно учить, — учить должно прежде всего познавать свою родину. Изученіе должно начаться съ познанія ея языка и ея естественныхъ богатствъ. Изученіе природы должно происходить среди самой природы, путемъ мелкихъ экскурсій. Поле, лугъ, лѣсъ, рѣка, ручеекъ, озеро, болото, горки, овраги, огородъ, садъ—все это тѣ предметы, при посредствѣ которыхъ познается вначалѣ родина. Этимъ способомъ невольно усвоятся формы воды и суши, почва, геологическое строеніе, сельско-хозяйственныя формы и т. д. Засимъ само собою слѣдуетъ промышленность фабричная, заводская, кустарная, какъ данной мѣстности, такъ и сосѣднихъ мѣстъ и всего государства. Отсюда само собою возникаютъ свѣдѣнія о торговлѣ, путяхъ сообщенія, сбытѣ, производительности и т. д.

Рядомъ съ этимъ должны быть сообщаемы и историческія данныя: какъ эта часть Россіи досталась намъ, какіе на ней шли перевороты, какіе историческіе моменты она переживала и какъ въ нихъ участвовала, какое теперь ея отношеніе къ цѣлому и частямъ, ростъ и проч. Весьма важную роль въ этомъ отношеніи играютъ памятники старины: старыя церкви, постройки, памятники, учрежденія и все то, что имѣетъ тѣсную связь съ исторіею прошлаго данной мѣстности и всей Россіи.

Такъ постепенно возникаютъ свѣдѣнія о богатствахъ страны, ея производительности, народности, исторіи, культурѣ и развитіи,—а съ позна-

ніемъ всего этого дѣти безусловно полюбятъ и свой народъ и свою родину.

По тщательномъ и всестороннемъ изученіи родины должно переходить къ изученію отечества. Естественно, что это послѣднее будетъ столь же легкимъ и столь же интереснымъ, какъ и изученіе родины. Важнымъ пособіемъ при этомъ могутъ быть рисунки, чертежи, карты, описанія жителей, ихъ нравы, обычаи, исторія, время и способъ присоединенія къ Россіи и т. п.

Важное значеніе познанія родины въ духѣ національнаго развитія понималъ и хотѣлъ провести въ жизнь сподвижникъ нашего императора-націоналиста, бывший подъ конецъ своей жизни министромъ просвѣщенія, П. С. Ванновскій. Въ жалкій періодъ существованія нашихъ среднихъ школъ вступилъ въ министерство П. С. Ванновскій. Онъ первый началъ выбрасывать изъ школы ненужный балластъ и онъ первый ввелъ въ школу *отечествовѣдѣніе*. Плачевно окончилась его попытка. Онъ палъ... Паль странно и грустно... Его не нанутствовали добрымъ словомъ... Я глубоко убѣжденъ, что именно потому онъ и палъ, что былъ сподвижникомъ императора-націоналиста... Онъ палъ потому, что хотѣлъ провести въ жизнь его завѣты... Онъ палъ потому, что хотѣлъ произвести на пользу родинѣ самый живой и самый важный для государства и народа образовательный переворотъ...

Кто же могъ поддержать и провести его начинанія?... Карьеристы его приближенные? Ненави-

дѣвшіе своею измѣнническою душою Россію инородцы, либеральничающіе русскіе, или люди въ футлярахъ?.. Люди живые, родители, общество сразу поняли и оцѣнили предпріятія П. С. Ванновскаго, — но они были рабами и не смѣли подать своего голоса...

Изученіе географіи или отечествовѣдѣнія особенно сильно развито и установлено во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ особенно велика сила націонализма. Таковы—Германія, Японія, Италія и проч. Не стыдно и намъ взять примѣръ съ тѣхъ странъ и приняться за тщательное и всестороннее изученіе своей родины. Только знаніе и познаніе родины вселитъ въ дѣтяхъ любовь къ ней, желаніе ей добра и рѣшимость на самопожертвованіе.

Изученіе родины должно производиться какъ въ *низшихъ народныхъ*, такъ и въ *среднихъ и высшихъ школахъ Россіи*.

Въ низшихъ деревенскихъ школахъ каждый ученикъ вмѣстѣ съ грамотою долженъ знать прежде всего свое село, свою деревню: его почву, ея обработку, лѣса, злаки, глину, животныхъ, исторію мѣстности въ связи съ исторіей народа и т. д. Усвоивъ это, онъ долженъ въ такомъ же порядкѣ изучить сосѣднія деревни, уѣздъ, всю губернію и сосѣднія губерніи и всю Россію. Только послѣ этого онъ можетъ приступить къ изученію всеобщей географіи. Пускай онъ не знаетъ Азіи, Европы, Испаніи и т. д., но знаетъ свою Голодаевку, Малмыжскій уѣздъ и Костромскую губер-

нію... Важно, чтобы всѣ дѣти умѣли чертить на доскѣ и на бумагѣ наброски карты своей деревни, съ ея рѣчкою, ручейками, лѣсами, дорогами, расположеніемъ деревни и полей, съ указаніемъ сосѣднихъ границъ... Такъ познаются иногда великіе будущіе ученые и государственные дѣятели...

Насколько важно вѣдрять въ душу дѣтей познание окружающей ихъ природы и хозяйственного производства видно изъ инструкціи, данной во Франціи учителямъ народныхъ школъ. Прежде всего учителя обязаны вдохновлять дѣтей народа «любовью къ жизни среди полей». Школа должна заняться «подготовкою ребенка къ интеллигентному усвоенію дѣла, отъ котораго онъ будетъ жить, и дать ему вкусъ въ его будущей профессіи; въ этомъ отношеніи учитель никогда не долженъ забывать, что наилучшее средство заставить ребенка полюбить свою работу—это заставить его понять ее... Цѣль начальнаго сельскохозяйственнаго обученія—это *приохотить* наибольшее число дѣтей нашихъ деревень *къ элементарнымъ знаніямъ, необходимымъ для плодотворнаго чтенія книгъ* по современному земледѣлію, для плодотворныхъ занятій въ агрикультурѣ; это—вдохнуть имъ любовь къ жизни среди полей и желаніе не мѣнять ее на жизнь города или завода,—это проникнуть ихъ той истинной, что занятіе земледѣльца, самое независимое изъ всѣхъ, есть болѣе прибыльное, чѣмъ множество другихъ, для работника трудолюбиваго, интеллигентнаго и обученнаго». Средствами же

для этого должны служить: уроки, наглядная культура въ школьномъ огородѣ или саду и экскурсіи по полямъ и лугамъ и т. п. Въ школьномъ саду или огородѣ должно быть заведено слѣдующее: овощи, ботаническій питомникъ, цвѣты и показательное поле... Учитель при этихъ занятіяхъ долженъ оставить свое основное занятіе—обучать малышей первоначальной грамотѣ, превратившись на этотъ разъ уже въ плантатора (Ив. Чистяковъ¹⁾). Французское правительство въ этомъ отношеніи смотритъ далеко не односторонне. Оно приказываетъ своимъ народнымъ учителямъ прививать дѣтямъ любовь къ труду, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ природы. Такъ, въ 1898 г. оно издаетъ циркуляръ, требующій обученія дѣтей народной школы прибрежныхъ мѣстностей знаніямъ, связаннымъ съ занятіями и промыслами рыбака и моряка. «Учитель можетъ и долженъ приспособить свое обученіе къ той средѣ, гдѣ онъ его даетъ»...

Точно также и въ среднихъ школахъ должно начинаться изученіе географіи не съ общихъ понятій: земной шаръ, полюсы, меридіаны и проч., а съ познанія своей губерніи: ея природы, исторіи, культуры, промышленности и проч. въ подробнѣйшихъ подробностяхъ и со всѣми особенностями. При изученіи исторіи родины нужно начинать не съ Синеуса и Трувора, а съ исторіи данной мѣ-

¹⁾ Ив. Чистяковъ. Образование народа во Франціи. 1904.

стности въ связи съ ея положеніемъ и природою и только по усвоеніи этого переходить къ систематической исторіи Россіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, возвышая и относясь съ гордостью и любовью ко всему родному русскому, нужно стараться не задѣвать и не оскорблять нѣжное чутье дѣтскихъ сердець инородцевъ... Нужно, чтобы и въ нихъ воспитывались въ душѣ уваженіе и преданность русскому отечеству.

Для удобства изученія и для болѣе удовлетворительнаго внѣдренія и полноты знаній, я бы поставилъ обязательными слѣдующія требованія: *каждый учитель народной школы обязанъ составить полную и подробную географію своей деревни.* Сюда должно войти все то, что требуется для географіи: описаніе мѣстности, природы, почвы, особенности промысловъ, сообщеніе, промышленность и торговля, сношенія, историческіе памятники и пути и т. д., и т. д. Эти очерки должны лечь въ основу его преподаванія и и провѣряться ежегодно совмѣстно съ учениками. Весьма важно, чтобы учитель эту свою географію области деревни прошелъ съ учениками на дѣлѣ, воочію, путемъ личнаго ознакомленія со всѣмъ, а за тѣмъ и учениковъ своихъ вовлекалъ въ составленіе такихъ очерковъ съ рисунками, графиками и проч., — и не брезгалъ пользоваться ими при составленіи своего очерка. Всѣ такіе очерки, охватывающіе и флору, и фауну, и историческіе памятники, и историческія событія и все остальное

необходимое, — должны каждымъ учителемъ по одному экземпляру, имъ составленному, быть представленными инспектору народныхъ училищъ. По разсмотрѣніи и провѣркѣ послѣднимъ, эти очерки должны передаваться имъ учителю географіи и исторіи уѣзднаго училища, а если въ уѣздномъ городѣ есть гимназія, то цѣлому комитету изъ учителей географіи, исторіи, русскаго языка и физики.

На этихъ учителей возлагается трудъ провѣрки этихъ данныхъ и составленія по нимъ очерка даннаго уѣзда съ чертежами, картами, если можно фотографіями, рисунками и проч. Было бы желательно, чтобы при провѣркѣ данныхъ принимали участіе и ученики уѣздныхъ школъ съ обязательствомъ составлять географическіе очерки уѣзда. Должно также, чтобы при этой переработкѣ сельскихъ данныхъ производилась оцѣнка дарованій труда и добросовѣстности сельскихъ учителей и коемуждо воздавалось по трудамъ его. Этимъ способомъ могутъ быть отмѣчаемы и выдвигаемы даровитыя натуры.

Составленные такимъ комитетомъ очерки уѣзда передаются попечителю учебнаго округа, который поручаетъ комитету изъ учителей гимназій географіи, исторіи, естественныхъ наукъ, словесности и физики пересмотрѣть всѣ эти очерки уѣздовъ и по нимъ составить географію губерніи. Эти географическіе очерки губерніи должны лечь въ основу преподаванія географіи ученикамъ гимназій данной

губерніи, при чемъ эти ученики должны предпринимать экскурсіи съ своимъ учителемъ въ важнѣйшія мѣста губерніи для ознакомленія съ оными и составленія очерковъ.

Составленный географическій очеркъ губерніи передается комитету изъ профессоровъ университета и выдающихся преподавателей гимназіи округа, для составленія географіи округа, какъ Кавказа, Сибири, Туркестанскаго края, Финляндіи и т. д. Эти очерки округовъ передаются въ Министерство, которое поручаетъ достойнымъ специалистамъ составленіе описанія Россійской Имперіи во всей ея полнотѣ.

Географическіе очерки округовъ Россіи должны быть печатаемы по новымъ даннымъ черезъ каждые три года и разсылаемы по всѣмъ народнымъ училищамъ для *бесплатной раздачи* всѣмъ ученикамъ народныхъ училищъ. Точно также каждые пять лѣтъ должна издаваться географія Россіи и разсылаться по уѣзднымъ училищамъ для *бесплатной раздачи* всѣмъ ученикамъ этихъ училищъ.

Проѣрка отпечатанныхъ данныхъ должна производиться всѣми учителями народныхъ училищъ ежегодно, — ежегодно должны быть сообщаемы эти свѣдѣнія по высшимъ комитетамъ, послѣдними должны производиться надлежащія измѣненія и дополненія, чтобы въ новыхъ изданіяхъ географіи были внесены всѣ эти измѣненія. Не внесенныя измѣненія, указанныя преподавателями, должны

падать на отвѣтственность составителей, попечителей и министерства.

Такъ должно быть поставлено отечествовѣдѣніе въ Россіи, — тогда только мы узнаемъ Россію и станемъ ей полезными.

Языкъ въ школѣ, въ судѣ, въ государственныхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ въ Русскомъ государствѣ долженъ быть безусловно и непоколебимо *русскій*. Это языкъ господствующей державной націи и этотъ языкъ должны знать всѣ соподчиненные народы. Этотъ пунктъ весьма большой важности и уступокъ здѣсь не должно быть никакихъ.

«Языкъ и его произведенія, говоритъ Петръ Струве,¹⁾ — самое живое, гибкое, самое тонкое и величественное воплощеніе національности, таинственно связанное съ ея таинственнымъ существомъ. Вотъ почему, когда на стволѣ государственности развился языкъ какъ органъ и выраженіе національности и ея культуры, смерть государственности не убиваетъ національности. «Языкъ, чтобы быть послушнымъ и художественнымъ орудіемъ нашей мысли, долженъ быть не только частью нашего знанія, но и частью нашей жизни, частью насъ самихъ» (С. А. Хомяковъ).

Къ цѣльности и достоинствамъ нашего языка должно отнести и то, что нашъ языкъ изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій является «самымъ славянскимъ», а кромѣ того онъ является языкомъ народнымъ. «Языкъ словесности, языкъ такъ назы-

¹⁾ *Петръ Струве. Patriotica.*

ваемого общества во всѣхъ почти земляхъ Европы мало принадлежитъ народу. Французскій напр. языкъ—созданіе городовъ... Одна только Россія представляетъ явленіе великаго народа, говорящаго языкомъ своей словесности» (С. А. Хомяковъ).

«Можно ли отрицать, что русскому, потому что онъ русскій, и въ той же мѣрѣ, въ какой онъ русскій, духъ нашей истории, мотивы нашей поэзіи, весь ходъ и все настроеніе народной жизни откроется яснѣе и полнѣе, чѣмъ французу, хотя бы послѣдній овладѣлъ вполне русскимъ языкомъ и такою массою матеріаловъ, какою никогда не располагалъ ни одинъ русскій ученый», говорить Ю. О. Самаринъ²⁾.

Вотъ почему, если мы желаемъ, чтобы всѣ культурныя или слабокультурныя соподчиненныя намъ націи приобщились къ нашей культурѣ и обрусѣли, мы должны обязательно и неукоснительно обучить ихъ русскому языку, дабы въ каждомъ поколѣніи этотъ языкъ сталъ ихъ роднымъ и наша русская культура стала ихнею культурою. Вотъ почему непозволительно и преступно допускать, чтобы въ Русскомъ государствѣ соподчиненныя Россіи націи осмѣливались націонализировать другія соподчиненныя націи. А между тѣмъ это дѣлается. Финны осмѣливаются офинивать кореловъ и лопарей. Поляки осмѣливаются ополячивать литовцевъ и бѣлоруссовъ, нѣмцы осмѣливаются онѣмѣчивать эстовъ и литвиновъ...

2) Ю. О. Самаринъ. Сочиненія, т. I, стр. 114.

Этого не должно быть. Преступленіе со стороны народностей производить это. Преступленіе со стороны русской администраціи допускать это. Национальная партія обязана слѣдить за этимъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вносить запросъ въ Государственную Думу.

А вотъ что говорить по этому поводу декабристъ П. И. Пестель¹⁾. «Когда въ прошломъ столѣтіи часть Финляндіи была Россіею приобрѣтена, тогда введены были въ оную законы, правленіе и языкъ російской, такъ что народъ, въ оной обитаемый, въ скоромъ времени почти совсѣмъ обрусѣлъ...». Это было въ XVIII столѣтіи. Въ XIX столѣтіи присоединилась новая часть Финляндіи и вотъ что о ней говоритъ Пестель: «Что же касается языка, то надлежитъ ввести въ Финляндію російскій языкъ, устраивать нужныя для сего училища и принимать другія къ той же цѣли ведущія мѣры по усмотрѣнію Верховнаго Правленія». Точно также онъ строго стоитъ за введеніи русскаго языка у колонистовъ и всѣхъ остальныхъ инородцевъ.

Я полагаю, что преподаваніе во всѣхъ школахъ должно непременно вестись на русскомъ языкѣ. Исключеніе можетъ быть только въ двухъ случаяхъ 1. Если инородцы не обыкновенно тупы, глупы и дики. Это люди, стоящіе на самой низкой степени развитія. Таковы напр. на Кавказѣ сваны, въ Сибири якуты, тунгузы и проч. Вотъ

1) П. И. Пестель. Русская Правда, 41 и др.

у этих совершенно некультурных людей в первый год школьной жизни можно допустить, как по себе, родной язык, — но затѣмъ быстро свести его на русскій и на русскомъ уже продолжать дальнѣйшее образование. Что же касается такихъ націй, какъ поляки и проч., то слѣдуетъ даже допустить мысль, чтобы и у нихъ можно было бы допустить польскій языкъ, какъ пособіе.

2. Инородческій языкъ можно допустить въ школу у культурныхъ націй, напр. у поляковъ, при прохожденіи ими ихняго Закона Божія, исторіи и литературы, — но рядомъ съ этимъ могутъ слушать курсы и дѣти русскихъ семействъ.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и всегда въ Россіи долженъ царить русскій языкъ.

Насколько, однако, мы небрежны къ своему родному языку — показываетъ случай, обнаруженный ревизіей сенатора Нейдгарта.

Въ 1905 году общество Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги, ссылаясь на законъ 6 іюня 1905 г. о расширеніи правъ польскаго языка, замѣнило въ дѣлопроизводствѣ дороги русскій языкъ польскимъ, хотя закономъ такая замѣна вовсе не оправдывалась. Министерство путей сообщенія не приняло немедленно мѣръ къ восстановленію нарушеннаго порядка; напротивъ, оно скорѣе склонно было даже поддержать новый порядокъ, но *рѣшительно возсталъ противъ польскаго языка въ желѣзнодорожномъ производствѣ генералъ-адъютантъ Скалонъ, по должности командующаго войсками вар-*

шавскаго военного округа представившій свои соображенія въ пространномъ письмѣ начальнику генеральнаго штаба. *Отрицая* возможность какихъ-либо въ этомъ отношеніи *льготъ*, авторъ письма категорически *свидѣтельствовалъ*, что «онъ *будутъ* объяснены *уступкой* и *только дадутъ* мѣстному населенію края, *подъ* вліяніемъ агитаторовъ, идею самосознанія, *подорвутъ* польскія національныя надежды и притязанія и послужатъ поддержкою польскому броженію».

Такъ могъ и долженъ былъ говорить представитель русской власти въ краѣ, всячески обособляющемъ себя отъ всего русскаго, сепаратизмъ котораго въ томъ же 1905 г. вспыхнулъ яркимъ пламенемъ.

Письмо генерала Скалона повело къ немедленному образованію при министерствѣ путей сообщенія комиссіи, въ которой представитель командующаго варшавскимъ военнымъ округомъ въ совершенно опредѣленной формѣ отрицалъ всякую возможность допущенія льготъ польскому языку. Однако комиссія тогда (въ сентябрѣ 1905 г.) къ окончательнымъ заключеніямъ не пришла, вслѣдствіе чего министръ путей сообщенія черезъ полгода рѣшилъ возобновить ея занятія. Но къ этому времени произошло нѣчто совершенно непонятное. Инициаторъ вопроса генералъ Скалонъ, увѣдомилъ министра путей сообщенія что онъ признаетъ излишнимъ назначеніе въ комиссію представителя отъ варшавскаго военного округа, а ко-

мандированный въ нее представитель варшавскаго генераль-губернатора (т. е. того же генерала Скалона, совмѣщающаго съ должностью командующаго войсками должность главнаго начальника края), основываясь на полученныхъ инструкціяхъ, единственный изъ всѣхъ представителей правительства находилъ желательнымъ введеніе польскаго языка въ дѣлопроизводство частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Несмотря на столь неожиданный оборотъ дѣла, министръ путей сообщенія полгода спустя послалъ на заключеніе варшавскаго генераль-губернатора проектъ представленія Совѣту Министровъ о полномъ возстановленіи самовольно нарушеннаго Варшаво-Вѣнской дорогой порядка, т. е. устраненія польскаго языка изъ ея дѣлопроизводства. Это было въ октябрѣ 1906 г. и только въ мартѣ 1908 г., вслѣдствіе повторныхъ просьбъ объ отвѣтѣ, генераль Скалонъ сообщилъ о полномъ своемъ несогласіи съ проектомъ, нарушающимъ, по его мнѣнію, права польской націи на пользованіе роднымъ языкомъ, ибо «не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что языкъ есть первый признакъ жизни всякой національности».

Полное противорѣчіе во взглядахъ генераль-адъютанта Скалона отчетъ объясняетъ тѣмъ, что первоначальная переписка по этому вопросу шла черезъ штабъ военнаго округа, а послѣдующая— по генераль-губернаторской канцеляріи.

Мы совѣтуемъ всѣмъ правителямъ отвѣтствен-

ныхъ областей Имперіи помнить, что языкъ есть первый признакъ жизни всякой націи, и такъ какъ они призваны повсюду служить интересамъ Русскаго государства и русской націи, то и должны отстаивать языкъ этого народа, дабы сохранить русскую государственную жизнь на всякой инородческой окраинѣ.

Подобное отношеніе нашихъ высокихъ администраторовъ къ національному и государственному долгу я считаю съ національной точки зрѣнія въ высокой степени преступнымъ. Такихъ людей должно предавать суду и судить сугубо.

Въ образованіи и воспитаніи дѣтей играютъ важную роль системы, которыя царятъ въ нашихъ среднихъ школахъ. Системъ этихъ двѣ: классическая и реальная. Классическая, говорятъ, готовитъ тупицъ,—реальная—безбожниковъ и анархистовъ. Таковъ опытъ прежней нашей жизни. И первая для родителей—ужасъ, и вторая—не меньшій. Но все таки, какъ ни ужасенъ второй исходъ, а мы, родители, капельку вздохнули, когда изъ среднихъ школъ убрали греческій языкъ и послабили римскій. О, въ доброй памяти у насъ тотъ кошмаръ, когда латынью и греками давили насъ, забивали и убивали. Проклятыя и нынѣ висятъ надъ Деляновымъ, Аничковымъ и др., избивавшими младенцевъ русскихъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ Иродъ царь въ Иудеѣ. И вотъ въ этомъ году вновь переполохъ. Еще почти на дняхъ былъ съѣздъ представителей классицизма въ среднихъ школахъ

министерства просвѣщенія. И, насколько видно изъ газетъ, не безъ милостиваго вниманія министерства народнаго просвѣщенія. Невольно у каждаго дрогнуло сердце—неужели?... Отвѣта нѣтъ, и дай Богъ, чтобы его не было.

Этотъ ужасный кошмаръ заставляетъ насъ взглянуть на вопросъ о классическомъ образованіи съ другой стороны.

Что такой классицизмъ? Съ одной стороны — литературный терминъ, — а съ другой система образованія. Съ литературной точки зрѣнія классическими называли литературныя творенія золотого вѣка латинской литературы.

Вскорѣ это понятіе стали расширять. Сюда отнесли произведенія и всѣхъ древнихъ римскихъ писателей. Сюда отнесли и греческихъ и византийскихъ писателей. Классицизмъ—ученіе и направленіе, производимое этими писателями. Вскорѣ это ученіе стали называть гуманистическимъ и гуманитарнымъ, ибо оно всесторонне, якобы, развивало умъ и волю и создавало человѣка, гражданина.—Классическая система имѣла за себя тѣ важныя преимущества, что латинскій и греческій языки являлись языками мертвыми и законченными, и дѣти, изучая ихъ, упражнялись въ изученіи точности, опредѣленности и законченности.

Благо.

Мы не будемъ входить въ разборъ этихъ понятій и въ полемику. Скажемъ только, что «человѣкъ» нынѣ умеръ, а изъ него народились фран-

цузы, нѣмцы, испанцы, итальянцы и т. д., и та нація, которая своихъ дѣтей будетъ готовить «человѣками», обрекаетъ себя на сѣдленіе, ибо этихъ «человѣковъ» сѣдятъ французы, испанцы и т. д. Погибнетъ и та нація, которая будетъ учить своихъ дѣтей точности, опредѣленности и законченности на латыни и грекахъ, а не на математикѣ, физикѣ, химіи и техникѣ.

Но нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія? Почему же французы, нѣмцы, англичане, испанцы, итальянцы и проч. такъ настойчиво, такъ усиленно, такъ трудолюбиво, такъ продолжительно изучаютъ латынь? Никакого. И вотъ почему.

Французы, нѣмцы, испанцы, итальянцы и проч. имѣютъ свою исторію, свою культуру, свои преданія, свою религію, свой языкъ — изъ Рима. Кто желаетъ получить прочное образованіе, точныя знанія, истинное просвѣщеніе, уваженіе къ своему прошлому, любовь къ настоящему и желаніе славы и величія въ будущемъ своей родиной, тотъ долженъ весьма и весьма тщательно изучать основу и корни своего прошлаго. Римская культура, исторія и религія есть основа для всѣхъ этихъ народовъ,—есть корень и почва, изъ которыхъ произошли эти націи. Всѣ эти націи есть производное Рима, воспріявшаго культуру Византіи. Изучая этихъ классиковъ, романскіе народы изучаютъ свою древнюю родную культуру, исторію, религію и языкъ. Они изучаютъ точность, опредѣленность и законченность своего родного, своего

національного. Романскія и германо-романскія нації не только должны, но и не могут не изучать своихъ классиковъ, ибо это ихъ народное, національное.

Ну а для чего же намъ, славянамъ, изучать этихъ классиковъ? Что они для насъ составляютъ? Ровно ничего. Да если бы это такъ было,—а то, при нашемъ усердіи не въ мѣру, они являются для насъ лишнею, тяжелою, подавляющею обузою. Латыняне и греки, въ томъ видѣ, какъ ихъ намъ преподносили, являются для насъ излишними, опасными и вредными. Они могутъ составлять предметъ любознательности въ будущемъ, какъ китайскій, индійскій и др. языки, но какъ система воспитанія—это великое зло.

Для насъ, русскихъ славянъ, должны быть и свои классики. Для насъ должна быть своя родная, національная, древняя основа, свой собственный родной классицизмъ, дающій намъ и нашу исторію, и нашу древнюю культуру, и нашу родную вѣру и нашъ родной языкъ. Такой классицизмъ у насъ есть и мы должны изучать его такъ же тщательно, такъ же старательно, такъ же усердно, такъ же продолжительно, какъ романо-германскіе народы римскій классицизмъ.

Нашъ русскій классицизмъ заключается въ литературныхъ произведеніяхъ церковно-славянскихъ и церковно-славянскомъ языкѣ. Наши предки — скифы, сарматы и славяне—народы древніе, не моложе западныхъ народовъ. Наша культура—

современница европейской культуры и была нѣкогда не ниже, а выше ея. Только татарское иго затормозило культуру нашихъ предковъ,—а нынѣ мы не только догоняемъ европейцевъ, но во многомъ обгоняемъ ихъ. Наша исторія—исторія скифовъ, сарматъ и славянъ. Наша религія—религія этихъ же народовъ, и само православіе русскихъ, по духу и проявленію, иное, чѣмъ православіе хитрыхъ, коварныхъ, жестокихъ грековъ. Нашъ языкъ—древне-славянскій языкъ. Наша литература—древне-славянская литература. Она не нова. Еще Константинъ философъ, святитель Кириллъ, въ Херсонесѣ нашель святое писаніе на славянскомъ языкѣ,—а это было до Св. Владиміра.

Вотъ почему каждый, получающій образованіе и мнящій быть образованнымъ, русскій, долженъ тщательно изучать исторію нашихъ предковъ, нашу древнюю скифскую и сарматскую культуру, наши славянскія вѣрованія, преданія, обычаи и нашъ церковно-славянскій языкъ. Вотъ нашъ русскій—славянскій классицизмъ. Познай самого себя.

Изученіе этого классицизма поставлено у насъ въ высокой степени неправильно и неудачно. Мы донынѣ нашихъ дѣтей давили лагънюю, а церковно-славянскій языкъ проходилъ кое-какъ. На этотъ предметъ отводилось 2—3 часа въ недѣлю въ теченіе одного года. Чтеніе на этомъ языкѣ идетъ въ высокой степени слабо и недостаточно

Чтеніе святого писанія производится на русскомъ языкѣ.

А между тѣмъ церковно-славянскій языкъ — языкъ богатѣйшій, выразительный и благозвучный. Это нашъ родной языкъ. Это тотъ языкъ, который создалъ языки и великорусскій, и малорусскій, и болгарскій, и сербскіе и др. Славянскія творенія заключаютъ въ себѣ нашу вѣру, нашу жизнь, нашу культуру, нашу исторію. Кромѣ религиозныхъ, мы имѣемъ на этомъ языкѣ произведенія историческія, поэтическія и научныя. Наши дѣти должны тщательно и усердно изучать эти произведенія для усвоенія языка и для познанія своей собственной древней жизни.

Нашъ великій народный геній, М. В. Ломоносовъ, въ основу изученія русскаго языка ставилъ изученіе церковно-славянскаго языка. И это совершенно правильно.

Въ настоящее время изученіе «Слова о полку Игоревѣ», былинъ и проч. идетъ кое-какъ. Чтеніе Евангелія производится на русскомъ языкѣ. Изученіе древней литературы проходитъ поверхностно, по ничтожнымъ отрывкамъ.

Такъ ли это дѣлаютъ французы, итальянцы и проч. съ своими классиками? Такъ ли поступали и у насъ съ римскими и греческими классиками? Нѣтъ, совершенно наоборотъ. Какая же для нашихъ дѣтей отъ изученія латинскаго языка польза? Та же, что и для дѣтей французовъ и итал-

янцевъ, если бы ихъ заставили изучать чуждыхъ имъ классиковъ. Кромѣ вреда — ничего.

Я вновь повторяю: нашъ классицизмъ — свой русскій-славянскій, родной, національный. Это — церковно-славянскій языкъ и произведенія на немъ. Въ нихъ наша исторія, наша культура, наши преданія, наша вѣра и нашъ родной языкъ. Мы должны обратить вниманіе нашихъ дѣтей на раскопки могилъ въ Россіи, ибо въ нихъ памятники нашей старины. Мы должны заставить нашихъ дѣтей прежде всего и серьезно всего изучить свое прошлое на нашемъ древнемъ языкѣ. Святое писаніе должно читаться на церковномъ языкѣ.

Нельзя любить, не зная и не изучивъ предмета. А изучивъ славянскій языкъ, наши дѣти будутъ любить свой родной русскій языкъ и перестанутъ стыдиться говорить въ «обществѣ» на своемъ языкѣ. Они будутъ любить свою исторію, свое прошлое, свою культуру, свои былины, свою литературу, свою родину.

Только такимъ путемъ мы поставимъ Россію на почву націонализма, искусственно и нарочито подавляемаго вѣковымъ ложнымъ классицизмомъ. *Русскій классицизмъ — славянскій*, а не романскій.

Языкъ несомнѣнно тѣсно связанъ съ національностью и кладетъ на нее свой рѣзкій отпечатокъ. «Въ сокровищницу родного слова, говоритъ К. Д. Ушинскій, складывается одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній,

плоды историческихъ событій, вѣрованій, возрѣній, слѣды прожитаго горя и прожитой радости,— словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни»...

«Какъ матеріалъ словесности, языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отсельъ занимаетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впоследствии оно сблизилось и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей».
(А. С. Пушкинъ, 618).

Важно обратить вниманіе на изученіе *иностранныхъ языковъ*; но не вести его такъ нелѣпо, какъ это дѣлали раньше, начиная учить едва ли не грудныхъ младенцевъ, что несомнѣнно, по справедливому замѣчанію Н. И. Пирогова, позоритъ національное чувство. Нашимъ дѣтямъ нужны французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Изученіе дѣтьми новѣйшихъ языковъ должно производиться не по бессмысленнымъ примѣрамъ существующихъ грамматикъ, а по живымъ примѣрамъ изъ текущаго преподаванія.

Преподаватели французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языка должны узнавать—какой урокъ предшествуетъ его уроку и соотвѣтственно тому на свой урокъ заготавливать слова и примѣры по предшествующему уроку географіи, исторіи словесности и проч. Такимъ образомъ предшествующій русскій урокъ по русской географіи до нѣкоторой степени будетъ повторяться на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. При этомъ самое изученіе иностранныхъ языковъ послужитъ къ большому утверженію познанія родины и во всякомъ случаѣ будетъ полезнѣе и интереснѣе, чѣмъ современное изученіе съ бессмысленными примѣрами.

Изученіе народной *исторіи* должно быть особенно тщательно и предшествовать изученію Всеобщей исторіи. вмѣстѣ съ изученіемъ исторіи собственного народа, *всѣ русскія дѣти должны знать также хорошо исторію тѣхъ народностей, которыя входятъ въ составъ нашего обширнаго отечества.*

Всѣ дѣти должны знать исторію русскаго народа какъ «Отче нашъ», а исторію народностей русскаго государства, какъ «Символь вѣры». Нужно знать прежде всего исторію своего народа, затѣмъ народностей нашего государства, затѣмъ исторію нашихъ братьевъ славянъ, затѣмъ исторію нашихъ враговъ и, наконецъ, исторію всѣхъ народовъ. Но ни одинъ предметъ не требуетъ такой осторожности въ выраженіяхъ при преподаваніи,

какъ исторія. Ни подъ какимъ видомъ не позволительно допускать выражений, могущихъ оскорбить слухъ и духъ дѣтей инородцевъ. Эти дѣтскія сердца и безъ того слишкомъ чувствительны. Не слѣдуетъ замалчивать и героев инородцевъ. Всѣ герои заслуживаютъ уваженія слѣдующихъ поколѣній и сближаютъ людей между собою.

Между тѣмъ въ настоящее время съ положительностью можно сказать, что 90% образованныхъ русскихъ не могутъ даже перечислить народностей Россіи и плохо знаютъ исторію Польши, Финляндіи, Грузіи, Арменіи и проч. Знанія даютъ силу, — невѣжество—бесиліе. Несомнѣнно важнѣе также, чтобы каждый русскій зналъ исторію Россіи, всѣхъ народностей, въ нее входящихъ, чѣмъ исторіи Цвингли, Карловинговъ и пр. Позорно знать весь міръ и не знать родины.

Не менѣе важно для насъ *преимущественное изученіе литературы нашей націи и ея народностей*. Въ литературѣ познается духъ народовъ и его жизнь. Стыдно и непростительно не знать того, что написали и что имѣютъ народности, составляющія нашу родную страну, если эти писанія достойны познанія; поэтому прежде нужно изучить нашу родную русскую литературу и литературу поляковъ, грузинъ, армянъ и финновъ, а потомъ уже приступить къ литературѣ всеобщей. Странно, но вѣрно. Въ этомъ отношеніи мы можемъ встрѣтиться съ многими неожиданностями. Такъ, всѣ кричатъ о высокой культурѣ финновъ.

На дѣлѣ эта страна—страна высокаго благосостоянія народа, созданнаго на плечахъ Россіи,—ея литература же и наука—ниже многихъ другихъ народностей, входящихъ въ составъ Россіи.

Было бы важно, чтобы и всеобщая исторія, по мѣрѣ возможности, проходила въ связи съ исторіею родины, а не была бы отдѣлена отъ нея какою-то непроницаемою стѣною.

Все преподаваніе въ среднихъ школахъ должно быть проникнуто однимъ — познаніемъ Россіи и возможностью принести пользу своимъ знаніемъ своей родинѣ. Такъ, изученіе въ реальныхъ училищахъ химіи и проч. должно быть тѣсно связано съ знаніемъ, гдѣ въ Россіи имѣются тѣ или другіе элементы, гдѣ фабрики, вырабатывающія тѣ или другіе продукты и проч.

Могутъ ли быть *высшія школы*—университеты, академіи и проч. національными?

Наука всемірна. Наука универсальна. Наука одинакова для всѣхъ. Наука—это свѣтъ міра. Наука — это свѣточъ народовъ. Да, истины науки неизмѣнны, но ея проявленія у различныхъ народовъ не одинаково. Наука вліяетъ на націи, — но и націи не безразлично относятся къ наукѣ.

«Народность мысли, опредѣляя какъ бы спеціальное ея значеніе въ области науки, наводитъ ее на пути къ открытіямъ, постепенно раздвигающимъ предѣлы общечеловѣческаго знанія, говоритъ Ю. Ф. Самаринъ 1). Это кажется беспор-

1) Ю. Ф. Самаринъ. Сочиненія, т. I, стр. 115.

но, но еще не все. Заключая въ себѣ возможность односторонности воззрѣнія, или пристрастія, народность познающей мысли въ тоже время представляетъ намъ ручательство за постепенное освобожденіе отъ предѣловъ ею же полагаемыхъ».

Призваніе народности въ дѣлѣ науки, представляется въ двоякомъ видѣ: съ одной стороны сродство мысли познающей съ мыслию, проявившею себя исторически, заключааетъ въ себѣ одно изъ существенныхъ условій постиженія внутренняго смысла и побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ эти проявленія; съ другой непричастность народнаго воззрѣнія къ предубѣжденіямъ и односторонностямъ, налагающимъ свое клеймо на воззрѣнія другихъ народовъ, даетъ возможность общечеловѣческому воззрѣнію постепенно расширяться и освободить себя отъ тѣсныхъ рамокъ, временно его ограничивающихъ»...

«Народность есть больше, чѣмъ объектъ мысли,—сама мысль должна получить отъ нея свое образованіе, ибо какъ въ исторіи общечеловѣческія начала проявляются не иначе, какъ въ народной средѣ, такъ и въ области науки мысль возводитъ эти начала въ сознаніе черезъ ту же народную среду».

«Каждый народъ долженъ себя разсказать, объяснить, раскрыть и опредѣлить свое отношеніе къ другимъ народностямъ, до него сошедшимъ со сцены и уступившимъ ему право первенства. Онъ одинъ можетъ исполнить свою задачу и

если онъ ее не исполнить, то для потомства останется навсегда многое неразгаданнымъ и темнымъ въ его исторіи. За тѣмъ произнести надъ нимъ историческій приговоръ, собрать во едино и оцѣнить сумму его приобрѣтеній, показать, что онъ дѣлалъ и чего онъ не могъ сдѣлать, опредѣлить его значеніе въ отношеніи къ послѣдующимъ судьбамъ человѣчества, можетъ только другой народъ, который прійметъ отъ него умственное наслѣдство» (Ю. Ф. Самаринъ).

Такимъ образомъ тѣсная связь между наукою и народностію стоятъ столь цѣпко и неизбежно, что едва ли это можно какъ нибудь подорвать и опровергнуть. Въ сущности сама наука создается народностью и тѣмъ она полнѣе, чѣмъ народность была созидательнѣе.

«Наука, конечно, вѣчная неизбежна для всѣхъ и каждаго въ основныхъ законахъ своихъ, говоритъ *Ө. М. Достоевскій* ¹⁾,—но прививка ея, плоды ея именно зависятъ отъ національныхъ особенностей, т. е. отъ почвы и народнаго характера... Изъ русскаго челоѣка цивилизація не могла сдѣлать нѣмца и русскій челоѣкъ остался все таки русскимъ... Знаніе не перерождаетъ челоѣка, оно только измѣняетъ, но измѣняетъ не въ одну всеобщую, казенную форму, а сообразно натурѣ челоѣка. Оно не сдѣлаетъ изъ русскаго не русскимъ, оно даже насъ не передѣлало. Вся нація, конечно, скорѣе скажетъ свое новое слово

1) *Ө. М. Достоевскій*. Сочиненія, т. IX, стр. 17.

въ націи и жизни, чѣмъ маленькая кучка, составляющая до сихъ поръ наше общество»...

Вышеуказаннымъ ясно доказывается, что наука несомнѣнно вліяетъ на націю, но и нація оказываетъ нерѣдко очень серьезное вліяніе на науку. Изъ этого вытекаетъ, что между наукой и націей существуетъ сродство и взаимоотношеніе и отрицать національное начало въ наукѣ совершенно невозможно.

Какъ отдѣльныя лица слишкомъ индивидуальны, такъ и составныя начала — націи также индивидуальны и кладутъ свой отбѣнокъ на науку, внося въ нее то, что составляетъ лучшую сторону индивидуальности той или другой націи. Возьмемъ ли мы религію, исторію, правовѣдѣніе, медицину, математику, — отношеніе различныхъ націй ко всѣмъ отраслямъ знаній далеко не одинаково и каждая изъ націй вноситъ въ эти отдѣлы науки свои индивидуальныя особенности, которыя пополняютъ и обогащаютъ науку.

Всѣ прекрасно знаютъ, что нѣмцамъ преимущественно свойственна философія и точныя науки, французамъ — блестящія математическія изысканія и все прекрасное, — англичанамъ — практическая сторона дѣла во всѣхъ наукахъ, — славянскій умъ — умъ всеобъемлющій и дающій поразительные успѣхи во всѣхъ областяхъ знаній, — но мало практичный и не скропулезный.

«Въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность, —

въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко-синтетическая, способность всемірности, всечеловѣчности, — говоритъ Достоевскій. Въ русскомъ челоуѣкѣ нѣтъ европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему челоуѣческому, внѣ различія націи крови и почвы. Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько нибудь есть челоуѣческаго интереса. У него инстинктъ общечеловѣчности. Онъ инстинктивно угадываетъ общечеловѣческую черту, даже въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ; тотъ часъ же соглашается, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ, находитъ имъ мѣсто въ своемъ умозаключеніи и нерѣдко открываетъ точку соединенія и примиренія въ совершенно противоположныхъ, соперничающихъ идеяхъ двухъ различныхъ европейскихъ націй, которыя сами собою, у себя дома, еще до сихъ поръ у себя, къ несчастію, не находятъ способа примириться между собою, а могутъ быть никогда и не примирятся»...

Не ту же ли спеціализацію мы видимъ и въ области религіи? Каждая нація выбрала религію, присущую и соответствующую духу своей націи. Таковы романскіе народы съ ихъ католичествомъ, — нѣмцы — съ холоднымъ протестантизмомъ и т. д.

Такимъ образомъ русскій славянскій умъ, умъ высоко синтетическій, тогда какъ англійскій умъ можно назвать высоко аналитическимъ. Та и дру-

гая особенности въ высокой степени важны для націи: первая въ моментъ изученія, а вторая въ моментъ обобщенія уже изученнаго. И понятнымъ становится Достоевскій, когда говоритъ:

«И страшно, до какой степени сильна воля русскаго человѣка! Никогда никто не отрывался отъ родной почвы, какъ приходилось иногда ему, и не поворачивалъ такъ круто въ другую сторону вслѣдъ за своимъ убѣжденіемъ! И кто знаетъ, господа иноземцы, можетъ быть Россія именно предназначено ждать, пока вы кончите; тѣмъ временемъ проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, цѣли, характеръ стремленій вашихъ; согласить ваши идеи, возвысить ихъ до общечеловѣческаго значенія и, наконецъ, свободной духомъ, свободной отъ всякихъ постороннихъ, сословныхъ и почвенныхъ интересовъ, ринуться въ новую, широкую, еще невѣданную въ исторіи дѣятельность, начавъ съ того, чѣмъ вы кончите,—увлечь васъ всѣхъ за собой».

Таково значеніе національной индивидуальности въ области жизни и науки.

Не менѣе восторженно отзываясь о русскомъ народѣ и А. Хомяковъ¹⁾: Грядущее положитъ, кому предоставлено стать впереди всего движенія, но если есть какая-нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви, правды и добра не призракъ, а сила живая и не умираю-

щая: зародышъ будущей жизни міровой—не германецъ, аристократъ и завоеватель,—а славянинъ, труженникъ и разночинецъ призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію».

Обращаясь къ различнымъ отдѣламъ наукъ, нельзя не указать, что отдѣлы наукъ политическихъ, соціальныхъ, историческихъ, даже многихъ естественныхъ не могутъ обойтись безъ національнаго воздѣйствія и только точныя математическія и физическія науки какъ бы стоятъ внѣ національнаго взаимоотношенія. Но и здѣсь универсальность и международность относительны. Наука можетъ быть универсальной,—но методы, системы, способы, приборы, особенно же литература и имена вполне могутъ быть и бываютъ на дѣлѣ национальными. Наука—достояніе всѣхъ, методы и системы часто бываютъ преимуществомъ націи,—а имена—славою и гордостью націи. Русская наука во всѣхъ своихъ отрасляхъ имѣетъ имена, пріобрѣвшія міровую извѣстность. Гдѣ та образованная школа за границей, которая не знаетъ именъ Лобачевского, Менделѣева, Боткина, Л. Толстого, Суворова и многих, многихъ другихъ. А между тѣмъ мы отличаемся полнымъ забвеніемъ къ своимъ свѣтиламъ науки. Часто это дѣлается по русской халатности и непростительному безразличію, а часто и потому, что въ генералы отъ науки забрались инородцы, которымъ не охота вызвышать имена русскихъ знаменитыхъ людей. Мы, русскіе, отличаемся особенно богатымъ знаніемъ литерату-

¹⁾ А. С. Хомяковъ. Сочиненія, т. V, стр. 108.

ры и именъ ученыхъ, очень часто на своихъ лекціяхъ уснащаемъ ими наши рѣчи, но или совершенно обходимъ имена своихъ ученыхъ, или представляемъ ихъ къ концу. Совершенно обратное тому дѣлаютъ французы, нѣмцы, англичане и проч. Посмотрите съ какою завидною и почтенною любовью и съ какимъ почтеніемъ единодушно поляки возвышаютъ своихъ ученыхъ и художниковъ. Еще съ большей настойчивостью, иногда даже съ нахальствомъ выдвигаютъ и произносятъ свои микроскопическія знаменитости еврей. А наши дѣйствительно великіе, по скромные ученые замалчиваются и мало кому извѣстны. Будемъ же твердо помнить слова Карамзина: кто себя мало уважаетъ, тотъ не можетъ рассчитывать и по отношенію къ себѣ на уваженіе отъ другихъ.

Этого у насъ впредь не должно быть.

Забывать своихъ великихъ людей и великихъ труженниковъ, — значить не уважать себя и непочтительно относиться къ своей родинѣ. Это стыдно.

Раньше мы кратко рассмотрѣли особенности характера русскихъ славянъ. Это я сдѣлалъ съ тою исключительною цѣлію, чтобы при воспитаніи было обращено особенное вниманіе на тѣ свойства характера, которыя достойны или поощренія, или слаживанія. Я не считаю возможнымъ указывать здѣсь рецепты для исполненія этой педагогической задачи. Это дѣло нашихъ славныхъ отечественныхъ

педагоговъ, — но отъ указанія этихъ особенностей я не считалъ себя въ правѣ отказаться.

Наши предки, скифы, сарматы и славяне занимали великую восточно-европейскую равнину и были на ней раскраплены отдѣльными родами на полной свободѣ и привольѣ. Они были храбры, воинственны, безстрашны и вольны, какъ вольный вѣгеръ. Они не допускали никакого насилія надъ собою. Они подчинены своему старшему въ родѣ, — но больше никто не тревожилъ ихъ свободы. Если на нихъ нападали сосѣдніе хищники, то русскіе славяне, за огражденіе своего спокойствія, готовы были даже платить дань другимъ хищникамъ. Но плата дани не была рабствомъ. Дань — это отчасти отступное, какъ это не рѣдко дѣлали греки нашимъ же предкамъ, вовсе не будучи ихъ рабами, — дань — это плата сосѣдямъ за огражденіе родовой безопасности.

Но русскіе славяне особенно опасались попасть подъ власть своимъ же единоплеменникамъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ дѣло не ограничивалось бы данью, а переходило бы въ подчиненіе, рабство. Послѣднее свободолюбивымъ русскимъ славянамъ было нестерпимо.

Тѣмъ не менѣе жизнь брала свое. Условія бытія осложнялись. Племя увеличивалось. Возникали взаимныя ссоры и розни. Приходилось самимъ между собою враждовать. А тутъ еще — платить дань сосѣдямъ. Думали, думали и рѣшили призвать власть и признать власть. Были призваны

славяне же, венды, и были признаны державною властью. Такъ было на сѣверѣ.

На югѣ, кажется, было нѣсколько иначе. Тутъ кажется, явились защитниками свои же сосѣди, Аскольдъ и Дирь. Но за тѣмъ, освѣвши на мѣстѣ, они стали повелителями. И въ томъ и другомъ случаѣ явилась самодержавная власть. И въ томъ и въ другомъ случаѣ славяне раздѣлились на двѣ части: одни занимались воинскимъ дѣломъ съ самодержавною властью, защитою отъ враговъ нападеніемъ на сосѣдей и собираніи добычи. Это были вой, это была дружина. Другіе работали дома: добывали хлѣбъ, готовили платье, заботились о лошадяхъ и оружіи и т. д. Волей не волей, эти работники лишались уже своей вольной волюшки. Они подчинялись приказанію самодержавной власти и ея дружины. Они на нихъ работали и мало по малу превратились въ рабовъ.

Этихъ рабовъ было несравненно больше, чѣмъ воевъ, ибо рабы должны были работать и на себя и на воевъ. Съ другой стороны и положеніе рабовъ было иное. Они терпѣли и отъ своей дружины и особенно много терпѣли они отъ набѣговъ сосѣднихъ князей съ дружиною. Во время удѣльнаго княженія положеніе поселянъ—рабовъ значительно ухудшилось. Во время татарскаго ига это положеніе стало невыносимымъ. Не легко было поселянамъ и въ смутное время. Домъ Романовыхъ регулируетъ это рабство и превращаетъ его въ крестьянство. Великій Петръ издаетъ особые на

этотъ счетъ законы. Великая Екатерина уничтожаетъ формально самое имя раба, но это, какъ замѣчаетъ А. С. Пушкинъ, не мѣшаетъ ей закрѣпить милліоны свободныхъ людей Малороссіи и Новороссіи. И только на нашихъ глазахъ оковы рабства были сняты императоромъ Александромъ II.

Тысячелѣтнее рабство, однако, не могло не наложить своего клейма какъ на рабовъ, такъ и на рабовладѣльцевъ. Оно лишило ихъ сознанія собственного достоинства, сознанія своего долга, уваженія въ человѣкѣ человѣка, чувства собственности, оцѣнки значенія собственности, прелести труда, лѣнь, униженіе, лѣсть, лишеніе чувства обиды, порочное воззрѣніе на жизнь, лишеніе жизнерадостности и т. д.

Всѣ эти важнѣйшіе элементы душевной жизни человѣка въ русскомъ славянинѣ были подавлены тысячелѣтнимъ рабствомъ и только нынѣ могутъ быть восстановлены путемъ воспитанія и путемъ восстановленія всѣхъ этихъ началъ, природою заложенныхъ въ душѣ человѣка.

Между тѣмъ и самодержавная власть съ своею дружиною дѣлала свое дѣло. Она собирала раздѣленные отдѣльныя части русскаго славянскаго племени во едино. Она строила изъ него единое цѣлое. Она построила его и ограждала отъ внѣшнихъ враговъ. Условія жизни показали, что для цѣлости и благополучія цѣлаго требуется покореніе сосѣдей и присоединеніе ихъ къ основному

цѣлому. Тѣмъ началось увеличеніе государства, расширеніе его предѣловъ, умноженіе его населенія и поднятіе его силы, мощи и величія. Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Домъ Романовыхъ, въ которомъ выдѣляются такія міровыя личности, какъ Великій Петръ и Великая Екатерина, и такіе великіе народники, какъ Великій Царь Александръ III.

И вотъ нынѣ Россія представляетъ собою величайшее государство въ мірѣ, занимающее $\frac{1}{5}$ часть тверди земной.

Великая по пространству, Россія велика и по своей мощи и величію. Къ союзу съ этой державой стремятся всѣ государства міра. Многіе сосѣди ищутъ ея защиты и покровительства. Многіе народы своимъ бытіемъ обязаны ея заступничеству. Ея литература—первая въ мірѣ. Ея художество и искусство поражаетъ міръ. Ея наука не уступаетъ успѣхамъ въ другихъ странахъ. Ея величіе вызываетъ въ сосѣдяхъ удивленіе, зависть и скрытую ненависть.

Мы, русскіе, съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что *мы имѣемъ честь быть членами великой и славной русской націи*. Вотъ почему всѣ руководители школъ и всѣ воспитатели должны, подъ великой отвѣтственностью за неисполненіе вселять и поддерживать въ нашихъ дѣтяхъ убѣжденіе и мнѣніе, что *Россія есть великое и мощное государство и русскіе съ честью являются ея достойными сынами*.

Такое положеніе Россіи и Русскихъ создается настоящимъ положеніемъ Россіи и тысячелѣтнею ея исторіей. Все, что составляетъ нынѣ Россію, создано ея достойными сынами. На этомъ должны зиждиться почтеніе и преклоненіе предъ прошлымъ Россіи и великая честь быть гражданиномъ ея въ настоящемъ. Всѣ народности, входящія въ составъ Россіи, есть ея подданные. Они могутъ быть равноправными намъ только постольку, по скольку они заслужатъ этого своею преданностью и готовностью служить Россіи, какъ ея настоящія, истинныя дѣти.

Не стѣсняться должны русскіе своимъ именемъ передъ всѣмъ свѣтомъ, а гордиться. Въ Россіи мы имѣемъ право на почетъ и уваженіе къ себѣ, ибо, находясь на границѣ Азіи, мы приняли на себя великое иго Монгольское и тѣмъ спасли Европу отъ ужасовъ этого ига. Мы пострадали за это и во многомъ отстали въ наукѣ и знаніи. И тѣмъ не менѣе мы сбросили это иго. Покорили себѣ своихъ бывшихъ владыкъ и успѣли догнать, непрерывно шествующую по пути знанія, Европу, не уступая ей въ своихъ познаніяхъ.

Развѣ это не даетъ намъ права гордиться нашей націей.

Мы имѣли право гордиться нашей націей внутри своего государства. Ибо мы смѣло можемъ сказать въ глаза всѣмъ нашимъ подданнымъ, что мы побѣдили ихъ, но не уничтожили. Мы сохранили имъ ихъ религію, ихъ языкъ, ихъ нравы

и обычаи и требуемъ одного: да помнятъ они, что *въ Россіи державная господствующая нація русская нація и кто желаетъ въ Россіи стать равнымъ русскому, тотъ долженъ стать духомъ—русскимъ*. Мы не признаемъ въ Россіи рабовъ, но кто осмѣлится въ Россіи идти противъ Россіи, тотъ лишень будетъ всѣхъ правъ, которымъ пользуются ея достойные сыны. Развѣ Лорисъ-Меликовъ не достигъ положенія верховнаго владыки... Развѣ Чарторійскій не повелѣвалъ судьбами Бѣлоруссін и Литвы... Имъ дано было больше, чѣмъ они имѣли на то право. Но пускай помнятъ и то, что польскимъ революціонерамъ и армянскому дашнакціонюну больше нѣтъ мѣста въ Россіи.

Пускай всѣ руководители и преподаватели въ нашихъ школахъ вѣдряютъ въ нашихъ дѣтей эту идею. Это ихъ долгъ. И пускай наши дѣти знаютъ, что они дѣти славной русской націи, державной въ Россійской Имперіи,—а дѣти прочихъ націй, да знаютъ, что они наши братья и для нихъ честь стать равными съ нами.

Сознаніе достоинства быть русскими должно создать новое условіе въ дѣлѣ воспитанія—*сознаніе своею дома, дома русскаго граждаина*. Каждый мальчикъ и каждая дѣвочка русской семьи, будь то дѣти свѣтлѣйшаго князя, или простого крестьянина, должны исповѣдывать ту идею, что имѣя честь быть русскими, они должны свято, открыто и неукоснительно признавать самодержавіе, создавшее великую Россію,—православіе,

всегда объединявшее и поддерживавшее ея сыновъ, единодержавіе—составляющее нынѣшнее величіе Россіи и благо народа, составляющаго сущность и основу нашего государства. Этотъ долгъ надлежитъ исповѣдывать какъ въ самомъ себѣ, такъ и внѣ себя открыто и никогда не стѣсняться защищать эти положенія, какъ не долженъ ни секунды задумываться защищать свою мать, ибо наша родина есть наша мать. Руководители и преподаватели русскихъ школъ и сами должны исповѣдывать этотъ символъ національной государственной вѣры и въ своихъ питомцахъ утверждать ихъ и не за страхъ, а за совѣсть.

Тысячелѣтнее рабство въ нашемъ отечествѣ естественно и невольно породило и воспитало въ народѣ подавленность и мрачность настроенія и мысли,—то, что называется пессимизмомъ. Съ этимъ направленіемъ и съ этимъ настроеніемъ нужно бороться и бороться въ высшей степени ожесточенно. «Ростъ великаго организма требуетъ соотвѣтствующей температуры въ окружающей атмосферѣ, говоритъ З. К. Столица, — требуетъ свѣта и тепла, способствующихъ развитію организма, — проявленію, упражненію и примѣненію его жизненныхъ силъ. Лишенный этихъ условій организмъ задерживается въ развитіи, болѣетъ. Такимъ то свѣтомъ и тепломъ является для человека *радость жизни*, согрѣвающая его и дающая расцвѣтъ всѣмъ его жизненнымъ силамъ, — особенно силамъ духовнаго характера. Искоренять

дурную привычку можно насаждениями соответствующей хорошей привычки»¹⁾). А такъ какъ нашимъ дѣтямъ присущъ чаще пессимизмъ, то руководители и преподаватели должны заботиться о насажденіи въ дѣтяхъ оптимизма. Для этого должно въ вопросахъ вѣры устранять отъ всѣхъ уроковъ жестокости и человѣконенавистничества Ветхаго Завета и развивать уроками любви, радости и милосердія Новаго Завета. Въ дѣлѣ любви къ родинѣ сообщать дѣтямъ побольше примѣровъ геройскихъ подвиговъ нашихъ предковъ, создавшихъ нашу родину и создавшихъ ей величіе и силу. Нужно побольше знакомиться съ природой и богатствами нашей родины, которые рисуютъ во всемъ величіи ея мощь и силу и создаютъ въ гражданахъ ея самоуверенность и самоуваженіе.

Сознаніе собственного достоинства и долга порождаетъ дальнѣйшее — *уваженіе челоѵка къ челоѵку*. Ибо кто сознаетъ, что онъ челоѵкъ и русскій и имѣетъ право гордиться этимъ, тотъ долженъ признать и въ другомъ русскомъ тоже право на уваженіе. Если ты желаешь, чтобы тебя уважали, уважай въ другомъ равнаго себѣ, тогда и ты получишь ту же плату. Кто не уважаетъ другого, тотъ унижаетъ самъ себя и понижаетъ и даже теряетъ право на уваженіе къ себѣ.

На эту черту характера воспитатели и учителя

¹⁾ З. К. Столица. Развитие въ дѣтяхъ жизнелюбности, 1912, 25.

ля должны обратить особенное вниманіе. Недостаткомъ уваженія другъ къ другу, много страдаютъ русскіе и англичане. Первые по недостаточному уваженію къ самому себѣ, — вторые по превеличенному уваженію къ себѣ и гордости. И то и другое не симпатично.

Надлежащая установка въ дѣтяхъ сознанія собственного достоинства и чувства долга избавитъ ихъ отъ присущихъ нынѣ многимъ русскимъ недостатка *гражданскаго мужества* защиты чести и величія своей родины и націи, — отъ присущихъ многимъ русскимъ *лести, самоуниженія* и недостатка самозащиты отъ наглости и нахальства близкихъ намъ инородцевъ и иностранцевъ. Все это отголоски многовѣкового рабства, пережитаго русскимъ народомъ, и образовательной отсталости, послѣдовавшей во время задержки роста Россіи въ періодъ монгольскаго ига.

Повышеніемъ сознанія собственного достоинства и чувства долга повысится также и уваженіе и любовь къ народу. Свободный трудъ въ закабаленной Руси превращается въ принудительную работу, а рабство и его послѣдствія — пользы труда на пользу владѣльца и проч., — едва ли могло послѣдить въ работающемъ любовь и уваженіе къ труду. Напротивъ, изнурительныя принудительныя работы на пользу владѣльца влекутъ за собою отвращеніе и ненависть къ труду. Отсутствие значительнаго заработка устраняло возможность ответственности, сознанія ея цѣны и значенія, а потому

стремленія къ созиданію собственности. Еще болѣе тому способствовали беззащитность собственности отъ посягательства владѣльца и его управляющихъ. Почему у народа атрофировалось не только чувство собственности, но и побужденіе къ ея образованію, а иногда даже ненависть къ чужой собственности, созданной трудами раба на пользу владѣльца. Этимъ объясняется почему наши рабочіе исполняютъ свою работу по найму безучастно къ интересамъ владѣльца и безъ всякаго вниманія участія къ его собственности.

Поэтому долгъ руководителей и преподавателей школы, на равнѣ съ поднятіемъ чувствъ достоинства и долга, стремиться къ развитію въ дѣтяхъ *уваженія и любви къ труду, бережливости, сбереженію, собственности и приобрьтенію*. Этимъ самымъ поднимается и уваженіе къ труженникамъ, рабочимъ, мастеровымъ и проч. Нужно разъ навсегда установить, что все это наши братья, равные передъ Богомъ, закономъ и другъ къ другу. Наличие собственности опредѣлитъ ея цѣнность и поведетъ къ ея сбереженію какъ у себя, такъ и у другихъ. Это поставитъ въ надлежащія отношенія нанимателя и нанимаемаго, дастъ имъ довѣріе другъ къ другу и поведетъ къ взаимопомощи.

Въ числѣ величайшихъ недостатковъ какъ русскаго славянскаго племени, такъ и вообще славянскаго племени, служитъ наша взаимная рознь, склонность къ враждѣ, ссорѣ и самоуниженію. Это великое наше горе. Оно подмѣчено у нашихъ пред-

ковъ греками и арабами болѣе тысячи лѣтъ назадъ. Оно въ насъ держалось въ теченіе этой тысячи лѣтъ. Оно зиждется въ насъ и нынѣ. Оно видимо какъ въ нашей жизни, такъ и въ политическихъ партіяхъ. Какъ только появится челоуѣкъ, выдающагося ума, дѣятельности, убѣжденія, такъ всѣ и накидываются на него, какъ звѣри.

Стыдъ,—великій стыдъ. Пора покончить съ этимъ. Пора побороть этотъ недостатокъ. *Пора объединить и примирить русскихъ славянъ..*

Разумѣется, то, что держалось болѣе тысячи лѣтъ, не можетъ быть уничтожено въ одинъ день. Придется съ этимъ недостаткомъ бороться и бороться долго, настойчиво и неутомимо. Противъ прирожденнаго есть одно могущественное средство борьбы—воспитаніе. И вотъ теперь на нашихъ педагогахъ лежитъ великій долгъ и тяжкая отвѣтственная обязанность—побороть и уничтожить эту взаимную нашу рознь, недовѣріе и самопоѣданіе. Наши враги, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе отлично знаютъ этотъ недостатокъ и всѣми мѣрами стараются его поддержать и раздуть.

Какія средства и мѣры придумаютъ наши педагоги—я не знаю. Но мнѣ кажется и въ данномъ случаѣ поднятіе *самосознанія, поднятіе чувства дома, признаніе передъ родиной своихъ обязанностей, сознаніе своихъ племенныхъ недостатковъ и стремленій къ ихъ исправленію во мно-*

юмъ поможетъ нашимъ пріемникамъ и облегчить трудъ педагоговъ.

Мнѣ кажется, условія современной жизни много могутъ помочь и облегчить трудъ исправленія нашего кровнаго прирожденнаго недостатка. Въ самомъ дѣлѣ. Рабство пало. Всѣ мы равны и въ трудѣ и въ правахъ. Нѣтъ насилія и нѣтъ безгласія. Все это даетъ возможность и почву къ довѣрью, взаимоприятности и взаимопомощи. Теперь мы можемъ не опасаться ни завладѣнія нами, ни помыканія, — а потому легко и свободно можемъ приступить и къ совмѣстному труду и къ довѣрчивой совмѣстной жизни. Уваженіе къ себѣ даетъ почву для уваженія и довѣрія къ другому, — а любовь къ родинѣ обяжетъ къ поддержанію единенія, общенія, единства и взаимоваженія.

Пусть каждый ежеминутно помнить: не судите, да не судимы будете. Пусть каждый помнить, что *наша родина требуетъ единенія*, а не розни. Пусть каждый помнить, что *достоинства одного не затмѣваютъ достоинства другого* и *каждый изъ насъ сынъ одной матери, служащій для нея и равный всѣмъ*.

Единеніе — сила, — эти слова да будутъ нашимъ девизомъ, — и розни и ссоры — великое несчастіе и покрывающій насъ позоръ.

Этотъ ужасный нашъ національный недостатокъ вытекаетъ изъ прирожденныхъ отрицательныхъ свойствъ нашей націи. Въ силу этого недостатка мы должны сомкнуться и объединиться.

Но есть и другой недостатокъ у насъ, вытекающій изъ положительныхъ свойствъ нашей націи. Этотъ недостатокъ подмѣченъ Достоевскимъ и возведенъ въ достоинство. Все зависитъ отъ того, когда и какъ проявится онъ. Это — *всечеловѣчленіе*. Это — особенная способность русской славянской націи къ обобщенію всѣхъ вопросовъ науки и жизни. Всепремیرеніе и обобщеніе дѣйствительно свойственны намъ. Оно ведетъ къ тому, что мы можемъ жить и господствовать между 150 племенами соподчиненныхъ намъ народовъ. Оно ведетъ къ тому, что мы можемъ жить и между иностранцами и принимать самые непримиримые ихъ интересы.

Это свойство русской славянской націи можетъ повести къ тому, что со временемъ она сможетъ послужить объединительницей всего европейскаго міра, къ чему стремилось и стремится католичество, — но только не путемъ агрессивности, а путемъ любви, смиренія и взаимопомощи.

Но это свойство еще не вполне развито. Оно еще не культивировано. Оно въ зачаточномъ и эволюціонномъ состояніи. Оно достояніе всей націи, — а $\frac{9}{10}$ націи находится еще въ латентномъ состояніи. Но это свойство всечеловѣчія легко можетъ переходить въ космополитизмъ, — что и было съ нами въ шестидесятые — семидесятые годы. Но между этими двумя состояніями великая разница: *космополитизмъ* насильственное поглосеніе націи человечествомъ, — *всечеловѣчленіе* — объединеніе

всѣхъ націй въ одной при ихъ основной неприкосновенности. Въ этомъ отношеніи русскимъ славянамъ предстоитъ тройкій трудъ: объединеніе своихъ подданныхъ племенъ, объединеніе славянъ и объединеніе остальныхъ европейскихъ народовъ.

Но это дѣло отдаленнаго будущаго. А пока русскіе должны стать прежде всего русскими. *Россія для всѣхъ русскихъ и всѣ русскіе для Россіи.* Великая задача нашихъ педагоговъ настоячиво культивировать въ русскихъ дѣтяхъ ихъ русскія національныя черты и устранять все, что будетъ ихъ увлекать на почву космополитизма.
